

П. ЗОРОАСТРОВ

**ЭТО
БЫЛО
ПОД
КРАСЛАВОЙ**

П. ЗОРОАСТРОВ

**ЭТО
БЫЛО
ПОД
КРАСЛАВОЙ**

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1983

9(с)27
386

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

Литературная запись **А. Ф. Ожегова**

Рецензент **Ю. В. Плотников**

З $\frac{11202 - 06}{М152(03) - 83}$ 09-83

© Пермское книжное
издательство, 1983

*Героическим воинам 112-й
стрелковой дивизии — сынам
и дочерям Прикамской зем-
ли — посвящается эта книга.*

А в т о р

Каждый день минувшей войны требовал напряжения всех сил нашего народа. Но самыми тяжелыми были ее первые дни и недели.

Исключительную отвагу и самоотверженность явили миру советские воины, грудью вставшие на защиту Родины.

Первым вступившим в войну соединением уральцев была 112-я стрелковая дивизия, сформированная в Пермской области в 1939 году. Надо было остановить, задержать лавину гитлеровских полчищ, чтоб в тяжелейший для Родины час обеспечить эвакуацию производства, мобилизацию и формирование воинских соединений, создание эшелонированной обороны.

На одном из участков фронта, под латвийским городом Краслава, пермяки показали в боях с врагом образец высокой воинской выучки ведения военных действий, беспримерного мужества и героизма, бесстрашной стойкости. Многих воинов этой дивизии автор знал и любил, ему доводилось водить их в бой, видеть их отчаянную храбрость, героическую гибель.

И долг старого солдата заставил П. В. Зороастрова как участника и свидетеля рассказать о том, что он видел и знал, чем делились с ним его боевые друзья. О делах и судьбах воинов дивизии важно

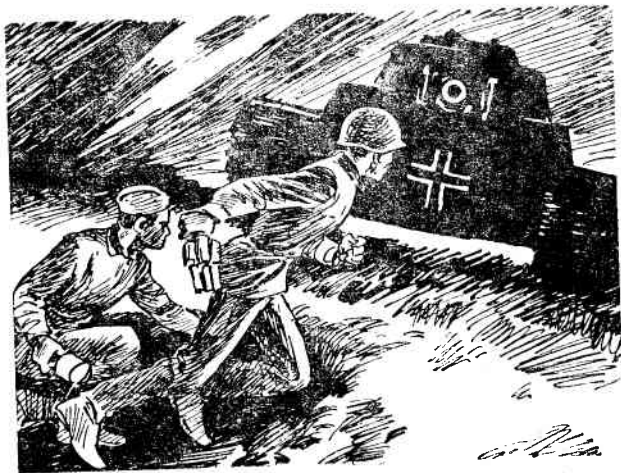
помнить не только их близким и ветеранам. Об этом необходимо также знать поколению, родившемуся и выросшему в мирные годы.

Повесть П. В. Зороастрова документальна. Автор с глубоким знанием военной обстановки дал панораму боевых действий дивизии, рассказал о ее славном пути в первые недели войны. Но это не просто собрание фактов, деталей, а, в первую очередь, — размышления над ними. Повесть дает возможность пристальнее взглядеться в лица людей, которых уже нет рядом с нами, но которые честно, мужественно, по солдатски выполнили в грозные годы войны свой долг перед Родиной и проявили высокую преданность ленинской партии.

Не стало и автора — полковника в отставке, кавалера многих боевых орденов и медалей — Петра Венедиктовича Зороастрова.

Большую помощь в подготовке этой книги оказали ветераны 112-й стрелковой дивизии: М. С. Адамсов, И. П. Беляев, А. П. Буткин, В. П. Борисов, М. П. Бычков, И. А. Волков, Г. И. Дедов, И. Г. Збаразский, А. Ф. Копп, Ф. С. Кочетков, П. И. Ложкин, Н. В. Нещерет, А. С. Плешков, Н. Ф. Степанов, И. Ф. Хромушкин.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

КРАСНЫЕ КАЗАРМЫ

Вся моя жизнь связана с Камой и Волгой. На Каме, чуть ниже Набережных Челнов, я родился. На Волге, возле Нижнего Новгорода, прошло отрочество. С тех пор чувство Родины неотделимо для меня от этих русских рек.

Детство было трудным. Мать умерла от тифа в двадцатом году, когда мне едва сравнялось десять лет. Отца мы, восемь детей, тоже мало видели. Старый солдат, он с первых дней революции работал в милиции, в уголовном розыске, зачастую находился в отъезде. Однако авторитет его был для нас непрекаем. Несмотря на почти полную безнадзорность, никто из нас не пошел по дурному пути.

Навсегда запомнились мне запахи прибрежных росных туманов, осинового подкорья плотов, канатной смолы, раскатывающиеся над водной гладью пароходные гудки. Я мечтал стать капитаном буксира...

Из дому я ушел по весне, перед началом навигации, когда мне исполнилось шестнадцать. Отец вручил прибереженные сорок рублей и благословил: иди устраивайся.

В Нижнем Повгороде я пробыл недолго, узнал, что на Урале идет большое строительство, и решил махнуть с приятелем в новые для меня края. Пришли в обком комсомола. Там дали направление под Тюмень, на восстановление бумажной фабрики. Директором ее был Костя Шмуклер. Хотя ему подходило под слово, он оставался настолько свойским, что иначе как Костей его даже молодежь не называла. В гражданскую Шмуклер воевал комиссаром артиллерийского полка.

Подгода я сдесарил, а потом лучшим комсомольцем представилась возможность ехать за счет фабрики на учебу в Московский промышленно-финансовый институт или в военное училище. То ли по примеру Шмуклера и отца, то ли под влиянием юношеских представлений о воинской службе я выбрал армию.

В 1927 году приехал в Томскую артиллерийскую школу. Через четыре года закончил ее с отличием. С новеньким «кубарем» в петлице отправился с молодой женой к первому месту моей службы — в Сталинград.

После образования Уральского военного округа я получил назначение в 82-ю стрелковую дивизию. Наш полк квартировал в Перми. Тогда я впервые увидел знаменитые Красные казармы.

Затем я служил в 65-й дивизии, также входившей в состав войск Уральского военного округа. Был командиром батареи, заместителем начальника полковой школы, командиром дивизиона, исполняющим обязанности начальника штаба полка. На Западный Урал я вернулся осенью тридцать девятого года в звании капитана.

Тогда в связи с обострением международной обстановки создавался ряд новых соединений Красной Армии. В Пермской области формировалась 112-я стрелковая дивизия. Мне предстояло вступить в должность начальника штаба 449-го гаубичного артиллерийского полка.

Некоторые подразделения размещались в Перми, в Красных казармах. Мне все здесь было памятно до мельчайших подробностей: жилые корпуса из красного кирпича, приземистые конюшни, коновязи с гремящими на цепях цимбалинами, учебные плацы и плотный хвойный лес за глубоким оврагом, который промыла извилистая речка Егошиха. Не было только 82-й дивизии. В связи с событиями на Халхин-Голе она в составе трех стрелковых полков, гаубичного и пушечного артиллерийских полков, отдельных разведывательного и саперного батальонов в июне 1939 года отправилась из Перми в Забайкалье. Ее место заняла формируемая 112-я стрелковая дивизия под командованием Ф. Д. Рубцова.

**Федор Дмитриевич
Рубцов**

Когда я приехал, в Красных казармах было уже многолюдно, однако все прибывали командиры, рядовой состав, боевая техника и снаряжение.

Гаубичного полка, или, как его сокращенно называли, ГАП, еще не имелось. Его нужно было создать: получить технику, принять пополнение молодых красноармейцев, сформировать батареи и дивизионы и долгие месяцы обучать их сложнейшему ратному труду. Ведь артиллеристы в сухопутных войсках того времени являлись наиболее квалифицированными специалистами. Командиром полка был назначен майор Иван Гаврилович Збаразский, знакомый мне по службе в 82-м артполку 82-й стрелковой дивизии. Тогда он в звании старшего лейтенанта командовал батареями. За годы, которые мы не виделись, Збаразский командовал дивизионом, а при формировании новой дивизии ему доверили полк.

Опыта руководства полком ни у Збаразского, ни у меня не имелось. Всем необходимым предстояло овладевать впервые. Но командование смело выдвигало молодежь на ответственные должности.

РОЖДЕНИЕ 112-й СТРЕЛКОВОЙ

112-я дивизия формировалась в составе пяти полков: трех стрелковых и двух артиллерийских. Первый артполк являлся легким (ЛАП) и имел два дивизиона 76-миллиметровых орудий новейших систем. Второй, гаубичный артполк трехдивизионного состава получил на вооружение 122- и 152-миллиметровые орудия. Легкий полк располагал только конными запряжками, а гаубичный находился почти полностью на механической тяге. Гаубичные полки в состав стрелковых дивизий вводились тогда впервые и предназначались в основном для разрушения наиболее мощных оборо-

нительных сооружений и для контрбатарейной борьбы.

К тому времени наши войска уже имели некоторый опыт ведения современного боя с применением массы боевой техники, особенно танков. Позади остались недавние бои в районе Халхин-Гола, следили мы и за военными действиями в Европе. Поэтому новые войсковые соединения Красной Армии формировались с учетом самых последних данных военной науки.

В условиях тогдашнего боя все более заметное место занимали танки. Для борьбы с ними требовалась специальная артиллерия. Поэтому в дивизию включался отдельный истребительный противотанковый дивизион трехбатарейного состава, что являлось новшеством. Кроме того, стрелковые полки имели батальонную и полковую артиллерию. В общем, оружийных стволов в составе дивизии было много. Артиллерия являлась основной ударной силой и в последующем сыграла выдающуюся роль.

К концу сентября в дивизию прибыл весь командный и политический состав. Командира соединения Федора Дмитриевича Рубцова я знал по нескольким годам совместной службы в 65-й дивизии. Выходец из беднейших крестьян, он прошел в армии путь от солдата до командира, имел большой опыт гражданской войны и серьезную военно-академическую подготовку. Но все это пришло не сразу и далеко не просто. Когда Рубцов впервые держал экзамен в академию, то в простеньком диктанте сделал сорок ошибок. Провалился, конечно. С тем большим упорством вновь сел за учебники. И на следующий год выдержал экзамены блестяще по всем предметам.

Я никогда не видел, чтобы Федор Дмитриевич распекал даже самого недисциплинированного красноар-

мейца. С провинившимися он разговаривал по-отечески, добираясь до сути проступка.

Скрупулезно готовил он войсковые учения, артиллерийские стрельбы, командно-штабные игры. Необходимо подчеркнуть, что именно комдив Рубцов заложил прочный фундамент отличной выучки и высокой дисциплинированности всего личного состава 112-й дивизии.

Вскоре Ф. Д. Рубцов был отозван и командовал другой дивизией в финской кампании. После Рубцова очень недолго нашей дивизией командовал полковник Василий Михайлович Алексеев.

Наконец, весной 1940 года соединение принял комбриг Ян Семенович Адамсон, человек легендарный со времен гражданской войны, сыгравший в предвоенные и первые военные годы исключительную роль в формировании и обучении уральских войсковых частей.

Рабочий-каменщик из латвийского города Лиепая, рядовым солдатом прошедший всю мировую войну, Адамсон смог проявить свой прирожденный военный талант только после революции, командуя полком в знаменитой латышской стрелковой дивизии, входившей в состав 14-й армии под командованием выдающегося полководца И. П. Уборевича. Глубокой осенью 1919 года полк Адамсона первым атаковал деникинские укрепления у орловской деревушки Чернь. Вслед за ним двинулась вся дивизия, а затем в прорыв устремились конники героя гражданской войны В. М. Примакова, обеспечив наступление всей армии. Член Реввоенсовета 14-й армии Г. К. Орджоникидзе телеграфировал В. И. Ленину о крупном успехе. Отличился 3-й латышский полк и в следующем году в боях за Каховку. Тогда Адамсон был награжден орденом Красного Знамени. Коммунист

с 1912 года, Ян Семенович принес в нашу дивизию все лучшее из опыта старшего поколения революционеров, большевиков, командиров.

**Иван Петрович
Беляев**

**Ян Семенович
Адамсон**

Заместителем Адамсона по политической части стал полковой комиссар Беляев. Иван Петрович был еще молод, лет тридцати пяти, но уже имел немалый опыт партийной работы и в совершенстве знал строевую службу, так как в прошлом сам являлся строевым командиром. Отличный спортсмен, он уделял много внимания организации физкультурной работы в подразделениях. К концу 1940 года дивизия по физподготовке занимала первое место в Уральском военном округе.

Штаб дивизии с первых дней формирования возглавлял полковник Маковчук, а артиллерией соединения командовал полковник Лев. Их у нас называли

академиками, потому что они закончили Военную академию имени М. В. Фрунзе, обладали большими теоретическими познаниями, имели практический опыт руководства войсками. Старый артиллерист, Михаил Яковлевич Лев отлично готовил командиров и начальников штабов арtpолков. Артиллерия нашей дивизии была признана лучшей в округе, а сам полковник Лев за ее подготовку был награжден в конце 1940 года орденом «Знак Почета». Оперативным отделом штаба руководил бывалый командир майор Александр Борисович Родионов.

385-м стрелковым полком командовал полковник Александр Иванович Садов, сорокапятилетний кадровый командир, участник гражданской войны. Долгие годы он командовал батальоном и лишь недавно принял полк. Новая должность оказалась ему вполне по плечу. Садов много внимания уделял работе своего штаба, увлекательно проводил командирские занятия в полевых условиях. Это был невысокий плотный человек с лобастой, крупной, наголо обритой головой. Лицо его всегда выражало сосредоточенность, целеустремленность, волю. Яркий румянец как бы свидетельствовал об избытке здоровья и силы.

Особенно выделялся среди комсостава командир 416-го стрелкового полка майор Александр Антонович Буданов, на редкость энергичный, подвижный человек, мгновенно реагирующий на любые изменения обстановки полевых учений, лагерной жизни или похода. В армии он служил давно, вырос из младших командиров-сверхсрочников и страстно любил военную службу. Буданов являлся в дивизии непревзойденным знатоком стрелкового оружия, мог с закрытыми глазами виртуозно разобрать и собрать пулемет, автомат, пистолет любой системы, не говоря уже о винтовке. Свое мастерство он часто демонстрировал

на командирских занятиях. Александр Антонович настойчиво обучал полк быстрым и длительным пешим переходам, марш-броскам. В этом виде боевой подготовки 416-й был всегда впереди.

**Михаил Яковлевич
Лев**

**Александр Борисович
Родионов**

Мне ближе других оказался командир легкого артиллерийского полка майор Сергей Афанасьевич Медведев. Это был человек высокой военной культуры. Я никогда не видел, чтобы он горячился, никогда не слышал повышенного тона, а уж тем паче ругани в разговоре с подчиненными. До назначения в дивизию Медведев несколько лет работал в Управлении артиллерии Наркомата обороны. Был он коренным жителем Перми. Я не раз бывал с Медведевым у его матери в Мотовилихе. Сергей Афанасьевич очень любил свою старенькую мать.

Заместителем командира 436-го легкого артилле-

рийского полка по политчасти был тридцативосьмилетний батальонный комиссар Федор Савельевич Кочетков. Поистине неутомимый, отлично подготовленный политработник, выходец из рабочей семьи, член партии с 1928 года. Он умело вел политическое воспитание личного состава батарей и дивизионов полка. Вникал во все детали боевой выучки и быта солдат и командиров, знал весь состав семей командиров, их нужды. Много работал над своим образованием и был отличным артиллеристом. И когда мне довелось самому командовать этим полком, я понял, как легко работать с Ф. С. Кочетковым.

Командование округа торопило с окончанием формирования. Предстояло в довольно сжатые сроки обучить бойцов, провести с ними сотни ротных, батальонных, полковых, дивизионных учений и боевых стрельб.

К концу октября 1939 года укомплектование завершилось во всех частях. Прикамье направило в дивизию своих лучших сынов, в большинстве своем комсомольцев. У многих на груди поблескивали значки ГТО, «Ворошиловский стрелок», ПВХО, ГСО, разрядные значки спортсменов.

Один из полков, 524-й, состоял преимущественно из березниковцев. 416-й полк формировался в основном из уроженцев Кунгурского района Пермской области. В Красных казармах размещались молодые воины, призванные с пермских заводов и фабрик, из пригородных колхозов.

По нарядам Наркомата обороны в дивизию прибыла большая группа молодых лейтенантов. Они успешно закончили военные училища и получили должности командиров взводов. Для большинства из них Красные казармы оказались первым и последним мирным гарнизоном.

К ноябрьским праздникам формирование 112-й дивизии завершилось. Семнадцать тысяч молодых красноармейцев-пермяков начали постигать науку защиты социалистической Отчизны. Над речкой Егошихой, над зубчатой грядой леса за оврагом призывно запели сигнальные трубы зорь и тревог.

НАКАНУНЕ

Зима в 1939 году выдалась ранняя и снежная. Но полки ежедневно выходили на полигоны.

Появлялись новые заботы. Так, в подразделениях ощущалась нехватка младших командиров. А ведь этот непосредственный начальник бойца, его повседневный наставник выполняет важнейшую роль в воспитании и обучении воинов. Поэтому зимой особое внимание уделялось комплектованию полковых школ, куда отбирались наиболее подготовленные, дисциплинированные бойцы, преимущественно из числа коммунистов и комсомольцев. Кроме того, потребовалось на базе всех полков, в том числе и артиллерийских, срочно сформировать и обучить несколько лыжных батальонов. Дело в том, что в ноябре 1939 года буржуазная Финляндия провела всеобщую мобилизацию. Белофинские войска развернулись на Карельском перешейке и в других районах вблизи советской границы. Отклонив миролюбивые предложения Советского Союза, финская военщина организовала серию вооруженных провокаций. 30 ноября на Карельском перешейке начались военные действия. Против белофиннов выступили войска Ленинградского округа. Но требовались части, обученные нести на лыжах в глубоких снегах.

Доли подготовки лыжников пришлась и на нашу дивизию. Правда, срок специального обучения ока-

зался невелик, так как на формирование прибывали коренные уральцы, уже владеющие в той или иной мере лыжной техникой. Но все же подготовка требовала времени, откомандирования лучших красноармейцев и командиров.

В мае 1940 года состоялись первые выпуски полковых школ, и сотни молодых младших командиров приняли отделения, экипажи и орудия. В конце мая все полки вышли в лагеря.

Учебно-боевых полей было оборудовано достаточно. Каждый полк имел свое стрельбище, а артиллеристы — хорошо оборудованный полигон. Учитывая опыт боевых действий против белофиннов, когда приходилось прорывать сильно укрепленные районы, дивизия соорудила подлинный по размерам укрепленный район. Батальоны и полки поочередно штурмовали его, а артиллеристы учились вести огонь на разрушение. В конце лета 1940 года командование округа проводило у нас показательные окружные учения.

При подготовке орудийных расчетов много внимания уделялось стрельбе прямой наводкой по танкам. Учебные танки сооружали из фанеры, окрашивали их в защитные цвета и тянули тягачами при помощи тросов. За лето артиллеристы показали хорошие результаты.

Отрабатывался новый в то время метод сопровождения наступающей пехоты и танков огнем валом. Этот метод требует от артиллеристов большой точности стрельбы, полной топографической подготовки, предельно четкого взаимодействия с пехотой и танками, громадного расхода снарядов. Огневой вал — сплошная стена артогня, все сметающая на своем пути. Пехота и танки следуют непосредственно за валом. Такой вид сопровождения предполагает скрупулезную подготовку войск, смелость и натренированность наступающих.

К концу лагерного периода артиллерийские полки добились хороших результатов. Большинство командиров орудий имели отличные оценки, многие наводчики получили звание снайпера артогня. Каждый полк имел снайперские орудия и батареи.

Особое место командование дивизии и политотдел отводили обучению пехоты, главным образом мелких подразделений, борьбе с танками, преодолению так называемой танкобоязни. Тогда войска еще не имели на вооружении противотанковых гранат, не шло и речи о бутылках с горючей смесью. Все это появилось позднее, в ходе войны. Пока же пехоту учили применять против танков связки ручных гранат. Комбриг Адамсон порой сам, маскируясь, передвигаясь попластунски, показывал бойцам и младшим командирам способы бросков связок.

Жили мы тогда, в общем-то, с ясным сознанием неотвратимости войны. Правда, все думалось, что неизбежное произойдет еще очень нескоро. Но утром 9 апреля гитлеровцы вторглись в Данию и Норвегию, а на другой день — во Францию, Нидерланды, Бельгию и Люксембург.

Летом последнего мирного года полки дивизии на учениях тщательно отрабатывали вопросы наступления. Обороняться учились редко, а уж об организации вынужденного отступления совсем не думали. Позже, в первые недели войны, вскрылись также недостатки в инженерной подготовке подразделений и частей. Мы недооценивали важность хорошо оборудованных, отрытых в полный профиль траншей.

Но в целом дивизия закончила тогда учебный год с отличной оценкой. Полки возвращались на зимние квартиры. Многие командиры собирались в очередные отпуска, иные были премированы путевками в санатории. Готовился отдохнуть и я. Однако вместо

отпуска пришли новые хлопоты. Командир легкого артполка майор Медведев уехал на полгода в артиллерийскую академию на переподготовку, и я был назначен исполняющим обязанности командира этого полка. Кроме того, как раз тогда наша воинская делегация готовилась выступить на областной партийной конференции с докладом-рапортом. Возглавить делегацию и доложить конференции о нашей боевой готовности командование дивизии поручило мне. Мог ли я предполагать, что всего несколько месяцев спустя мне доведется вести в бой именно тех бойцов, которые в составе делегации дали клятву не щадить жизни для защиты наших священных рубежей, до последней капли крови отстаивать завоевания Великого Октября...

Последняя мирная зима прошла в еще более напряженной учебе. Дивизия получила превосходную закалку. Ее части поочередно выезжали в лагеря на учения с ночевками в зимнем уральском лесу. По итогам сезона соединение заняло первое место в округе по лыжному кроссу имени наркома обороны маршала С. К. Тимошенко. За это всему личному составу выдали кожаные сапоги, в то время как бойцы других соединений носили сапоги кирзовые. Тогда же расстались мы с легендарными буденовками. Признаться, жаль их было, хотя шапки-ушанки гораздо практичнее.

Весна 1941 года оказалась ранней и дружной. В самом начале мая открылась навигация на Каме. В разноголосый гул большого города влились басовитые гудки камских и волжских судов. Зацвела черемуха, пошли в рост озимые. Ожидалось погожее и урожайное лето.

Военный совет округа подвел итоги зимнего периода боевой и политической подготовки войск. Сре-

ди лучших частей округа был отмечен и наш 436-й легкий артиллерийский полк. Солдаты, офицеры, партийная и комсомольская организации полка показали отличные результаты. Военсовет округа поставил перед нами задачи по интенсивной летней подготовке подразделений и частей.

Дивизия походным порядком выступила в летние лагеря. К концу мая ожидался приезд в лагеря и наших семей. Это всегда становилось радостным событием. К тому же жены командиров хорошо помогали в оборудовании Ленинских комнат, клубов, столовых, участвовали в красноармейской самодеятельности, спортивной жизни. Многие из них с удовольствием работали на огородах, в подсобных предприятиях.

Командование дивизии сразу же подготовило и провело большие учения по погрузке в железнодорожные составы и выгрузке из них. Полки по тревоге поднимались рано утром, форсированным маршем двигались к местам сосредоточения, грузились и, проехав несколько десятков километров, тем же порядком возвращались в лагеря. На учениях, как правило, присутствовали военный комендант станции и другие железнодорожные начальники. На погрузку стрелкового полка с приданными ему артиллерией и упряжками лошадей отводилось около сорока минут, для артиллерийских полков — чуть больше. Видимо, эти учения предусматривались в планах больших масштабов.

В мае в полки и штаб дивизии из городов и районов области начал прибывать командный состав запаса для трехмесячной переподготовки. Командиры эти предназначались на доукомплектование частей в случае введения штатов военного времени. Они проходили службу при всех частях и по всем специальностям. Среди них имелось много политработников.

Тогда я познакомился с инструктором Пермского обкома партии Гавриилом Ивановичем Дедовым, очень эрудированным лектором, хорошо знавшим международное положение. Он стажировался на интересной должности — инструктора политотдела дивизии по работе среди войск противника и гражданского населения.

В истребительном противотанковом дивизионе славился отличной подготовкой и недюжинной физической силой работник Пермского городского трамвайного парка лейтенант Валерий Павлович Борисов. Превосходный артиллерист-снайпер, он однажды на учениях немало удивил всех, целый километр прокатив «сорокапятку» — 45-миллиметровое противотанковое орудие. Этот случай быстро стал известен артиллеристам дивизии. Даже нечто вроде лозунга у них появилось: «Тяни, как Борисов».

В мае же, закончив полугодовую переподготовку в академии, возвратился в дивизию командир легкоартиллерийского полка майор Медведев, которого я замещал. Привез он массу методических разработок, выписки из проекта нового Полевого устава и другие пособия. Сергей Афанасьевич остался доволен отличными результатами зимней подготовки части. Я сдал ему полк, но в 449-й гаубичный уже не вернулся, так как был назначен заместителем Медведева по строевой части в 436-м ЛАПе.

В связи с возвращением командира мне наконец предоставили отпуск. Быстро оформив документы, я распростился с лагерем. Думалось, что на тридцать суток, не считая времени в дороге.

И вот мы с дочкой Таней плывем по Каме, плывем по Волге, видим берега с буйной зеленью, ярое солнце в небе и еще ослепительнее — на воде, слышим глубокие басы пароходов.

Мы навестили в Чебоксарах моего старенького отца. Ему в ту пору было уже под семьдесят. Погостевали неделю и тронулись в обратную дорогу.

Снова Волга и Кама. На полях заканчивался сев. Встречные пассажирские пароходы переполнены отдыхающими. В безмятежном настроении 11 июня мы вернулись в Пермь. Остаток отпуска я рассчитывал провести дома, но уже на другой день встретил Александра Борисовича Родионова, который к тому времени являлся начальником штаба дивизии. И от моих мирных планов ничего не осталось.

ТРЕВОГА

— Слушайте, Зороастров, вам надо срочно прибыть в лагерь, — сказал Родионов. — Явитесь непосредственно к командиру дивизии.

— А что случилось?

— Сам ничего толком не знаю. Комдив разъяснит. Я побежал домой собираться. Сказал жене, что меня вызывают из отпуска. Она работала в гарнизонном детском садике, который сейчас готовился к выезду в летний лагерь в расположении наших частей. Жена засобиралась со мной, чтобы посмотреть, готовы ли помещения для садика. Но я умчался на попутной машине, договорившись, что жена приедет вечером дачным поездом.

В лагере не чувствовалось никакой тревоги. Командиры, здороваясь, удивленно спрашивали:

— Ты же в отпуске, чего здесь-то потерял?

Зашел к командиру полка. Мы с ним занимали одну небольшую двухквартирную дачку. Сергей Афанасьевич расспрашивал, как я съездил к отцу, почему вернулся.

— Вызвали, — говорю.

— Видимо, новое назначение получишь.

Комдива в расположении лагеря еще не было. Дежурный сказал, чтобы я пришел позднее.

Весь день до лагеря доносились привычные звуки пулеметной и винтовочной стрельбы, команды «к бою», «правее», «левее». И вот все стихло. Закончились вечерние поверки. Гасли огни в палатках и домиках. Только в штабе светились окна — там разрабатывали задания частям и подразделениям на завтрашний день.

Я снова пришел в штаб. Комдив находился здесь. Комдив, командир дивизии, — это его должность. По званию же он был комбригом. Хотя к тому времени уже ввели генеральские звания, некоторых еще не аттестовали, и Адамсон пока носил прежнее звание комбрига, а не генерал-майора.

Дежурный старший лейтенант Г. В. Тарасов прошел к нему с обычным вечерним докладом. Как правило, такой доклад продолжался минут пять. Действительно, о чем докладывать, если день прошел по плану, происшествий не было. Указания на ночь получить тоже дело минутное. Но на этот раз дежурный оставался у Адамсона около получаса.

Наконец Тарасов появился и жестом пригласил меня. Я вошел в просторный кабинет, увешанный картами Пермской области, учебных полей дивизии, театров военных действий в Европе. На длинном приставном столе для совещаний лежала еще одна карта, которой раньше мне видеть здесь не приходилось, — железнодорожной сети европейской части страны. За столом сидел майор Родионов, что-то быстро писал.

Адамсон скрипнул деревянным креслом и произнес:

— Здравствуй, Зороастров. Ты вовремя вернулся. Не обессудь, что приходится отзывать из отпуска.

С командирами, давно и близко знакомыми, Ян Семенович был на «ты», как бы подчеркивая этим свое доверие и расположение. Он сразу начал о деле:

— Дивизия убывает на большие учебные сборы. Куда — пока неизвестно.

Комбриг всегда говорил с заметным латышским акцентом, который становился еще сильнее, если Адамсон волновался и хотел сдержать волнение. Именно по этому признаку я понял, что дело серьезное. Достал командирскую книжку, готовясь записывать распоряжения. Но Адамсон остерегающе поднял ладонь:

— Не надо ничего записывать. Приказано брать все имущество, кроме палаток. Должно быть, их дадут на месте. Первый эшелон уйдет сегодня в четыре ноль-ноль. Подъем по тревоге. Ты поедешь с этим эшелоном как представитель командования. Когда прибудете на место, не занимайте отведенную территорию сразу. За вами следом пойдут эшелонами все другие полки. Разгрузите их и рассредоточьтесь в окрестностях. Я и штаб — в третьем эшелоне. Вопросы есть?

Я ответил, что все ясно. Адамсон подошел, пожал руку.

— Желаю успехов.

Помолчал и добавил:

— Во всех обстоятельствах действуй энергично, соглашаясь с обстановкой, и не жди особых указаний. Можешь идти...

Ясным и теплым утром 13 июня первый батальон 385-го полка, 196-й отдельный разведбат, первый дивизион ЛАПа и санчасть 385-го полка были подняты по тревоге и к четырем часам заняли первый эшелон. Вот когда пригодился опыт недавних учений!

Железнодорожники тоже работали исключительно слаженно. Вагоны подавались строго в срок, сформированные точно по расчетам, с необходимыми приспособлениями для крепления материальной части и другим имуществом. Но все же без помощи местных организаций дивизия не смогла бы сняться столь быстро. Ведь личный состав находился в лагерях, мобилизационные же запасы — на зимних квартирах. Спасибо первому секретарю обкома партии Николаю Ивановичу Гусарову, который распорядился предоставить нам транспорт, чтобы подвезти имущество к железнодорожным станциям. Сложнейший график отправки был точно выполнен, и погрузка дивизии прошла безразгово.

Правда, интенданты, предупрежденные, что следует взять на большие сборы все имущество, пересердствовали. Они набрали и такое, что загромождало эшелоны, — классные доски, клубные пианино, всевозможные припасы.

В семь часов утра первый эшелон миновал станцию Пермь-Сортировочная. Сквозь ажурные переплеты железнодорожного моста мы в последний раз любовались Камой. На всем пути перед эшелонотом открывалась «зеленая улица». Ехали четверо суток, останавливаясь только для смены паровозных бригад. Лошадей умудрялись поить во время этих коротких остановок. Военные коменданты на все наши вопросы о конечном пункте следования могли назвать только очередную станцию. Вначале мы двигались в сторону Ленинграда, но у Волховской ГЭС повернули на юг.

Когда эшелон останавливался, то старухи, которые на своем веку предостаточно насмотрелись на многие воинские поезда и которые судили о жизни по своему опыту и разумению, без обиняков говорили нам:

— На большую войну, сыночки, поехали. Смотрите в оба. Помогайте друг другу. Тогда дождемся вас с победой.

В те дни таким благословениям не придавали значения. Мы многого тогда не знали...

Предпринимая дипломатические шаги, чтобы как можно дальше отодвинуть неизбежную войну с фашизмом, правительство все же усиливало оборонительную готовность нашей страны. 13 мая начальником Генерального штаба была отдана директива о выдвижении на рубеж Западной Двины и Днепра 22-й, 21-й и 19-й армий из Уральского, Приволжского и Северо-Кавказского военных округов. Их сосредоточение в районе дислокации предусматривалось в срок до третьего июля.

112-я дивизия входила в состав 22-й армии, но о причинах нашей передислокации и о маршруте движения, как и о конечном пункте, мы тогда, разумеется, ничего не ведали.

На рассвете 17 июня эшелон прибыл на небольшую станцию Дретунь, расположенную чуть севернее Полоцка. Стало ясно, что мы в полосе наших старых западных границ.

Нас никто не встречал. Только дежурный по станции объявил, что здесь мы можем разгрузаться. Станция оказалась ничем не примечательной. Подобных ей сотни. Небольшое, поблекшее от времени и непогоды станционное здание с сигнальным колоколом у крыльца, два-три домика железнодорожников да башня водокачки — вот почти и все. По путям бродил старик-путеобходчик, изредка привычно постукивая длинным молотком по рельсам.

Сразу за станцией находился военный городок начсостава — небольшие домики из досок и фанеры, обычные для военных лагерей того времени. Домики

были пусты, двери полуоткрыты, ветер разносил по ухоженным дорожкам обрывки обоев и старых газет.

В километре северо-западнее станции начинался лагерь, тоже совершенно пустынный. Палаток не было, только длинный ряд палаточных гнезд тянулся вдоль железнодорожной насыпи. Ни коновязей, ни коношен. В центре лагеря — летний клуб под открытым небом. С запада примыкал сосновый лес. На дорожках виднелись недавние следы многих автомашин и тракторов. Можно было предположить, что стояли здесь механизированные части.

Разгрузив эшелон и разместившись со всем имуществом в прилегающем к лагерю лесном массиве, мы стали готовиться к встрече очередных эшелонов.

Днем прибыл 385-й полк.

После официального рапорта прибывшие и встречающие перемешались. Смех, шутки, объятия, расспросы. Товарищей интересовало, как устроились мы, а мы расспрашивали о Перми. Оказалось, что известие об отъезде застало полк Садова тоже внезапно. 13 июня в части был обычный лагерный день. Командир пулеметной роты старший лейтенант Алексей Павлович Буткин проводил с командирами подразделений и их заместителями занятия по изучению техники стрельбы из станковых пулеметов с использованием буссоли, стереотрубы и других приборов. Часов в одиннадцать дня прискакал верхом помощник дежурного по части: «Тревога!» Всем командирам надлежало срочно прибыть в дивизионный клуб. Когда они там появились, в зале уже сидели командиры других подразделений. За столом президиума находились Адамсон, Беляев, Родионов, работники политотдела и штадива. В руках у Родионова была телеграмма. Высокий его лоб сосредоточенно хмурился. Когда наступила тишина, Родионов сообщил,

Что всем частям предстоит срочно перебазироваться к новому месту службы. Полк выехал из лагерей без своего командира. Полковник Садов находился на курорте, куда ему отправили телеграмму. Частью временно командовал замполит, батальонный комиссар Болонин.

И вот теперь батальоны 385-го полка начали быстро разгружаться на новом месте. Мы, уже успешные устроиться, дружно помогали товарищам. Потом полк рассредоточился в лесу западнее станции. Железнодорожный порожняк ушел обратно в сторону Великих Лук.

На лесных опушках в вечерних сумерках разгорались костры.

ТО ВОСКРЕСНОЕ УТРО

В ночь на восемнадцатое прибыл третий эшелон, а с ним командование и штаб дивизии. Я доложил о проделанном Адамсону и получил указание продолжать работу по размещению прибывающих частей.

Штаб дивизии остался в районе станции.

Почти круглосуточно мы носили и возили ящики с боеприпасами, снаряжение, оборудование и другое имущество дивизии. Но эшелоны продолжали подходить один за другим, так что грузов на станции не убавлялось.

До двадцатого прибыли в основном все полки и подразделения, на подходе оставались только эшелоны 524-го полка и 156-го истребительно-противотанкового дивизиона.

Весь день 21 июня полки и тылы дивизии продолжали вывозить свои грузы со станции в отведенные районы. В полдень в расположении разведбата состоялась лекция о взаимоотношениях СССР с Германией.

Лектор политотдела дивизии старший политрук Смолин говорил, что, несмотря на общую напряженность международной обстановки, войны между Советским Союзом и Германией опасаться не следует, во всяком случае — в ближайшее время. Свидетельством тому — заявление ТАСС от 14 июня.

Под вечер старших командиров и политотдельцев вызвали на совещание к командиру дивизии. Свое распоряжение продолжать работу и завтра, в воскресенье, Адамсон мотивировал тем, что на станции скопилось много грузов, и чем скорее их вывезти, тем лучше. Около пяти утра 22 июня выгрузка очередного эшелона продолжалась.

Утро занималось теплое и безоблачное. Я с грустью вспомнил о Каме. Как бы славно сейчас полежать на ее бережку — ведь мой отпуск все еще не кончился. Но сейчас я должен был уточнить час прибытия истребительно-противотанкового дивизиона и разместить его. На станции я узнал у дежурного командира, что эшелон капитана Ивана Васильевича Павленко ожидается в восемь утра.

Вышел на платформу. Группа командиров из служб тыла вела оживленный разговор. К ней присоединился начальник особого отдела дивизии майор Тамбовцев, и все направились в сторону грузов. Майор был не только хорошим чекистом, но и опытным строевиком, часто помогал командирам частей в повседневной работе. Слабая организация вывозки грузов, по-видимому, его беспокоила. Он что-то энергично говорил, указывая на штабеля имущества.

С запада на горизонте появился самолет. Он шел сравнительно низко над полосой леса. Все явственнее доносился гул мотора. У границы лагеря самолет слегка качнулся и начал кружить над станцией. Достав из футляра бинокль, я стал с любопытством, но пока

без всякой тревоги рассматривать самолет. До сих пор авиацию иностранных армий я знал лишь по плакатам, но хорошо разбирался в опознавательных знаках. На крыльях этого самолета были кресты. Явно немецкий.

Я быстро пошел к майору Тамбовцеву.

— Немец в воздухе!

Майор взял у меня бинокль и долго всматривался. Но теперь и невооруженным глазом можно было видеть зловещие кресты. А самолет нахально опускался все ниже. Это был разведчик типа «фоккевульф», получивший потом на фронте кличку «рама».

Покружив над станцией и прилегающей территорией, самолет скрылся в западном направлении. Его полет наблюдали многие командиры и бойцы, но не могли взять в толк, как сумел он безнаказанно проникнуть за сотни километров от границы.

Тамбовцев, так и не проронив ни слова, возвратил мне бинокль и пошел к станции. Я направился доложить о происшествии командиру дивизии. Застал Адамсона в отведенном ему домике за станцией. Внимательно выслушав, комдив ничего мне не сказал, но тут же по телефону отдал распоряжение немедленно вывести роты противовоздушной обороны из района станции и прикрыть ее, развернуть посты наблюдения в радиусе пяти километров, прекратить всякое движение по расположению частей, выдать всем боевые патроны. Затем, узнав от меня о приближении эшелона противотанкистов, приказал разгружать его на соседней станции и двигаться в отведенный район своим ходом. Комдив особенно подчеркнул: огонь без его личного приказа никому не открывать. Далее Адамсон соединился с командиром 51-го корпуса, в состав которого дивизия входила со дня прибытия на Дретунь, и доложил о появлении воздушной развед-

ки и принятых мерах. Командир корпуса подтвердил распоряжение Адамсона: огонь без особого приказа не открывать.

Около восьми утра посты наблюдения донесли, что слышен гул многих приближающихся самолетов. В расположении штабной роты дивизии пронзительно завывала сирена тревоги, на станции затрезвонил сигнальный колокол. Попрытались в укрытия бойцы, прекратилось движение. Все делалось, как при учебных тревогах. Но на этот раз тревога оказалась не учебной.

Около сорока немецких бомбардировщиков в сопровождении истребителей появились над Дретунью и лагерем. Вражеские самолеты шли клином, подобно журавлиной стае. На границе лагеря они перестроились гуськом и, поочередно пикируя, начали бомбить станцию и прилегающий район. Столбы огня, пыли и дыма поднялись в воздух. Несколько товарных вагонов сразу же охватило пламенем. Все кругом содрогалось от взрывов. Штабеля грузов разметало взрывной волной. Загорелись станционные постройки. Сбросив все бомбы и обстреляв Дретунь из пулеметов, стервятники ушли на запад.

Благодаря осторожности командира дивизии, приказавшего не занимать лагеря, а рассредоточить полки в лесу, мы не понесли больших потерь. Фашисты сбросили бомбы в основном на пустующий лагерь. Было ранено до двадцати бойцов и на железнодорожных путях убит старик путеобходчик. В руке он сжимал отполированный за многие годы службы длинный черенок молотка.

Так началась для нас война.

Над лагерем то и дело пролетали группы фашистских бомбардировщиков. Они держали курс на восток. Южнее станции, в районе Полоцка, высоко клу-

билось черное облако дыма. Доносились глухие разрывы.

Вскоре дивизионная радиостанция начала прием обращения Советского правительства к народу в связи с вероломным нападением гитлеровской Германии на нашу страну. После передачи во всех полках и отдельных подразделениях прошли митинги, партийно-комсомольские собрания, были выпущены боевые листки. Комиссары и политруки беседовали с красноармейцами. Это были тревожные дни. Вражеская авиация бомбила многие мирные города. Наши пограничные войска героически сражались с вторгшимся на территорию Советского государства противником. Нам необходимо, говорилось на собраниях, как можно скорее спешить им на помощь, чтобы вышвырнуть фашистов за пределы страны. Красноармейцы и командиры настроились по-боевому. Все твердо верили в скорую победу.

Адамсон вызвал в штаб командиров полков и начальников служб и отдал распоряжение: полкам занять круговую оборону, окопаться, иметь надежную связь между собой и со штабом дивизии, доукомплектовать подразделения оружием, выдать бойцам по боекомплекту патронов и гранат и двухсуточный запас продовольствия. Начальник тыла получил приказ немедленно выдать личному составу новое обмундирование, все второстепенное имущество из частей изъять и сосредоточить на полевом складе тылов. Запрещалось вести телефонные разговоры открытым текстом, вводились в действие все полковые и батальонные рации, усиливались охранения на западном направлении. Комдив предупредил, что приказ о боевых действиях может поступить в любую минуту.

Затем он приказал остаться комиссару 385-го полка С. А. Болонину и мне. В штабе, кроме комдива,

находились начарт М. Я. Лев, начштаба А. Б. Родионов и заместитель комдива по политчасти И. П. Беляев. В их присутствии, совершенно для меня неожиданно, Адамсон приказал мне вступить в командование 385-м стрелковым полком вместо Садова. За всю свою армейскую службу я, артиллерист, никогда не командовал даже мелким стрелковым подразделением, а тут вдруг — целый полк. Я сразу сказал об этом Адамсону, но никто из присутствующих меня не поддержал. Стало ясно: вопрос о назначении решен.

Вышел я из штаба, вскочил на коня и, не заезжая к своим артиллеристам, поехал в расположение 385-го полка. Невесело было на душе. Я не боялся ни ответственности, ни трудностей. Но как-то меня, артиллериста, примут стрелки, среди которых есть командиры гораздо опытнее меня, участники боев на Халхин-Голе, на Карельском перешейке?

Прискакали в полк вместе с Болониным. Объехали все батальоны. Я поближе познакомился с личным составом, отдал первые распоряжения, обеспечивающие выполнение сегодняшнего приказа командира дивизии. К утру 23 июня полк находился в полной боевой готовности.

Опасения мои оказались напрасными. Личный состав встретил меня хорошо, особенно командиры батальонов, с которыми раньше часто бывал на совместных боевых учениях. Большую помощь оказали работники штаба полка. Дисциплинированные, отлично подготовленные кадровые командиры, они были надежной опорой в самой сложной обстановке. Одно слово — садовская выучка.

Особенно уважали в полку командира батальона капитана Михаила Ивановича Никитина. Он воевал на Халхин-Голе, был награжден орденом Красного Знамени. С комиссаром полка Болониным мы тоже

подружились быстро. Я знал его с дней формирования дивизии. Проницательный, вдумчивый, он постоянно находился в гуще бойцов, пользовался у них большим авторитетом. Его стараниями в полку хорошо была поставлена партийно-политическая работа. При проверке готовности подразделений я и комиссар отметили отличную подготовку полковой зенитно-пулеметной роты, которой командовал коммунист старший лейтенант Алексей Павлович Буткин.

При штабе полка круглосуточно дежурили молодые бойцы-пермяки Хромушкин и Кузьминых. Хромушкин был превосходно обученным связистом, но только очень уж скромным. Может быть, поэтому тогда я плохо его заметил. Напомнил он о нашем первом знакомстве только через тридцать лет. А вот Кузьминых сразу запомнился способностью уснуть в любую свободную минуту, даже под вой и грохот бомбежки. К сожалению, с ним я никогда больше не встречался.

**Иван Федорович
Хромушкин**

В течение дня 23 июня Дретунь и ее окрестности несколько раз подвергались бомбежке. Но теперь налеты не оставались безнаказанными. Яростный огонь по фашистским пиратам вели счетверенные пулеметные установки противовоздушной обороны дивизии. При одном из налетов рота ПВО 524-го полка под

командованием старшего лейтенанта Николая Федоровича Степанова сбила неприятельский самолет.

Вот как это произошло. Из лагерей рота отправилась в числе последних. Уже в дороге бойцы услышали от какого-то деда о начале войны с Германией. Старик показался подозрительным, его даже решили задержать. Но вскоре выяснилось, что дед сказал правду.

Рота ПВО была укомплектована не полностью. Из девяти счетверенных на автомашинах пулеметных установок имелось только три. В дретунских лагерях роту немедленно включили в состав прикрытия высадки войск. В это время самолеты противника вели бомбежку станции и обстрел эшелонов. Пулеметчики открыли огонь по врагу из всех трех установок. Один самолет, пролетавший очень низко над станцией, был подбит. Он рухнул и взорвался неподалеку. Летчик выбросился на парашюте и попал в плен. Это был самый первый подбитый бойцами дивизии самолет и их первый пленный. Через некоторое время Степанова вызвали к командиру дивизии, который сидел в кабинетике начальника станции. Я оказался свидетелем их короткого разговора. Комдив пожал Степанову руку, объявил благодарность ему лично и всему составу подразделения.

Поздно вечером 23 июня Адамсона и Родионова вызвал командир 51-го стрелкового корпуса генерал-майор А. М. Марков. Дивизии ставилась задача совершить марш и к вечеру 25 июня занять полосу обороны от города Краслава до местечка Дрисса, не допустить форсирования противником реки Даугавы (Западной Двины). Расстояние до рубежа большое — 152 километра. Никаким форсированным маршем к указанному сроку его не одолеть. Но приказ нужно выполнить во что бы то ни стало. Как быть?

Наступала вторая ночь войны. На горизонте полыхали зарева близких и дальних пожаров. Их ураган двигался на восток.

ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД

Ночь тянулась медленно. Лишь немногие забывались в тревожном сне. Штаб дивизии ежечасно запрашивал обстановку в районах расположения полков. Сведений о противнике по-прежнему не было.

В лесу западнее лагеря темноту ночи то и дело прорезывали сигнальные ракеты. Это начинали действовать в нашем тылу диверсионные группы врага. Их сбрасывали на парашютах то в форме армейских командиров, то милиционеров, а чаще всего под видом уходящих в тыл мирных жителей.

Высоко над нами всю ночь надрывно ревели моторы неприятельских самолетов, шедших в сторону Великих Лук. Фашистские летчики чувствовали себя полными хозяевами неба днем и ночью, бомбили дороги, по которым двигались к фронту войска и грузы, переправы, где скапливались обозы и уходящее в тыл население, станции, к которым спешили эшелоны, и все города прифронтной полосы.

В четыре утра я получил из штаба дивизии приказ произвести разведку к западу на глубину до пяти километров. Штаб предполагал, что где-то там выброшен десант. Во всех полках подняли по тревоге дежурные роты и до шести утра прочесывали местность. Обнаружить ничего не удалось.

В семь меня срочно вызвали в штаб дивизии. Только собрался ехать, как в палатке, тщательно замаскированной кустами, неожиданно появился полковник Садов. Мы уже не чаяли увидеть его в нашей дивизии. Ведь железные дороги работали напряженно, их

часто бомбили, пассажирские поезда шли нерегулярно, да и, проезжая Москву, полковник мог получить любое другое назначение. Но Александр Иванович оказался человеком многоопытным. Он добирался только воинскими эшелонами, а в столицу и вовсе не заезжал.

В штаб дивизии мы направились вместе. По дороге я рассказал Садову, что сделано в полку за эти дни. В штабе, доложив комбригу о сдаче полка Садову, я получил приказание вернуться на прежнюю должность к артиллеристам.

...Сейчас, когда написана общая история Великой Отечественной войны, когда есть множество отдельных военно-исторических трудов, воспоминания прославленных советских военачальников и мемуары немецких генералов, мы можем ясно представить тогдашние замыслы и действия врага.

В Восточной Пруссии, от побережья Балтийского моря до Гольдапа, на 230-километровом фронте занимала исходное положение для наступления группа армий «Север» под командованием фельдмаршала фон Лееба, состоявшая из 29 дивизий, в том числе трех танковых и трех моторизованных. Ей ставилась задача разгромить советские войска в Прибалтике, а в дальнейшем во взаимодействии с подвижными соединениями группы «Центр» захватить Ленинград и Кронштадт.

Главный удар на этом фронте, с целью не допустить отхода боеспособных частей Красной Армии на восток, намечалось нанести из района Тильзита в общем направлении на Даугавпилс — Опочка — Псков силами 4-й танковой группы и ударными группировками 16-й и 18-й армий. Для поддержки наступления на этом участке выделялся 1-й воздушный флот в составе 1070 боевых самолетов.

От Гольдапа до Пинских болот на фронте протяженностью в 550 километров была развернута наиболее сильная группа армий «Центр», которой командовал фельдмаршал фон Бок. В нее входили две армии (4-я и 9-я) и две танковые группы (2-я и 3-я) — всего 50 дивизий и две бригады. Эта группа армий имела задачу окружить и уничтожить советские войска в Белоруссии, а в дальнейшем овладеть районами Полоцка и Смоленска.

Разумеется, тогда всех этих планов немецкого командования мы знать не могли. По данным штаба корпуса, стало известно лишь то, что немецко-фашистские войска прорвали оборону нашего Западного фронта и продвинулись на направлении Вильнюс — Минск почти на 180 километров, а на направлении Барановичи — Минск до 250 километров. Вероятнее всего, гитлеровцы замыслили окружить главные силы Западного фронта и отсечь их от войск Северо-Западного и Юго-Западного фронтов.

Пока войска группы «Север» стремительно продвигались в направлении к Даугавпилсу (Двинску). Передовые части вражеских танковых дивизий вот-вот могли выйти к городу, форсировать Западную Двину (Даугаву) и беспрепятственно двинуться по ее правому берегу на восток, не позволяя развернуться главным силам армии. Наша дивизия первой прибыла к месту, поэтому она получила задачу форсированным маршем выйти в район Краславы, чтобы перекрыть дорогу от Даугавпилса.

В такой крайне тяжелой обстановке наша дивизия готовилась к маршу в Латвию. Предстоял полуторастокилометровый бросок под возможными бомбежками, постоянной угрозой стычек с многочисленными группами диверсантов. Авиационного прикрытия никто не обещал, танков для сопровождения тоже не

придавалось. Кроме того, дивизии следовало находиться в постоянной готовности к встречным боям, так как достаточных сведений об авангардных силах противника все еще не было. Не было даже крупномасштабных карт пути следования. Наконец, марши до сих пор мы совершали согласно уставам и наставлениям, как правило, по тридцать километров в сутки и, как исключение, по сорок километров.

Но приказ командования — закон. Его необходимо выполнить точно и в срок. У меня сохранился текст приказа, отданного в связи с этим по дивизии. Подлинник его сейчас хранится в архиве Министерства обороны СССР. Вот какие задачи ставились перед частями и подразделениями:

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 2

Штадив 112. Дретунь, 25/6 41

Карта 500 000—36

1. Сведений о противнике нет.
2. Правее никого нет. Левее совершает марш 98-я стрелковая дивизия.
3. 112 с. д. совершает марш по маршруту: ст. Дретунь, ст. Бегисово, г. Краслава. К исходу 25/6 занимать район Краслава — Бегисово в готовности к встрече с противником.
4. Авангард — 416 с. п. с 156 ОАД. Следовать по маршруту дивизии. 25/6 войти в район Краславы и занять оборону. Исходный пункт — верстовой столб у отм. 154,0 на шоссе Дретунь — Дрисса пройти в 11.30.
5. 385 с. п. и 272 ОБС следовать по маршруту 416 с. п. и к исходу дня выйти в район 6 км восточнее Краславы. Исходный пункт пройти в 14.00 25/6.

6. 270 ОЗАД следовать по маршруту 416 с. п. и обеспечить главные силы от нападения с воздуха в районе Бегисово — Череповка. На конечный пункт прибыть одновременно с главными силами. Исходный пункт пройти в 15.00 25/6.

7. 524 с. п. и 436 ЛАП следовать по маршруту дивизии в район Бегисово. Исходный пункт пройти в 16.00 25/6. Назначить 1 роту для прикрытия 449 ГАП.

8. 449 ГАП двигаться отдельной колонной по маршруту дивизии. Прибыть в район Бегисово к 5.00 26/6. Исходный пункт пройти в 21.00 25/6.

9. 198 МСБ исходный пункт пройти в 24.00 25/6 и к 10.00 26/6 выйти в район Бегисово.

10. Я с первым эшелоном штадива до 14.00 — ст. Дретунь, с 14.00 — с 416 с. п., 2-й эшелон штаба с 385 с. п.

11. Начальникам колонн организовать ПТО, ПВО, ПХО на марше, особое внимание обратить на маскировку и наземное охранение.

12. Донесения присылать к 16.00, 18.00 и к 22.00 по пути следования 1-го эшелона штадива.

Командир дивизии комбриг Адамсон.
Начальник штаба дивизии майор Родионов.

Однако в ходе выполнения приказа возникла необходимость уточнения ряда его пунктов, так как стало ясно, что ни главные силы дивизии, ни даже ее авангард, 416-й полк со 156-м отдельным артдивизионом, к исходу 25 июня до Краславы дойти не смогут.

Для быстрейшего овладения заданным рубежом еще до подхода главных сил дивизии комбриг Адамсон решил создать сводный передовой отряд. В его состав включались 196-й отдельный разведывательный батальон старшего лейтенанта Шаяхметова, 156-й

истребительный противотанковый дивизион капитана Павленко и две усиленные стрелковые роты 416-го полка. Отряд располагал двумя бронемашинами БА-10, штатным количеством станковых и ручных пулеметов, полным комплектом боеприпасов и продовольствием на трое суток. Пехоте были предоставлены для марш-броска автомашины, а во всех трех батареях противотанковых орудий имелись полубронированные тягачи типа «Комсомолец». Таким образом, передовой отряд находился полностью на автомототяге и преодолеть 152 километра за один день вполне мог.

Если 416-й полк был авангардом дивизии, то сводный отряд являлся как бы авангардом авангарда. Командовать отрядом Адамсон приказал мне, комиссаром назначили капитана Наумова из особого отдела дивизии.

Перед самым выступлением отряда комдив провел небольшое совещание с командирами подразделений. Я доложил, что передовой отряд к маршу готов.

С отрядом приказано было выехать и инструктору политотдела Г. И. Дедову. Гавриил Иванович попросил для себя хоть какое-нибудь личное оружие. Все удивились: в самом деле, почему старший политрук до сих пор без оружия? Адамсон приказал одному из штабных командиров передать Дедову свой наган и не задерживать отправку. Но теперь выяснилось, что Дедов по неопытности в военных делах не догадался оформить денежный аттестат на свою семью. Я только головой качал, наблюдая все это. Ну и работничка дал политотдел! Правда, позднее, увидев Дедова в бою, я искренне восхищался его бесстрашием и рассудительностью.

К 10 утра 25 июня колонна передового отряда подготовилась к маршу. На каждой машине и в каж-

дом орудийном расчете были установлены наблюдатели за воздухом, местностью и сигналами передовой походной заставы, политбойцы — коммунисты и комсомольцы — снабжены боевыми листками, санитары держали наготове все необходимое для оказания первой помощи. В 10.00 отряд миновал исходный пункт — верстовой столб у отметки 154,0.

Во главе колонны шла одна бронемашина, замыкала движение другая. Впереди в пределах видимости двигалась небольшая головная застава. Автомашины с пехотой шли рассредоточенно, за каждой из них двигалось противотанковое орудие. Я находился в головной машине, капитан Наумов — в центре. Двигались этакими перекатами — от рубежа к рубежу. На каждом рубеже — коротенькая остановка, чтобы проверить, у всех ли все в порядке. Оружие бойцов было заряжено и орудия расчехлены. Порядок подобных маршей мы отработали еще в мирные дни.

По обеим сторонам дороги расстилались поля. Хлеба уже колосились. Было тепло и безветренно. На небе ни облачка. Накануне прошел дождь, шоссе еще не обсохло, и на первых порах это спасало нас от пыли. Приходилось все время быть настороже — в густых хлебах могли легко укрываться даже значительные группы диверсантов. На многих участках шоссе после налетов авиации зияли воронки, по обочинам валялись разбитые машины, повозки. Местами виднелись выгоревшие проплешины в полях. Хлеба еще дымились.

В районе старой границы головную походную заставу из глубины хлебов обстреляли автоматчики. Густые посевы скрывали врагов, но в то же время мешали им вести прицельный огонь. Гитлеровцы били на шум моторов. Три бойца получили легкие ранения. Застава мгновенно развернулась в боевой поряд-

док и обстреляла из пулеметов посе́вы по обеим сторонам шоссе. Ответного огня не последовало. Возобновили марш.

Жара усиливалась. Солнце начинало припекать всю июньскую силу. Видимость ухудшилась, так как воздух дрожал от зноя, горизонт тонул в мутной дымке, из-под колес поднималась пыль. Всех мучила жажда, но действовал жесткий водный режим. Встречавшиеся по пути водоемы оказались загрязнены, колодцы завалены падалью и мусором, а возможно, и отравлены. Все это хорошо понимали, и теперь, в отличие от учений мирного времени, предупреждать об опасности по несколько раз никого не приходилось.

Навстречу стали попадаться группы беженцев. Усталые, многие босые, они тащили узлы и измученных зноем, напуганных бомбежками детей. Некоторые семьи ехали на подводах, другие катили тележки. По обочинам дороги брел скот.

На коротких остановках мы пытались расспрашивать людей о том, что происходит впереди. Но они сообщали самые противоречивые сведения. Кто говорил, что гитлеровцы заняли Даугавпилс (Двинск), другие утверждали, что враг уже у Краславы, то есть там, где должна развернуться наша дивизия. Среди беженцев могли оказаться и диверсанты, поэтому капитаны Наумов, Павленко, старший политрук Дедов тщательно проверяли у наиболее подозрительных документы.

Встречные потоки беженцев, повозки, гурты скота, а иногда до отказа наполненные автобусы сильно мешали нашему движению. Скорость заметно уменьшилась.

К полудню мы достигли довольно крупного массива леса. Шоссе пересекало его по центру. Здесь начиналась земля Советской Латвии.

На опушке поджидал боец-маяк от головной заставы. Он доложил, что в лесу люди в форме советских пограничников цепью продвигаются на запад. Отряд быстро рассредоточился. Головная бронемашина и первая батарея противотанкистов лейтенанта Шатилова заняли огневые позиции. У кромки леса дорогу взяли под контроль пулеметчики. Выслали вперед отделение пехоты с ручным пулеметом. Возглавить разведку вызвался командир взвода противотанкового дивизиона лейтенант Поддубный, рослый, под стать своему знаменитому на весь мир однофамильцу борцу Ивану Поддубному. Лейтенанту я приказал точно выяснить обстановку. Он вернулся с майором погранвойск и несколькими пограничниками. Оказалось, что минувшей ночью здесь сброшены диверсанты, переодетые в форму красноармейцев и милиционеров. Сейчас идет повторное прочесывание всего леса. Диверсанты оказали упорное сопротивление. Пограничники имеют потери, майор ранен в плечо. Сведений о боях под Краславой он не имел, но подтвердил, что Даугавпилс занят противником в ночь на 25 июня.

Колонна двинулась вперед, но едва достигла западной окраины леса, как появились вражеские самолеты. Две девятки бомбардировщиков пикировали на шоссе, по которому лился поток беженцев. Люди побежали по сторонам, пытаясь укрыться. Скот, обезумев от рева моторов и грохота разрывов, метался по полю.

Отряд был еще в лесу, только головная застава достигла открытого места. Ей пришлось рассредоточиться. С опушки бойцы открыли по самолетам сильный ружейно-пулеметный огонь. Обстрел и бомбежка длились довольно долго. Сквозь дым и пыль трудно было разглядеть, что происходит на дороге.

Но вот самолеты, наконец, ушли, пыль опала, и мы увидели шоссе и обочины, изуродованные взрывами, покрытые трупами людей, горящими машинами, грудями исковерканных повозок.

В головной заставе были выведены из строя тягачи обеих орудий, ранены шесть бойцов и снесены борта грузовика. Тягачи пришлось оставить до подхода авангарда дивизии, а орудия прицепить к автомашинам. Но по сравнению с тем, что натворили воздушные пираты среди беженцев, эти потери не казались нам большими.

Осторожно объезжая бесчисленные воронки, продолжали мы путь. Среди трупов матерей ползали окровавленные дети. Седой старик, держась за голову, стоял над убитой женой. По шоссе брела женщина и непрерывно кричала на одной ноте. Она вела за руку ослепшую от осколков девочку.

Мы посидели на войне, повидали немало самых чудовищных злодеяний врага, но та кошмарная картина и по сей день не потускнела в памяти. Именно тогда, 25 июня, мы начали сознавать, что имеем дело не с солдатами противника, а с убийцами и преступниками в солдатской форме. Впервые начали сознавать, потому что впервые увидели такое своими глазами. Впрочем, еще многое в той войне довелось увидеть впервые...

Во второй половине дня поток беженцев пошел на убыль. До Краславы оставалось около пятидесяти километров, когда несколько неожиданно появившихся неприятельских самолетов вновь обстреляли нас из пулеметов.

Колонна растянулась. Решили сделать малый привал, чтобы подтянулись отстающие. Впервые за день съели по куску хлеба с консервами. Остановили встречную грузовую машину, наполненную ящиками,

сейфами, связками папок. Это эвакуировались учреждения и организации Краславы.

Мы узнали, что город уже несколько дней бомбят, а в его окрестностях орудуют диверсанты. Правда, крупные части противника вблизи города пока не появлялись.

К десяти вечера 25 июня, как и предусматривалось приказом командира дивизии, передовой отряд достиг восточной окраины Краславы. Днем противник дважды бомбил город. Несколько деревянных строений еще горели. Едкий дым пожаров стлался по улицам, по берегам Даугавы. Улицы Краславы были пустынные, окна наглухо закрыты ставнями, многие дома вообще покинуты хозяевами.

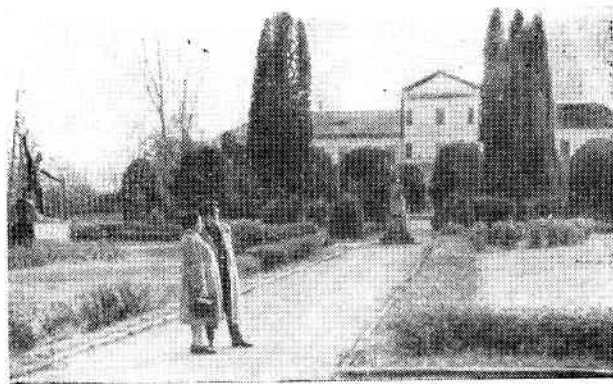
Отряд остановился в сосновом бору, прилегающем к городу с востока. Выставили охранение. С командирами подразделений на двух машинах в сопровождении броневика я выехал на рекогносцировку западнее Краславы.

Медленно надвигались июньские сумерки. Со стороны Даугавпилса доносились глухие взрывы. Багровое зарево далеких больших пожаров окрашивало горизонт. Над городом и окрестностями метался тревожный гул набата.

НА ЗАМКОВОЙ ГОРЕ

Городок Краслава очень древний. Здесь обнаружены следы поселений, относящихся еще к каменному веку. Четыре-пять тысячелетий назад в этих местах жили угро-финские племена, позднее — балты, из которых в VIII веке нашей эры выделились латгалы. Торговый путь по Даугаве издревле соединял латгалов с полоцкими, витебскими, смоленскими, киевскими землями, с побережьем Балтийского моря. В начале XVIII века

Краслава с окрестностями перешла во владение графского рода Платеров. После присоединения Латгалии к России в 1772 году Краслава вошла в состав Витебской губернии.

На месте прошлых боев у замка Платера

При Советской власти народу Латвии пожить довелось совсем немного, с ноября 1917-го по февраль 1918-го, с декабря 1918-го по январь 1920-го да один год перед самой войной. Однако здешним людям и этого оказалось достаточно, чтобы биться за Советскую власть не на жизнь, а на смерть.

Расположен город на самом юго-востоке Латвии, на Латгальской возвышенности. Южной окраиной он выходит к Даугаве, а с запада и северо-запада город прикрывает большой лесистый холм — Замковая гора. Название произошло от того, что здесь расположен старинный замок графов Платеров — с толстыми стенами, с подземными переходами и тайниками.

Подступы к Замковой горе с запада весьма удобны для противника — скрытые, с множеством балок и перелесков, что позволяет незаметно сосредоточиться и маневрировать значительным войсковым группам. И все же командиры, проведя тщательную рекогносцировку местности, определив танкоопасные направления, возможные районы скопления сил врага, предложили занять оборону именно здесь, на западном склоне горы. Наиболее опасным был правый фланг, куда пришлось выделить почти треть наших сил, и без того не очень-то многочисленных.

Совсем загустели вечерние сумерки. С реки ощущимо потянуло сыростью. Отряд поротно и побатарейно выдвинулся на рубеж обороны.

Июньские ночи коротки, но мы все же успели провести основное инженерное оборудование позиций. Люди, кони, орудия, пулеметы, боеприпасы — все находилось в окопах полного профиля, соединенных ходами сообщения. Полевые дороги, идущие от Краславы на запад и северо-запад, шоссе на Даугавпилс были взяты под прицел орудий прямой наводки и частично заминированы. Позиции этих орудий прикрыты пулеметами. В сторону Даугавпилса на расстоянии до двух километров от нашего переднего края выставили сильное боевое охранение, назначив в него самых опытных бойцов, прошедших испытание на Халхин-Голе или в войне с белофиннами.

Густая, уже колосящаяся рожь вымахала в рост человека. Посевы затрудняли наблюдение, служили врагу хорошим прикрытием при подходе к нашему рубежу. Местами колосья пришлось примять колесами тягачей, а там, где это невозможно, выставили секреты.

Все командиры и бойцы энергично готовились к бою, хотя прожитый день с его бомбежками, тре-

вогами, предельным напряжением сил был трудным. Ночью второй раз в сутки люди поели. Их снабдили продовольствием на день вперед и выдали воду. Вода, которой в мирное время пользуешься вдосталь, порой расточительно, в бою, да и вообще на войне, — величайшая ценность. Можно иметь по соседству колодец, но с отравленной водой, реку с подходами к ней, но под сильным огнем врага, можно иметь исправные станковые пулеметы, но без воды в кожихах. В отряде с первого дня пребывания на Замковой горе был установлен еще более жесткий водный режим, чем на марше.

Ночная белесая темнота окутывала Замковую — теперь уже не просто гору, а боевой рубеж. Еще раз проверив готовность подразделений, я вернулся на командный пункт. Он располагался на обратном склоне холма среди шумящих высоких сосен. Вблизи находился и наш резерв. Тогда, в самые первые дни войны, мой КП выглядел весьма своеобразно. Он представлял собой обыкновенный окоп на четыре-пять человек, вырытый, правда, в полный профиль и хорошо замаскированный. Охраняли его несколько связанных от всех подразделений.

На пункте находились капитан Наумов и комиссар противотанкового дивизиона старший политрук Присяжнюк. С ними сидел пожилой человек в гражданской одежде с немецким автоматом на коленях. Я насторожился, мелькнула мысль, что это задержанный диверсант. Но почему тогда у него не отобрали оружие? Наумов доложил, что передо мной доверенный от местных коммунистов.

Посланец информировал о положении в городе, просил совета, что им, оставшимся патриотам, предпринимать и какую от них помощь хотел бы получить наш отряд. Из краткой беседы выяснилось, что

все государственные учреждения города выехали, но многие жители по различным обстоятельствам все же остались. В последние дни задержано несколько диверсантов. Они распространяли панические слухи, пытались разрушить мост в городе и переправу через Даугаву. Среди жителей есть раненые и убитые во время бомбежек.

Помощь краславских коммунистов была очень кстати. Посоветовавшись, мы попросили организовать постоянную охрану мостов и переправ в нашем тылу, задерживать и строго проверять всех подозрительных, вести точный учет оставшегося населения. Предложили также срочно оборудовать на базе городской больницы небольшой госпиталь для наших раненых, оставшиеся запасы продовольствия сосредоточить при столовой и кормить преимущественно раненых.

Неторопливый, спокойный, дельный и умный представитель краславских трудящихся произвел на нас самое отрадное впечатление. Чрезвычайно сожалею, что не запомнил ни его фамилии, ни имени. После его ухода как-то полегче вздохнулось. Мы почувствовали, что и здесь, вдали от главных сил дивизии, бойцы отряда не одиноки, с нами лучшие сыны братского латышского народа. Они вели борьбу с предателями и диверсантами, тушили пожары, чинили дороги и мосты, выхаживали раненых, делились хлебом...

Под утро я еще раз обошел некоторые подразделения. Третья батарея противотанковых орудий стояла в глубине обороны и одновременно являлась нашим резервом на случай обхода позиций танками противника. Разыскав комиссара дивизиона Присяжнюка, я спросил о готовности батареи. Он доложил:

— Батарея позиции заняла и полностью оборудовала. К бою готова. Но убит старшина Гриценко. Убит диверсантом, ночью, выстрелом в затылок.

Старшина первым погиб на рубеже Замковой. Я знал его. Это был неутомимый, добродушный и заботливый, немолодой уже человек, отличный кадровый командир.

— Черт знает что! — уже неофициально добавил Присяжнюк. — Еще и боя нет, а уже теряем лучших командиров.

Он горестно нахмурился.

— Бой идет с двадцать второго июня, — так же неофициально напомнил я.

В течение ночи мы организовали усиленное патрулирование в городе силами своего резерва. Проверили светомаскировку, дополнительно выставили пост наблюдения на колокольне. Ночью же я выслал на грузовой машине первое донесение в штаб дивизии о занятии рубежа и готовности отряда к бою.

Наступал рассвет. За правым флангом обороны слышался гул далекого сражения. В тылу, в лесу восточнее города, до самого утра то и дело взмывали сигнальные ракеты. Несомненно, действовали диверсанты, указывая цели воздушным разведчикам. Высоко в небе большие группы неприятельских самолетов продолжали проходить на восток. Около восьми утра настал и наш черед. На боевые порядки рубежа обрушилась первая бомбардировка. Значит, противник нас обнаружил. Авиация действовала группами по девять — двенадцать самолетов. Как только улетала, отбомбившись, одна группа, сразу же появлялась другая. И так — волна за волной. Видимо, гитлеровцы решили покончить с нами сразу и бомб не жалели. Бомбы рвались между сосен, на улицах города, в реке. Рушились на землю вырванные с корнем вековые деревья. Тяжело вздымались и медленно оседали столбы воды и грунта на Даугаве. Огнем, землей, раскаленным металлом накрывало окопы.

Каждый самолет, опорожнив бомбовые кассеты, на выходе из пике поливал позиции пулеметными очередями. Бомбежка и обстрел длились долго. Впрочем, для непривычного человека и одна такая минута показалась бы вечностью. Одновременно с бомбами на рубеж и город сыпался мусор фашистских листовок. Сопrotивление бессмысленно, уверяли нас.

Наконец грохот утих. Обсыпанные землей, оглохшие, мы с трудом выбирались из окопов и траншей. Вокруг все было изрыто воронками, лес на Замковой изуродован, город во многих местах горел. Горели посеы и сосновый бор за городом.

Больших потерь мы не понесли. Нас спасли хорошо оборудованные окопы и щели, прямых же попаданий не было. Раненых без промедления отправили в тыл. Но все равно было чертовски обидно: несколько дней лилась кровь бойцов дивизии, а для нас враг оставался неуязвимым. Если не считать самолетов, мы его, по сути дела, в глаза не видели.

Первое большое испытание все выдержали. Несмотря на то, что под такой ожесточенный огонь большинство бойцов попали впервые, они вели себя достаточно уверенно.

В полдень, после повторной бомбежки, на западной окраине Краславы ненадолго остановилась оперативная группа старших командиров 21-го механизированного корпуса, которому предстояло действовать справа от нас. Возглавлял группу начальник артиллерии корпуса полковник Хетагуров. Я подробно рассказал ему о задачах нашего отряда, а полковник, в свою очередь, ознакомил с обстановкой в районе действий корпуса. Она оказалась такова. Моторизованные и танковые подразделения 21-го мехкорпуса вели изнурительные и кровопролитные бои на рубеже Аглона — Торпана — Извалта. Против них одновре-

менно наступали 8-я танковая, 3-я моторизованная, 290-я пехотная дивизии и дивизия СС «Тотенкопф» — «Мертвая голова». Корпус с тяжелыми боями, отбивая удары танков и пехоты, под непрерывными налетами авиации постепенно отходил в северо-восточном направлении. Части корпуса понесли большие потери. Разведка опергруппы в районе шоссе Даугавпилс — Краслава заметила части 121-й пехотной дивизии противника со значительным танковым усилением.

Чтобы уточнить направление движения авангардных частей врага и предупредить внезапное нападение, полковник Хетагуров считал необходимым с рассвета 27 июня выслать в сторону Даугавпилса разведывательные группы, усиленные противотанковыми орудиями. Я вполне с ним согласился и решил такие группы выделить из состава дивизиона капитана Павленко. Прощаясь, полковник очень одобрительно отзывался об удачном выборе позиции на Замковой и расположении наших боевых порядков.

Регулярной связи с главными силами нашей дивизии у нас не было. В пятнадцать часов я отправил второе донесение в штадив, изложив все имеющиеся сведения о противнике, о действиях отряда, о появлении соседа справа.

Со второй половины дня авиация противника заметно активизировала налеты против 21-го мехкорпуса. Западнее нашего рубежа, в районе селения Извалта, высадились несколько групп парашютистов. Мы выслали туда дополнительные дозоры.

В семнадцать часов прибежал связной от командира боевого охранения. Тяжело дыша и обливаясь потом, он передал донесение. Командир сообщал, что замечены значительные группы гитлеровцев в посевах, предположительно — диверсанты. Подобные же

сведения поступали от дозоров. Они явственно слышали команды на немецком языке.

Медленно сгущались поздние вечерние сумерки. Данные охранения и дозоров окончательно подтвердились. До батальона немецких автоматчиков скрытно, используя посевы, сосредоточивались перед нашим рубежом. Ротные минометы врага открыли беглый огонь по позициям отряда. Но огонь был подготовлен наспех, и мины рвались в стороне от нас. Стало ясно, что фашисты намерены с наступлением темноты атаковать. Если они овладеют важнейшим краславским рубежом, то смогут затем неожиданно ударить по главным силам дивизии на марше. Этого допустить было нельзя.

Я приказал оттянуть назад охранение и дозоры. Взвилась сигнальная ракета. Огонь всех наших пулеметов и двенадцати орудий обрушился на головы захватчиков. Орудия вели огонь осколочными снарядами, пулеметы прочесывали посевы. Воздух гудел от выстрелов и разрывов. Над местами скопления врага взметнулись космы пламени — загорелись хлеба. Пермяки, справившись с первым, вполне понятным волнением, били все чаще и точнее. Огрызаясь редким минометным огнем и короткими автоматными очередями, противник откатывался.

Наши роты при поддержке обеих бронемашин преследовали врага около километра. До сотни гитлеровцев остались лежать на подступах к нашему рубежу. Мы осмотрели несколько трупов. Поверх солдатской одежды на них были пестрые маскировочные халаты. Документов обнаружить не удалось.

Первый бой оказался коротким, но это был активный бой, когда воины отряда имели возможность поражать врага, не только обороняться, но и побеждать в обороне.

Были захвачены двое пленных. Они пытались держаться бодрее, чем чувствовали себя в действительности. Гитлеровцев допросил капитан Наумов, неплохо владевший немецким языком. Из показаний выяснилось, что на Краславу двигались передовые части 121-й фашистской дивизии.

Наступала вторая ночь обороны рубежа. Снова в тылу и на флангах темноту то и дело прорезывали вспышки вражеских ракет. В зареве пожарищ было даже видно, как за ракетами, выгибающими крутые дуги, струится легкий дымок.

Я послал очередное донесение в дивизию. От Адамсона вестей еще не поступало, и мы лишь предполагали, где могут находиться полки.

На рубеже 21-го корпуса всю ночь шел тяжелый бой. На нашем участке противник тоже не смирился с неудачей. Около четырех утра десятка три немецких мотоциклистов внезапно ринулись на наши позиции, на ходу строча из пулеметов и автоматов. Гитлеровцы были в расстегнутых гимнастерках с засученными рукавами, иные даже в одних майках и трусах.

Где, когда могли мы видеть такую атаку и вообще такое подразделение? Это ж бандиты какие-то полупьяные, а не солдаты! Что их ведет — уверенность в легкой победе или наглость шайки громил? Надо откровенно признаться, что кое-кого эта невиданная атака прямо-таки ошеломила. Но бойцы за секунды сориентировались. Заградительным огнем станковых пулеметов и несколькими осколочными снарядами они быстро охладили пыл любителей легких прогулок. Часть разбитых машин вместе с их «наездниками» осталась валяться на Даугавпилсском шоссе и в хлебах. Уцелевшие гитлеровцы разворачивали мотоциклы и бросались врассыпную.

Однако наше напряжение не ослабевало. Мы не спали уже несколько суток, не имели возможности даже переобуться. От раскаленного воздуха, слепящего солнца, почти не опадающей густой пыли веки у всех были воспалены. От стрельбы и грохота бомбежек в ушах стоял непрерывный звон.

Война — суровая и невероятно трудная работа. И важно не только уметь делать эту работу — отлично владеть боевым оружием, окапываться, атаковать, обороняться, строить и разрушать, — не менее важно знать, когда и как поесть и попить, как и где поспать, вымыться или хотя бы умыться, а главное — уметь делать все это быстро и в любых обстоятельствах. Если боец, и особенно командир, не овладеет этой наукой, бой может быть проигран. А наш фронтной быт еще не устоялся. Его только предстояло устраивать вот здесь, на боевом рубеже Замковой горы. Уметь не спать и не мыться по неделе кряду — это еще не героизм. Нужно в любых условиях суметь поспать и даже побриться, всегда чувствовать себя полным сил для нового боя.

После атаки мотоциклистов мы не стали ждать, пока противник соберется с силами и снова появится перед нашим передним краем. Лучшая оборона — нападение. И мы решили заставить врага обнаружить его силы, выиграть время, столь необходимое для подхода дивизии.

На бронированных танкетках «Комсомолец» с орудиями и пулеметами мы выслали две подвижные разведгруппы, о которых говорили с полковником Хетагуровым. Группа под командованием лейтенанта Небрата отправилась в направлении Даугавпилса, другая, которую возглавил лейтенант Поддубный, — на Извалту. Разведчики имели приказ при встрече с противником открывать огонь из всех видов ору-

жия, заставить врага развернуться, не допустить внезапности нападения на наш рубеж. Постараться захватить языка. Пользуясь быстроходностью танкеток, как можно шире маневрировать.

Солнце неуклонно ползло вверх.

Мучительнее становилась жажда. На горизонте опять появились самолеты. Мы привычно заняли места в укрытиях. Самолеты набросились на наши окопы. Они бомбили, на бреющем полете обстреливали из пулеметов, действовали хладнокровно и потому довольно точно. Росли потери. Несколько тяжелораненых отправили в Краславу. Когда самолеты, опустошив кассеты, убрались, мы немедленно начали исправлять поврежденные траншеи.

На позициях появился капитан Наумов. Он с рассвета был в Краславе. Устало присел на бруствер, снял фуражку, отер ее изнутри платком и немногословно начал выкладывать новости:

— Молодцы краславцы. Под огнем ремонтируют мост. Дороги чинят. Госпиталь уже готов. Выловили два десятка диверсантов. В церкви обнаружили склад немецкого оружия. Пойду в подразделения, подбодрю ребят краславскими новостями.

После полудня возвратилась разведгруппа Небраты. Я, едва заслышав рокот танкетки, поспешил на встречу. Докладывать ко мне подходил чумазый сержант. Я сразу почувствовал неладное. И действительно. Обнаружив подход моторизованных частей противника, разведчики вступили в бой. Охранение врага было частью истреблено, частью рассеяно. Но и группа понесла тяжелые потери. Погибли лейтенант Небрат и политрук Максимов, ранены водитель Герасименко и командир орудия Ананьин. Броня танкетки пробита на вылет, вышло из строя одно орудие. Ох, как горьки были эти вести!

А на горизонте уже новая группа вражеских бомбардировщиков. Летят клином. Перед тем как атаковать наземными войсками, фашисты снова пытаются выковырнуть нас из земли бомбами. Но мы готовы выдержать удар, готовы выполнить святой солдатский долг защитить Родину, отомстить за гибель товарищей.

Наконец-то прибыл связной от командира дивизии. Приказ: отряду стоять насмерть, дивизия на подходе. Начинаясь бой.

И шел шестой день великой войны.

ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ

В третьем часу дня, когда закончилась очередная бомбежка, на позиции отряда прибыл начальник штаба артиллерии дивизии Михаил Елизарович Родионов — однофамилец начальника штаба дивизии Александра Борисовича Родионова. Капитан передал мне устное распоряжение комдива срочно явиться с докладом в район восточнее озера Идрица, в расположение оперативной группы штаба 22-й армии.

Потом Михаил Елизарович, взяв меня под локоть, доверительно сообщил:

— В дивизию прибыл новый командир — полковник Копяк, а наш Адамсон получил другое назначение.

— Что случилось?

— Ничего не знаю, голубчик. Дивизию Адамсон сдаст, как только она достигнет Краславы и займет отведенный ей участок. Пока она продолжает марш, а ее авангард, 416-й полк, можно ожидать здесь к исходу 30 июня.

Капитан еще раз велел мне не мешкать и уехал. Я не на шутку встревожился и, признаться, заранее

относился к новому комдиву с каким-то ревнивым предубеждением: ведь к Адамсону у нас привыкли, уважали его, гордились его прошлым, а Копяка в дивизии никто не знал.

Через полчаса, отдав необходимые распоряжения и оставив за себя капитана Павленко, я почистился, насколько это было возможно в наших условиях, и выехал вслед за Родионовым. В грузовике со мной находились два автоматчика и боец с ручным пулеметом, закрепленным поверх кабины, чтобы в случае необходимости вести огонь на ходу.

Зной стоял невероятный. Дорога, местами сплошь изрытая бомбами, не позволяла двигаться быстро. Над нами на небольшой высоте частенько проносились немецкие самолеты. В те первые военные дни они охотились не только за войсковыми колоннами, но иногда гонялись и за отдельными машинами.

Этой участи не избежали и мы. Приходилось ехать с открытыми дверцами и неотступно следить за небом. Десятки раз машину обстреливали с воздуха. Тогда мы выпрыгивали и укрывались в воронках.

На изрешеченном пулями грузовике кое-как добрались до расположения опергруппы штаба армии. Оперативная группа ютилась на опушке небольшой рощи, где из укрытий имелись только противоздушные щели. Я увидел командующего армией генерал-лейтенанта Ершакова, члена Военного совета корпусного комиссара Леонова, начальника штаба генерал-майора Захарова, начальника артиллерии армии генерал-майора Ничкова. Здесь же находились вновь назначенный командир нашей дивизии полковник Копяк и бывший командир Адамсон.

Командарма мы знали давно. Филипп Афанасьевич Ершаков до войны командовал войсками нашего Уральского округа. Из уральцев состояла теперь

вся 22-я армия. Старый коммунист, участник гражданской войны, военачальник с большим боевым опытом, Ершаков в тридцатые годы закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Что отличало его от многих других военачальников, с которыми мне доводилось встречаться, так это характер — на редкость невозмутимый, спокойный, ровный.

Дмитрия Сергеевича Леонова я увидел впервые. Это был невысокий худощавый человек. Он часто поглаживал седеющий ежик волос на голове и остро щурил глаза на говорившего.

Я представился. Меня попросили как можно подробнее доложить сведения о противнике, его намерениях, действиях отряда и наших потерях. Командарм слушал внимательно, ни разу не перебив, не задавая дополнительных вопросов. Он сверил наши данные со своими, сделал пометки на карте, поднялся, поскрипывая высоко подтянутыми, без гармошки, сапогами. И сразу стал как-то менее официальным, хотя заговорил о делах очень важных. Он обратил мое внимание на недостаточную глубину обороны отряда, слабое прикрытие артиллерийских позиций пехотой, нерегулярную связь с дивизией. Ершаков приказал создать вторую линию обороны, прикрыть орудия ПТО огнем стрелковых подразделений, непременно иметь резерв, который использовать лишь при крайней необходимости. Особо генерал подчеркнул, чтобы все мы, от бойца до командира, действовали инициативно, не надеялись, что решения придут «сверху» в готовом виде, атаками защищали каждый метр земли.

Командарм сделал паузу, закурил и спросил:

— Обстановку на фронтах знаете?

Я ответил, что знаю только в общих чертах, что война началась большая, но мы разобьем фашистов в течение нескольких месяцев.

Генерал непонятно для меня усмехнулся и сказал:

— Так вот, слушайте и обязательно передайте личному составу отряда. Война идет действительно большая. Небывало большая. Боевые действия развернулись на очень широком фронте — от моря Белого и до моря Черного. Фашисты наносят удары одновременно на трех основных направлениях. Первый — из Восточной Пруссии на Псков и далее на Ленинград. Второй — из района Варшавы на Минск, Смоленск, нацеливаясь на Москву. Мы развертываемся сейчас именно на этом направлении. Третий удар немцы наносят на Житомир, Киев и далее, по-видимому, на Донбасс. В конечном итоге Гитлер и его приспешники поставили перед собой цель уничтожить наше государство и поработить наши народы. Советские войска, прикрывающие границы, понесли тяжелые потери и отступили. Крупные танковые и моторизованные соединения довольно стремительно движутся в глубь нашей территории. Ваша задача — во что бы то ни стало удержать свой рубеж до подхода главных сил дивизии. Помните, что вы сейчас на острие обороны не только 112-й дивизии, но и всей армии. Желаю вам, капитан, и всему отряду успеха. Возвращайтесь в Краславу.

Спокойно-раздумчивый тон генерала, внимательность, его анализ боя в целом и в деталях, забота о войне внушали уверенность в нашей безусловной победе. Разговор командарма со мной я воспринимал одновременно и как строгое требование начальника, и как наставление учителя, воспитателя.

Я впервые так накоротке виделся с Филиппом Афанасьевичем, и впечатление он произвел неизгладимое. Позднее, в августовских боях сорок первого года, мне довелось нести службу в штабе армии и работать под непосредственным руководством генерала

Ершакова. В тяжелейшей боевой обстановке я узнал его ближе, и все та же спокойная уверенность, хладнокровие, всечасная собранность, богатый военный и житейский опыт неизменно внушали беспредельное уважение.

А вот знакомство с вновь назначенным командиром дивизии Иваном Андреевичем Копяком поначалу оставило противоречивое впечатление. Высокий, по-южному смуглый, с ровным пробором в коротко стриженных гладких волосах, он показался мне не в меру горячим и даже, не скажу грубым, но каким-то чересчур прямолинейным, что ли. И я очень обрадовался, когда впоследствии это впечатление совершенно не подтвердилось.

Полковник Копяк, хотя он не обладал личным обаянием, как, например, Адамсон, был отважным кадровым командиром, участвовал в гражданской войне, где получил три ранения. За бои под Екатеринбургом Копяк имел орден Красного Знамени. Номер его ордена говорит сам за себя — 150.

Перед отъездом в отряд я, разумеется, попрощался с Яном Семеновичем Адамсоном. Он был, как всегда, подтянут, чисто выбрит, при всех наградах. Держался бодро. И все же я видел, как нелегко ему расставаться с родным детищем — пермской дивизией.

Иван Андреевич Копяк

Да ведь и латвийская земля, куда он привел соединение, была его родиной. Адамсон уезжал снова на Урал командиром 22-й запасной стрелковой бригады, которой вменялось в обязанность формировать подразделения для фронта.

Когда закончилась моя официальная встреча с командирами, Ян Семенович отвел меня в сторонку, оглядел внимательно с ног до головы и, хмурясь, заметил:

— А усы тебе не пойдут. Во-первых, рыжие, во-вторых, жидковаты. И не говори, что бриться времени не было. Значит, плохо организуешь быт. Если ты небритый, так подчиненные, наверно, и вовсе лешаки.

Я молчал, понимая, что не для разговора же об усах он отозвал меня.

— Держались вы эти дни неплохо, — продолжал комбриг после паузы.

Что скрывать, похвала от любимого командира была очень лестна — не так уж он щедр на нее.

— Но имей в виду — самое трудное впереди. То, о чем ты тут докладывал, — даже не цветочки. Надо готовиться к встрече с танками. Возможно, скоро поступят специальные противотанковые гранаты. Но вы-то встретитесь с танками гораздо раньше. Пока придется пользоваться ручными гранатами. Готовьте связки — всегда заранее и как можно больше. Связки, связки и связки!

Он помолчал еще минуту.

— Когда вернешься на рубеж и передашь указания командарма, то добавь от меня: старик, мол, предупреждает, что, кроме всяких других болезней, на фронте существует еще одна — танкобоязнь. Ей подвержены и командиры, и рядовые бойцы. Знаю, под Каховкой на себе испытал. Красноармеец должен уметь хорошо бросать связку и в окопе должен быть

не один, а, по меньшей мере, с напарником. Учти и потребности. Полки идут. А пока надеюсь на вас с Павленко. Только не суетитесь зря. Ну, ладно, добра вам. Поезжай.

Он легонько подтолкнул меня в плечо. Садясь в машину, доверху нагруженную продовольствием, я еще раз оглянулся на комбрига. Ян Семенович поднял руки над головой и соединил ладони в рукопожатии...

Выполняя приказ командарма, отряд начал создавать вторую линию обороны. Для этого часть орудий дивизиона Павленко переместили в глубину. Орудийные окопы, отрытые в полный профиль, имели, кроме того, площадки для стрельбы прямой наводкой. Каждое орудие прикрывалось огнем стрелковых и пулеметных подразделений. Танкоопасные направления тщательно заминировали. В течение последних суток значительно пополнились боеприпасы. Теперь возле орудий лежали полные комплекты осколочных и бронебойных снарядов. Потери в личном составе возмещались за счет отходящих на восток разрозненных групп и отдельных бойцов других частей. Люди шли измученные, усталые, голодные. На рубеже Замковой мы их задерживали.

Я подошел к одной такой группе.

— Какой части, куда идете?

— Идем на соединение к своим.

— Где командиры, где оружие?

— Командир убит. Оружие, какое осталось, несем с собой. Вот. Мы не бежим, товарищ капитан. Мы готовы драться. Дайте патронов и укажите рубеж.

— Рубеж? Вот он — рубеж. Приказа на отход нет. Недостающее оружие можете получить сейчас. Хлеб — после боя.

Из сотен таких людей мы создавали резерв и пополняли свои подразделения, учитывая военную специальность каждого. Капитан Наумов и политруки работали сутками, стараясь, чтобы в пополнение не проникли неустойчивые элементы, паникеры или вражеские лазутчики.

Надо отметить, что бойцы пополнения сражались мужественно и честно. Но и лазутчики представляли вполне реальную опасность. Помню, 28 или 29 июня дозор привел на КП к капитану Наумову неизвестного в форме техника-интенданта. Ни на какие вопросы он не отвечал, пытался выдать себя за контуженого, потерявшего дар речи. При обыске у него обнаружили крупную сумму советских денег и ракетницу с несколькими ракетами. «Контуженого» отправили в особый отдел дивизии.

Обстановка с каждым часом становилась напряженнее. Противник держал наши позиции под непрерывным минометным огнем, бомбил с утра до вечера Замковую и город, с самолетов высаживал диверсантов в наш тыл и, по всему было заметно, готовился к сокрушительному удару по отряду. На рубеже Замковой горы за несколько дней было отбито более десятка атак неприятеля.

Но это оказались, по выражению Адамсона, только цветочки. Ягодки начались на исходе первой недели войны. К этому времени стало ясно, что перед нами накапливаются части 111-й и 121-й пехотных дивизий врага с крупным танковым усилением. В районе Даугавпилса сосредоточивалась 18-я штурмовая дивизия СС.

В полосе обороны нашей 22-й армии противник собирал очень крупные силы, замышляя уничтожить развертывающиеся дивизии и выйти в тылы всего Западного фронта.

В последние два дня резко ухудшилось снабжение отряда хлебом. Тылы дивизии были еще далеко, а очередной транспорт с продовольствием попал под жестокую бомбежку возле Дриссы. На помощь нам пришли жители Краславы. Они начали печь хлеб и, рискуя жизнью, сами доставляли его в окопы.

Мы, участники тех боев, никогда не забывали этого подвига краславцев. Я и сейчас отчетливо помню семью старого солдата первой мировой войны Василия Кирилловича Якимова. Жили они в избушке на левом фланге самого переднего края — поистине на огненной черте. Но бесстрашные эти люди без вся-

**Василий Кириллович
Якимов**

ких громких фраз делали все посильное, чтобы облегчить положение бойцов. Ночами жена Якимова пекла хлеб, а сам старик Якимов под пулями, мина-

ми, снарядами, бомбами доставлял его на передовую. И в ответ на благодарность лишь просил деловито:

— Мешочек только не забудьте вернуть.

— Чего-чего? — непонимающе спрашивали его.

— Мешочек, говорю. А не то — в другой раз не в чем волочить. Хлебушек-то, говорю.

Он стоял перед нами в старой солдатской фуражке, в обтрепанном пиджачке, в опорках. Нет, никогда я не забуду тот хлеб — пшеничные деревенские коврижки с хрустко подпеченной корочкой.

Дети Якимовых, парнишки, норовили поближе к технике — таскали всякую снедь на позиции артиллеристов и пулеметчиков.

В четырнадцать часов 30 июня произошла самая радостная встреча за эти дни. На Замковой появились кунгуряки 416-го стрелкового полка — авангард дивизии. 152 километра прошагали они при полной боевой выкладке под непрерывными бомбежками, под обстрелом диверсантских засад. По 30—35 километров в сутки в палящей зной делали они, неся на себе все тяжелое вооружение, в том числе станковые пулеметы. Красноармейские гимнастерки стали серыми от пота, обожженные солнцем лица словно обуглились. Едва добравшись до наших позиций, люди падали и тут же засыпали.

Недаром комбриг Адамсон назначил в авангард именно этот полк. Кунгуряки все вынесли и дошли, не отстал ни один человек. И если бы нам в те дни было до наград, то бойцов полка всех до единого только за этот переход следовало бы отметить по меньшей мере медалями.

Командовал 416-м майор Буданов. Марш-броски всегда были его коньком, поэтому понятно, что воины полка попросту не могли не дойти. Политическую работу в 416-м возглавлял батальонный комиссар Ги-

ният Хисманович Гизатулин — энергией, стремительностью и требовательностью под стать Буданову. Трудно представить себе лучшую сработанность, чем между командиром и комиссаром 416-го.

В состав авангарда входил также 436-й полк легкой артиллерии двухдивизионного состава и первый дивизион 449-го гаубичного артполка. Первым дивизионом ЛАПа командовал капитан Николай Федорович Микрюков, очень деловой, дисциплинированный артиллерист, службист в лучшем смысле слова. Вышел он из лысьвенских рабочих, потом служил сверхсрочником. Накануне войны за отличную подготовку дивизиона капитан получил орден «Знак Почета». Все орудийные расчеты дивизиона являлись снайперскими, рядовой артиллерист мог в любую минуту командовать орудием.

Второй дивизион возглавлял мой старый приятель, одноклассник по Томскому училищу капитан Владимир Федорович Копытов, для меня просто Володя. Это был виртуозный мастер артиллерийского огня, лихой конник и отличный товарищ. Одну батарею Копытов установил на закрытой позиции, а две другие — на открытых, на западном склоне Замковой. Здесь я и увидел его. Худощавый и смуглый, он за время похода еще больше отощал и почернел.

— Здорово, пехота! — весело приветствовал меня Копытов. — Слышал, слышал о ваших баталиях. А где же подбитые танки? Что-то не видеть.

— Ждали тебя и твои стволы.

— Вот-вот. И то уж мне говорят: дуй, говорят, Копытов, на выручку, совсем запарился там дружок твой. Вот я и здесь.

Был он, как истый конник, при шпорах и шашке. Ножны путались в ногах и изрядно мешали при установке орудий. Я не упустил возможности подколоть:

— А сабельку-то придется в обоз забросить — в бою споткнешься ненароком.

Сам я шашку и шпоры, полагающиеся артиллеристам по форме, давно снял. Но не тот человек наш Володя.

— Дудки! — вскричал он. — Жальму и клинок — только через мой труп!

Володя лошадей любил до умопомрачения. Ни одно конное состязание в соединении или округе не обходилось без капитана Копытова. Отлично выезженная им кобылица чистых кровей Жальма по праву считалась лучшей в дивизии. Она служила Володе добрый десяток лет. Я очень любил моего старинного товарища. Работал он много и азартно, не считаясь со временем, никогда не жаловался на трудности. В бою Володя Копытов бывал смел, даже дерзок, хотя и без всякого налета гусарства.

Артполком командовал майор Сергей Афанасьевич Медведев, коренной пермяк, тот самый, которого мне пришлось замещать целых полгода перед войной. Полк находился полностью на конной тяге. На марше лошадям, особенно в артупряжках, пришлось чрезвычайно трудно, они заметно похудели.

Командир авангарда майор Буданов, ознакомившись с обстановкой и действиями нашего отряда, дополнительно провел командирскую разведку и, не делая большого привала, отдал приказ занимать боевой рубеж по западным склонам Замковой горы. В наступавших сумерках авангард приступил к дооборудованию рубежа.

Передовой отряд, выполнив свою задачу, влился в состав авангардных сил. Боевые действия отряда при самоотверженной помощи краславских патриотов обеспечили главным силам дивизии возможность беспрепятственно подойти и занять позиции на крас-

лавском рубеже. Я тоже вернулся к исполнению своих прямых обязанностей как заместитель майора Медведева.

Начинался новый этап оборонительных боев.

Командование дивизии было удовлетворено действиями передового отряда. Отряд первым в соединении вошел в непосредственное соприкосновение с врагом. Наш опыт боев, хотя еще и незначительный, все же заметно пригодился в дальнейших сражениях защитникам краславских рубежей — и авангарду, и нашей дивизии в целом.

В послевоенные годы комсомольцы города Краслава, ведя поисковую работу о первых днях войны на их земле, запросили Центральный архив Министерства обороны СССР сообщить о частях Советской Армии, защищавших от нашествия фашистов их город. И в мае 1965 года получили документ, имеющий исключительное значение для боевой истории дивизии:

СЕКРЕТАРЮ КРАСЛАВСКОГО РК ЛКСМ ЛАТВИИ

На ваш запрос сообщаем сведения о боевых действиях 112-й стрелковой дивизии в период обороны города Краслава с 27 июня по 3 июля 1941 года.

С 27 июня по 1 июля 112-я стрелковая дивизия 22-й армии занимала оборону по реке Западная Двина от Дриссы до Краславы и на север от Краславы фронтом на запад и вела упорные бои сводным отрядом под командованием капитана Зороастрова (РБ и ОПТД) с авангардными частями противника под Краславой.

Нанося противнику мощные удары, отряд удержал город в своих руках до подхода главных сил дивизии. Противник потерял в боях до 1000 человек пехоты,

до 20 велосипедистов, 11 мотоциклистов, 10 орудий ПТО и 2 броневика. Таким образом отряд полностью обеспечил развертывание частей дивизии для обороны Краславы.

В это время 112-я стрелковая дивизия получила задание уничтожить краславскую группировку противника и в дальнейшем наступать на Двинск совместно с частями корпуса Лелюшенко.

1 июля 1941 года дивизия совершила марш двумя колоннами. В авангарде был 416-й стрелковый полк с приданной артиллерией 436 ЛАП под командованием майора Буданова. Авангард 416-го стрелкового полка с подходом основных сил полка вступил в бой. Во второй половине дня против полка противник бросил 111-ю ПД 16-тысячного состава с целью разгромить авангард и не дать возможности сосредоточиться для удара главным силам дивизии.

Но противник не выдержал натиска частей 112-й стрелковой дивизии и к исходу того же дня был отброшен на 5—7 километров западнее Краславы.

2 июля во второй половине дня противник ввел в бой новую, 18-ю штурмовую, дивизию СС. На правом фланге 112-й дивизии появились также свежие части противника. С нашей стороны к этому времени был введен в бой полностью 416-й стрелковый полк, батальон 385-го и батальон 524-го стрелковых полков, две трети артиллерии дивизии. Остальные части находились во втором эшелоне дивизии.

Силы были неравные. К концу дня наши части отошли и заняли новый рубеж, на 500 метров восточнее Краславы.

3 июля наши части вновь заняли восточную окраину города. В 10.00 противник начал вести по всему фронту сильный артиллерийский и пулеметный

огонь. В 19.00 3-й стрелковый батальон 416-го стрелкового полка начал отходить от Краславы в восточном направлении.

4 июля с рассветом все части 112-й дивизии начали отходить в восточном направлении.

Бойцы, командиры и политработники 112-й стрелковой дивизии в боях с противником, который превосходил наши силы в 3—4 раза, проявили упорство и мужество, нанесли тяжелые потери 8-й штурмовой и 226-й пехотной дивизиям врага, 111-я ПД была окончательно выведена из строя. Противник потерял до 10 тысяч человек убитыми и ранеными.

Частям 112-й стрелковой дивизии Военный совет 22-й армии объявил благодарность.

Особенно отличились в боях за Краславу воины 416-го стрелкового полка: мл. лейтенант Ибатулин, мл. сержант Наумов, заместитель по политчасти Волчек, красноармейцы Гребенюк, Ишкальден, Камынин, Воробьев, Мальцев и многие другие.

Заместитель начальника архива МО СССР
по научной работе полковник М у д р я к.
Начальник отдела полковник П а в л е н к о.

КРАСЛАВА В ОГНЕ

Правый фланг нашей обороны теперь находился у самого глубокого в Прибалтике озера Дридзис, где был стык с позициями 21-го мехкорпуса, далее рубеж проходил по западным склонам Замковой, и левый фланг упирался в берег Даугавы. Закрытые огневые позиции артиллерии располагались в рощах восточнее города, батальонная же и полковая артиллерия, а также часть батарей полка Медведева устанавливались на прямую наводку на самой Замковой. Проти-

вотанковые орудия капитана Павленко занимали прежние позиции.

Вечером артиллеристы подготовили сосредоточенный и заградительный огонь, батареи произвели пристрелку реперов — условных ориентиров, установили с пехотинцами сигналы открытия, переноса и прекращения огня. Наблюдательные пункты оборудовались поближе к переднему краю, а штабы полков разместились в подвальных помещениях зданий на западной окраине города. Особое внимание уделялось организации дополнительной разведки, так как мы знали, что части 111-й и 121-й пехотных дивизий противника готовы к наступлению и в любую минуту можно ожидать их действий.

Одно за другим подходили подразделения главных сил нашего соединения, занимая отведенные им участки. Авангард дивизии готовился к тяжелому бою, чтобы прикрыть их развертывание.

Так прошел день 30 июня.

С полей тянуло дымом и гарью: все еще дотлевали хлеба и травы. От дневной бомбежки продолжались пожары в городе.

Наступала ночь на 1 июля. Пролился короткий дождь, прибавив пыль и освежив воздух. Деревья на Замковой горе, иссеченные осколками, опаленные разрывами, почти без крон, роняли тяжелые капли. Как и раньше, по ночам вспыхивали ракеты. Они на минуту ослепляли мертвенным светом, а потом наступала другая слепота — от тьмы крошечной, еще более сгущавшейся после вспышки.

К рассвету вернулись высланные в ночной поиск полковые разведчики майора Буданова. Мне на КП позвонил начальник штаба 416-го полка Константин Петрович Марсов и спросил, не знаю ли я, где найти капитана Наумова.

— Есть язык, — сообщил Марсов. — Надо бы толково допросить его, а у нас немецкого никто не знает.

Наумов спал, укутав голову в шинель. Я разбудил его, и мы вместе отправились к кунгурякам. Пленный, угрюмо озираясь, сидел у сосны вблизи штабной машины Буданова под охраной двух бойцов, захвативших его. Это оказался здоровенный белобрысый детина. Оба рукава его куртки были оторваны, штаны в пыли — видно, гитлеровец при пленении отчаянно сопротивлялся.

Разведчики привычно вскинули ладони к пилоткам. Пленный верзила продолжал сидеть. Один из бойцов закричал:

— Ты почему, подлюга, не встаешь перед советскими командирами?

Фашист вскочил, вытянулся перед Наумовым. Подошел майор Марсов, торопливо поздоровался с нами и попросил начинать допрос: из какой части, ее задача, есть ли поддерживающие танки и сколько. Наумов достал полевую книжку, чтобы записывать ответы, задал первый вопрос. Немец молчал. Капитан медленно повторил вопрос.

Сильным голосом фашист вызывающе ответил:

— Через два месяца мы будем на Урале. Пусть мне не повезло, зато других фюрер приведет к победе.

Хотя пленный отвечал дерзко, руки у него дрожали, будто с похмелья. Марсов усмехнулся и покачал головой.

— Его философия нас не интересует. Ближе к делу — какого полка, какой дивизии?

Пленный еще долго разыгрывал из себя преданного фюреру солдата, но потом все же сказал, что он капрал 408-го пехотного полка 121-й дивизии. Перед нашими позициями готовы к бою передовые части

121-й и 111-й дивизий с танками. Наступление, по словам пленного, должно начаться в восемь утра. Их полк укомплектован полностью, как и все другие полки. Последние два дня они отдыхали.

Капрала под конвоем отправили в штаб дивизии, а полученные сведения Марсов тут же передал командиру полка.

Я вернулся на свой НП, рассказал майору Медведеву о результатах допроса. Наш наблюдательный пункт, в отличие от КП, был вынесен на самую вершину Замковой и от НП полка Буданова находился всего метрах в четырехстах. Разделял нас только густой кустарник. Связь была устойчивая — связисты прикопали телефонный кабель. Кроме того, на случай повреждения линии, постоянно дежурили двое связных.

Наблюдательный пункт представлял собой окоп полного профиля, вырытый в ярко-красной глине. Стенки его не осыпались даже при близких разрывах. Накат соорудить за ночь не успели, просто окоп накрыли двумя плащ-палатками — для маскировки и защиты от дождя. Над бруствером возвышались прикрытые козырьками рожки стереотрубы.

Медведев с рассвета изучал поле предстоящего боя, делал пометки на карте, измерял горизонтальные углы от ориентиров до целей, искал признаки расположения вражеских батарей. Я за эти дни уже основательно изучил местность. Стараясь не мешать Медведеву, поочередно вызывал дивизионы, чтобы проверить их готовность к открытию огня, передал данные о целях, обнаруженных вчера днем и сегодня утром. Составлять таблицы огня, как мы это делали в мирное время, было некогда. Особую озабоченность вызывали батареи, стоящие на прямой наводке. Они, несмотря на маскировку, при стрельбе неминуемо

обнаружат себя. Поэтому я приказал подготовить запасные позиции для каждого орудия.

Временами Медведев, отрываясь от окуляров, жадно курил. Вообще в эти дни мы стали много курить. Но внешне Сергей Афанасьевич оставался спокоен. Только, может быть, чуть бледнее обычного после бессонных ночей. За дни, что мы не виделись, он сильно похудел и лицом очень напоминал свою старушку мать.

Ровно в семь утра, за час до предполагаемого наступления немцев, позвонили из штаба дивизии и передали приказ полковника Копяка: «Упредить противника, нанести ему мощный огневой удар, с тем чтобы ослабить первоначальный натиск».

Сверили часы со штабными. Артналет назначался на 7.40. Оставшиеся сорок минут тянулись бесконечно.

Артиллеристы и минометчики заняли свои места. Начеку находились пулеметчики и стрелки, саперы и санитары. Комиссары и политруки обходили траншеи. Спешно выпускались боевые листки.

Было непривычно тихо как в немецком, так и в нашем расположении. Солнце поднималось все выше, било в глаза противнику, слепило его. Видимость стала хорошей, только над Даугавой еще плавала легкая пелена утреннего тумана.

Ровно в семь часов сорок минут артиллерия авангарда и все минометные батареи кунгурского полка обрушили внезапный шквал огня по боевым порядкам, огневым позициям, командным и наблюдательным пунктам врага. Воздух наполнился сплошным грохотом, позиции противника окутались огненной тучей. Так продолжалось пятьдесят минут.

Фашисты сразу же понесли значительный урон. Намеченная ими на восемь утра атака сорвалась. На

наш артиллерийский удар враги смогли ответить лишь беспорядочной пальбой, да и то снаряды ложились мимо цели.

Мы израсходовали много боеприпасов. Для их пополнения весь наличный транспорт был направлен в рощу в районе деревни Сушки, где располагалось артснабжение дивизии. По пути несколько повозок попали в зону вражеского обстрела и вышли из строя, пострадал конский состав, имелись убитые среди повозочных. Однако ожидать наступления ночи, более благоприятной для подвоза, не было возможности: боевой день только начинался и боеприпасы требовались непрерывно.

Через полчаса после нашего налета в небе появились немецкие самолеты. Сделав круг над позициями, они повели яростную бомбежку Замковой. Стервятникам противостояли счетверенные пулеметные установки роты противовоздушной обороны. Захлебываясь огнем, они беспрестанно били и били по ненавистным крестовинам вражеских машин. Головной самолет был буквально рассечен очередями и рухнул, даже не успев вспыхнуть. Но остальные улетели, только отбомбившись.

Одновременно с бомбежкой фашисты начали артиллерийский и минометный обстрел. Под его прикрытием к переднему краю нашей обороны устремились несколько групп танков. Это были первые вражеские танки, которые мы увидели, так сказать, в натуре. За ними, прячась в посевах, пробиралась пехота.

Бойцы авангарда встретили атаку шквалом огня из всех видов оружия. Артиллеристы капитанов Павленко, Микрюкова и Копытова расстреливали танки в упор прямой наводкой, стрелки пустили в ход связки ручных гранат, пулеметчики отсекали от танков вражескую пехоту и уничтожали ее.

Атака захлебнулась. Противник не сумел прорвать оборону на Замковой. Конечно, мы сознавали, что это очень небольшой наш успех, что это не последняя и отнюдь не самая сильная атака противника.

Враг понес значительные потери, но и в наших рядах имелись убитые и раненые. Из батальонов настойчиво звонили в штаб дивизии и просили — впервые за время существования соединения — указать точно, где медсанбат. Из штадива, пренебрегая шифром, чтобы не терять времени, отвечали открытым текстом: «Хозяйство Коппа находится восточнее деревни Сушки один километр». Медсанбат под руководством энергичного, опытного хирурга майора медицинской службы Александра Феликсовича Коппа работал круглосуточно.

После утренней атаки 1 июля гитлеровцы возобновили боевые действия лишь во второй половине дня, когда подтянули свежие силы. Так было и в последующие дни: у нас сражались одни и те же подразделения, а фашисты вводили в бой все новые части.

Не сумев прорваться вдоль Краславского шоссе, теперь они нацелились на другой участок — в стык второго батальона кунгуряков с батальоном разведчиков. Именно туда обрушился бомбовый удар. В шестнадцать часов развернулось наступление противника на этот рубеж.

В самом начале боя на КП 416-го полка прибыл комдив Копяк. Майор Буданов доложил, что полк ведет бой с превосходящими силами противника, положение очень тяжелое. Подал карту, на которой была нанесена обстановка к моменту наступления. Тем временем бой разгорался. Стоял сплошной несмолкаемый рев, гул, грохот. Даже на КП командиры кричали друг другу на ухо, потому что вблизи с открытых

позиций вели беглый огонь батареи капитана Копытова. Вскоре грохот усилился на правом фланге, где вел бой разведывательный батальон. Назревал критический момент.

Полковник платком отер лицо, оглядел позиции защитников Замковой и, не колеблясь больше, не дожидаясь даже сообщения о положении разведчиков, повернулся к Буданову и хрипло прокричал:

— Контратаковать!

По ходам сообщения побежали с этим приказом связные в батальоны. Немного погодя над вершиной горы взвилась кроваво-красная ракета — сигнал общей атаки. Едва она догорела, батальоны поднялись навстречу вражеской пехоте. Многоголосое, яростное «ура» не могло перекрыть грохота канонады. Но каждый боец слышал собственный клич, видел кричащие рты бегущих рядом товарищей, и этого было достаточно, чтобы неудержимо рваться вперед.

Контратаку возглавляли командиры и политруки рот. С пистолетами в руках, они первыми выскакивали из окопов. И гибли первыми.

Артиллеристы перенесли огонь дальше, открыв путь контратакующим. В передних цепях пехотинцев находились и артиллерийские командиры. Они на ходу передавали распоряжения о переносе огня туда, где требовалось расчистить путь пехоте. На уцелевших после артиллерийского обстрела фашистов обрушивались гранаты, приклады, вступали в дело штыки.

Пермяки контратаковали на всем участке. Гитлеровцы ожесточенно отбивались. Наши цепи редели. Но живые, из них многие раненые, продолжали продвигаться вперед и крушить врага.

Натиск пермяков был таким яростным, что фашисты не выдерживали и нескольких минут рукопашной

схватки. То в одном, то в другом месте они обращались в бегство, а потом побежали на всем участке. Огонь наших батарей продолжал громить гитлеровцев с закрытых позиций.

К восемнадцати часам противник был отброшен повсеместно, но разгоряченные боем красноармейцы в ряде мест преследовали его еще несколько километров.

Постепенно бой затих. Обгоревшие глыбы немецких танков чернели на поле, усеянном трупами, изрытом воронками. Воздух пропах гарью, порохом, краской, сгоревшей на раскаленных стволах орудий. В тишине, казавшейся неестественной после недавнего столпотворения, отчетливо звякали лопаты — копали братские могилы. Бойцы приводили в порядок окопы, чистили оружие, чинили одежду.

Командиры подразделений подсчитывали потери. Они оказались велики, особенно в пехоте. Вышли из строя многие командиры взводов и рот. Их заменяли сержанты и рядовые бойцы-коммунисты. В штабах подводили итоги, писали донесения, заполняли бланки похоронных извещений.

Кончался первый день июля — десятый день войны. День первого серьезного успеха дивизии и ее первых больших потерь.

Темнело. Только вершины сосен еще слабо зеленели. В роце возле деревни Сушки уже угнездилась ночь. В кустарниках с трудом различалась большая походная палатка командира дивизии. У Копяка в этот час собрались полковой комиссар Беляев, полковник Лев, майор Родиснов и другие старшие командиры. Вызвав был и я, как командир, уже несколько дней руководивший боями на этом рубеже.

Начальник оперативного отдела штаба дивизии капитан Булавский развернул карту, докладывал

боевую обстановку на 22.00. Говорил он устало и невесело.

— Противник, атаковавший сегодня, — 111-я дивизия, усиленная танками. Не добившись успеха в бою с нашим авангардным полком, понеся значительный урон, враг отброшен от оборонительного рубежа до пяти километров. Неприятель спешно производит перегруппировку, подтягивает резервы, и к утру можно ожидать его новых решительных действий. Замечен также подход свежих сил из состава других соединений. На участке разведывательного батальона захвачен в плен солдат-мотоциклист из 18-й штурмовой дивизии СС, ранее не появлявшейся перед фронтом дивизии.

Сосед справа, 21-й механизированный корпус, в течение дня отбивал удары превосходящих сил противника и постепенно отходил в северо-восточном направлении. Связь с ним неустойчивая и поддерживается лишь офицерами связи. Сосед слева, 98-я дивизия нашего корпуса, ведет тяжелые бои с мехчастями врага на рубеже Дрисса — Николаево.

Полк майора Буданова за прошедший день понес наиболее ощутимые потери: в живой силе до тридцати процентов. Артиллерия потеряла от огня противника семь орудий. Убыль конского состава, в основном от налетов авиации, составляет четверть штатного состава.

Капитан закончил доклад и, погладив воспаленные веки, поднял глаза, ожидая вопросов. Полковник Копяк с минуту молчал, выводя на карте вероятные направления завтрашнего наступления противника. Потом враскат бросил горстку цветных карандашей и спокойно начал отдавать распоряжения:

— Полк Буданова завтра один не выдержит. Его правый фланг усилить первым батальоном 524-го пол-

ка. К Замковой подтянуть также правофланговый батальон Садова и иметь его в моем резерве.

Повернувшись к сидевшему у выхода начальнику артиллерии, комдив добавил:

— Тяжелый дивизион капитана Малика за ночь перебросьте поближе к Буданову и держите в своих руках. Пусть с рассвета громит батареи противника. Я ночью в кунгурском полку. Идите и работайте.

Расходились в относительной тишине. Слышались только одиночные далекие разрывы, да откуда-то из окопа доносился монотонно-хриплый голос связиста: «Двина, Двина, я Кама... Двина, Двина...»

Вслед за командирами вышел комиссар полка Беляев.

— Мои все у Буданова, — объяснил он, — чего же мне тут сидеть. Съезжу к Копцу в медсанбат, погляжу, как организована отправка раненых.

Я тоже не сразу пошел к себе. Сначала отправился к Буданову, чтобы уточнить задачи на завтра. Кунгурияки до полуночи восстанавливали разрушенные за день укрытия и укрепления, пополняли боеприпасы. Когда кто-то совсем уж изнемогал, то валялся поспать полчасика и — снова за работу. Командир полка, сидя в блиндаже под жидким накатом, писал донесение в штаб дивизии.

— Вот, — кивнул он, — Марсов ушел проверять размещение батальонов на участках — подходят на подмогу из 524-го и 385-го. Так я пока за него тружусь.

Лицо у Александра Антоновича и вообще-то было худощавое, а за сегодняшний день глазницы и щеки вовсе ввалились. Я подумал: «Уж ел ли он сегодня?» Вышел из блиндажа и кликнул связного, попросил принести нам по котелку чего-нибудь с солдатской кухни. Ординарца у майора сегодня убили, и он еще не успел подобрать нового.

Буданов между тем разговаривал по телефону с Медведевым, в подчинение которого поступил гаубичный дивизион капитана Малика.

— Хозяйство Малика прибыло!.. Ага! Добро!

Передавая трубку связисту, сказал мне:

— Малик на месте, уже оборудует новые позиции и получил задание на утро.

Он, не вставая, с хрустом потянулся и снова взялся было за карандаш. В это время связной внес два дымящихся котелка с чем-то по-домашнему ароматным.

— Ах ты, мать честная! — изумился командир полка. — Как же это кстати!

И верно, чертовски лакомая штука — солдатский борщ, когда глотаешь его не наспех между двумя разрывами, а вот в такой благодатной тишине, как сейчас.

Поев, Буданов раскрыл чистую тетрадку. Я понял, что он собирается использовать затишье, чтобы написать письмо домой, в такой далекий отсюда и бесконечно близкий сердцу Кунгур. Я тихо выбрался из блиндажа.

Случилось так, что много-много лет спустя я прочитал это письмо. Его мне прислала вдова Александра Антоновича Буданова. Вот несколько строчек из него, из того самого, писанного в блиндаже в ночь на 2 июля. Оно оказалось последним в жизни отважного командира полка: «Нахожусь в окопах. Борюсь за социалистическую Родину. Я тверд и жесток к врагу, жизни не жалею своей. Позиции не сдам врагу никогда! Мы уничтожили сегодня врагов больше в три раза... Береги сына. Целую. Саша».

И это было как боевое донесение родной прикамской земле.

ЧЕРНЫЙ СНЕГ ВОЙНЫ

К утру 2 июля наши силы на рубеже озеро Дридзис — Краслава составляли шесть батальонов пехоты, включая резерв комдива, и две трети всей дивизионной артиллерии. Другие силы дивизии продолжали оборонять рубеж по северному берегу Даугавы до местечка Дрисса. Линия фронта проходила дугой, выгибавшейся в сторону противника. Рубеж был выгоден для обороны, но слишком растянут. Плотность артиллерийско-минометного огня была явно недостаточной. Очень сказывалось на устойчивости обороны отсутствие танков. Маловато, конечно, имелось и резервов, но они находились в полной боевой готовности.

Около семи утра противник открыл сильный артиллерийский огонь по всему фронту на всю глубину нашей обороны. Особенно интенсивный огонь враг сосредоточил на участке Замковой горы, где оборонялись батальоны Буданова. Четыре дивизиона артгруппы под командованием Медведева открыли ответный огонь. Тяжелый дивизион гаубичного полка увесисто бил по батареям и резервам врага. Капитан Малик, решительный и опытный артиллерист, удачно корректировал огонь дивизиона и еще до начала общей атаки противника подавил три его батареи.

Артподготовка немцев длилась около часа. И хотя залпы как ножом обрезало, тишина не наступила. Небо наполнил гул моторов. После бомбового удара на наши позиции двинулись танки. Их было много, более полусотни. Следом шли густые цепи автоматчиков. Они наступали во весь рост, оружие, полупьяные. Стреляли на ходу, оперев автоматы в живот и не целясь, но плотность огня получалась огромная.

Заговорили наши пулеметы. Прицельный беглый огонь открыли орудия прямой наводки. Шквальный заградительный огонь вели батареи с закрытых позиций. Стволы орудий дымилась — горела краска. В просветах дыма и пыли отчетливо, будто в кино, было видно, как падают гитлеровцы. Столбы пламени и черного дыма вырастали над вражескими танками. Сотни снарядов, тысячи пуль и осколков сметали цепи атакующих. Мы увидели замешательство гитлеровцев, потом смятение и наконец панику. Враг дрогнул, покотился назад, оставляя сотни трупов и горящие танки.

Первый натиск дня был отбит. Копяк лично руководил боем. Конечно, он видел, как тают и наши силы. В резерве имелся только один батальон 385-го полка. Выходили из строя командиры. Командование батальонами принимали лейтенанты, ротами — сержанты.

Поднявшееся к зениту солнце накалило воздух. Даже затвор винтовки обжигал руку. От духоты стало невыносимо дышать. Жар жег и изнутри, а воды не было.

Подтянув резервы, после новой бомбежки и ураганной артподготовки, гитлеровцы опять ринулись в атаку. Они решили во что бы то ни стало сокрушить, наконец, оборону на Замковой и ворваться в Краславу. По тому упорству, с каким они продвигались, опять-таки вслед за танками, стало ясно, что это отборные гитлеровские части. Цепи шли на сближенных интервалах.

Противник ввел в бой полки 18-й штурмовой дивизии СС. Эти не орали, не пытались запугать психической атакой.

По врагу открыли сильный ружейно-пулеметный огонь. Но эсэсовцы хитрили, прятались в воронках,

укрывались за бугорками и шаг за шагом, медленно продвигались вперед.

Тогда Копяк ввел в действие свой последний резерв — батальон Соколова из 385-го полка и пятерку разведбатовских бронемашин. Набрав скорость, бронемашины врезались в гущу гитлеровцев, расстреливали их из пулеметов, давили колесами. Стена заградительного огня наших дивизионов отсекала атакующие цепи от танков. Бойцы полка Садова гранатами и штыками встречали немцев, прорвавшихся через огненную завесу.

Неимоверных усилий стоило нам сдерживать этот натиск. В ротах полка Буданова, у орудий прямой наводки почти не оставалось бойцов, которые не были бы ранены или контужены. Истекая кровью, наспех перевязавшись, они мужественно продолжали борьбу. И противник опять откатился назад.

Мне запомнился этот день как один сплошной бой. Вновь и вновь подтягивая резервы, враг ожесточенно рвался к Замковой. Под несмолкаемый гул орудий, треск пулеметов, грохот разрывов волна за волной накатывались цепи фашистов на Замковую гору. Накатывались, разбивались и откатывались. Гора оставалась неприступной.

В 18.00 начальник штаба дивизии майор Родионов по телефону доложил полковнику Копяку, что сосед справа, 21-й мехкорпус, под непрерывными ударами крупной группировки неприятельских танков и мотопехоты отходит со своего рубежа на северо-восток. Противник сосредоточивает танки перед стыком мехкорпуса с нашей дивизией. Создавалась прямая угроза обхода справа и выхода немцев в тылы нашего соединения.

Отдав трубку связисту, Копяк грузно опустился на ящик из-под гранат, снял фуражку и задумался, креп-

ко отирая не лоб, не шею, а изнутри взмокшую от пота фуражку. Достал папиросу. Но, так и не закурив, решительно нахлобучил фуражку, поднялся во весь свой высокий рост и приказал снова соединить его со штабом. Обычным своим грубовато-спокойным голосом, одинаковым для команд перед строем и для телефонных разговоров, Копяк распорядился в трубку:

— Буданову всем хозяйством... Слышал?.. Всем хозяйством отходить с боем побатальонно... Повтори... Да, да, говорю же — отходить. Артиллерии прикрывать отход. До темноты вести уличные бои. Новый рубеж — лес восточнее города. Пятьсот двадцать четвертый — весь на правый фланг.

Это был один из самых тяжелых моментов за все время обороны Замковой. До сих пор мы, командиры и политработники, говорили бойцам, что умрем все до единого, но на северный берег Даугавы немца не пустим. Но вот мы живы — и отходим. К чему тогда были все наши жертвы?

Лишь много позднее я прочитал высказывание Маршала Советского Союза Г. К. Жукова о том, что в тогдашней обстановке выиграть у врага пять-семь суток — это великолепный подвиг. И до конца понял огромное значение тысяч таких рубежей, как наш, где люди стояли так же насмерть, как мы, задерживая врага на день, на неделю, на месяц. Не мы одни боролись за каждый метр советской земли, устилая ее вражескими трупами, обливая своей кровью. Так было повсеместно от Черного моря до Балтики.

Уже через час после приказа Копяка поредевшие батальоны 416-го полка под прикрытием огня дивизионной артиллерии и минометных батарей медленно, с боем отходили в Краславу. Уцелевшие орудия боль-

шей частью катили вручную. На коротких остановках артиллеристы личным оружием отбивались от нападавших гитлеровцев. Бойцы противотанковых батарей дивизиона Павленко, укрываясь за зданиями, вели огонь осколочными снарядами и тоже отступали, стараясь не отставать от стрелков. Некогда уютный, первоначально тихий городок наполнился лязгом металла, звуками выстрелов и разрывов. Кое-где на улицах завязывались рукопашные схватки.

По булыжной мостовой, взгромоздив станины на спину, со стоном дыша, один, тянул сорокапяти-миллиметровое орудие лейтенант Валерий Борисов. Насквозь взмокшая гимнастерка на спине лопнула от ворота до пояса. Когда-то он проделывал это на учениях не столько по необходимости, сколько из бравады. Теперь его силушка понадобилась на войне. От всего взвода Борисова оставались в живых трое: командир орудия Картель, наводчик Катанов, замковый Люнов. Задышавшись, они втроем катили другое орудие — с обгоревшей краской, без прицельного приспособления, снесенного осколком, но еще способное стрелять прямой наводкой.

Вскоре на подмогу преследующим нас гитлеровцам явилась авиация. Около полусотни самолетов налетели на маленький латвийский городок. Началась

**Валерий Павлович
Борисов**

бомбежка. Вспыхнули пожары. В тучах пыли, поднятой взрывами, вряд ли что могли разглядеть и сами фашистские стервятники.

Через некоторое время немцы повторили налет, но наших бойцов в городе оставалось уже немного. Они укрывались в подвалах, в щелях и воронках, в огородных межах. Жертвы у нас, конечно, были во время вражеских бомбежек, но не такие уж большие, как потом пытались представить в своих листовках фашисты.

Вслед за нашими отходящими войсками в город врывались захватчики. Над Краславой еще сильнее взметнулись пожары. Крупные хлопья сажи — черный снег войны — валили на мостовые.

Еще до наступления ночи мы заняли оборону на возвышенности восточнее города, на расстоянии примерно полукилометра от его окраины. Бойцы начали окапываться. Многие, углубившись едва на полметра, падали в эти ямки и засыпали — уж очень тяжел был дефь.

На новом рубеже передний край обороны дивизии проходил по мелколесью от озера Илзе на правом фланге к озеру Скайста, пересекал шоссе Краслава — Индра и левым флангом упирался в берег Даугавы. Глубина обороны прикрывалась сплошным сосновым лесом и была удобна для маневрирования резервами и скрытного подхода к переднему краю.

Закрытые огневые позиции артиллерийских полков майоров Медведева и Збаразского располагались на опушках отдельных рощ в глубине обороны. Противотанковые орудия дивизиона капитана Павленко и полковые батареи охраняли подступы к переднему краю и дороги на Дагду, Индру, Пиедрую. Обычно противник, нанося таранные удары танками и крупными частями мотопехоты, стремился развивать ус-

пех по дорогам. Поэтому значительная часть средств ПТО и пулеметные роты плотно прикрывали их. За прошедшие дни бойцы оценили надежность хорошо оборудованных траншей, окопов и не пожалели сил, чтобы к рассвету третьего июля отрыть и замаскировать их на новом рубеже.

Дивизия занимала участок на правом фланге корпуса и всей армии. Из штаба корпуса поступил приказ удерживать рубеж всеми силами, сковывать действия противника и контратаковать его. Нам обещали авиационную поддержку боевых действий.

В боях за Краславу гитлеровцы понесли серьезный урон. Их 111-я пехотная дивизия полностью утратила боеспособность. Только на рубеже Замковой горы фашисты потеряли убитыми и ранеными до десяти тысяч человек. Вражескому командованию пришлось вводить в действие не только отдельные подразделения эсэсовцев, а всю 18-ю штурмовую дивизию СС.

КОНТРУДАР

Едва забрезжил рассвет, немцы пошли в атаку. На этот раз, против обыкновения, без предварительной бомбежки, без артиллерийской подготовки. Они полагали, что мы еще не успели укрепить позиции. Однако наша артиллерия встретила противника исключительно точным заградительным огнем — все батареи провели вечером пристрелку, и теперь снаряды ложились в самой гуще врагов.

Пулеметы открыли фланкирующий огонь. Видно было, как от их очередей фонтанчиками взбрызгивала пыль под ногами атакующих. Гитлеровцы заколебались. Но офицеры с парабеллумами подгоняли их в спину, и вражеские цепи стали просачиваться сквозь огневую завесу.

Пулеметная рота старшего лейтенанта Алексея Буткина прикрывала Краславское шоссе. Эсэсовцы наступали на ее расположение густой толпой. Им оставалось сделать последний рывок. Пулеметчики лейтенанта Владимира Подшивалкина полоснули по фашистам всей силой огня. Однако близость цели и парабеллумы, направленные в спину, подгоняли гитлеровцев вперед.

Я видел, как погиб молодой паренек, комсомолец, коренной пермяк Герасимов. Откуда-то с фланга его прошла автоматная очередь. Вместе с острой болью, с яростью к врагу пронеслась у меня какая-то совсем неуместная в той обстановке мысль. Вспомнился вдруг на ходу услышанный обрывок разговора: Герасимов жалел, что никогда не пробовал карасей в сметане. Просто карасей ел, а чтобы в сметане — не доводилось.

Тьфу ты, наваждение! Бой, смерть, ярость — и караси в сметане. Или это воспоминание было все-таки естественным?

Когда первая волна штурмующих схлынула, перед пулеметом Герасимова насчитали более семидесяти трупов эсэсовцев. За несколько утренних часов рота отразила двенадцать атак противника. Буткин и Подшивалкин сами лежали за пулеметами. За эти часы погибла половина роты. Многие из оставшихся на позициях были ранены дважды и трижды.

Солнце поднялось уже высоко, когда за мной прибежал вестовой.

— Товарищ капитан, вас срочно на рацию.

В окопе, где находилась полковая рация, уже теснились некоторые командиры из нашего полка. На меня зашикали:

— Тише, речь Сталина передают!

И я услышал;

— Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..

Грохот боя заглушал многие слова, фразы.

— Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины..

И снова помехи в эфире, треск, снова близкие разрывы снарядов. Но общий смысл мы понимали. Речь шла о том, что предстоит сделать, чтобы разгромить врага, изгнать его с родной земли.

Политруки и комиссары торопливо записывали основные мысли.

Совсем другими людьми оставляли мы окоп радиостов. Все торопились в подразделения, чтобы сообщить бойцам об услышанном. Едва я прибежал к орудиям, как услышал привычный протяжный переклик:

— Во-озду-ух!.. Во-озду-ух!..

Однако на этот раз самолеты шли с востока. Иные уже поняли, в чем дело, выскакивали из окопов, восторженно размахивали руками, фуражками, винтовками. Да, это были наши самолеты! Всего одна девятка. Но как лихо она принялась долбить немецкие порядки! Застучали вражеские зенитки, трассирующие снаряды пронзали, казалось, все небо, но наши бомбардировщики увертывались и снова и снова пикировали на головы врагов. Вот один самолет особенно удачно зашел на группу танков. Прямое попадание! Взлетели искореженные куски стали.

Рядом со мной боец, сложив ладони рупором, восторженно кричал:

— Давай, давай, соколы, давай, ясные! Давай им, гадам, прикурить!

Отбомбившись, самолеты построились и, покачав нам крыльями, в полном составе унеслись домой. Хо-

тя говорят, что первая ласточка весны не делает, все понимают, что после ее прилета весна неизбежна.

А бой между тем все разгорался.

Из-за окраинных строений города показались танки. Их было десятка три. Стреляя на ходу, они пытались прорвать оборону и открыть путь пехоте.

Всей силой огня обрушились на них наши противотанковые орудия и батареи, стоявшие на прямой наводке. Орудия капитана Павленко ударили танкам во фланг. Два его орудия находились справа от большака Краслава — Индра и два — слева, остальные — в глубине, вдоль дороги. Как и ожидалось с вечера, этот участок оказался наиболее танкоопасным. Встретив отпор, вражеские машины уползли под прикрытие зданий.

Расчеты двух пушек третьего взвода лейтенанта Борисова, расположенные слева от большака в пятидесяти и ста метрах, имели, кроме основных, по две запасных, хорошо замаскированных позиции. Для каждого артиллериста были оборудованы отдельные ячейки. Впереди, в мелком подлеске, окопались пехотинцы, а в промежутках между орудиями и на флангах разместились станковые и ручные пулеметы.

Вскоре на окраину города вышли группы немцев в синих комбинезонах и с автоматами — танкистская разведка. У рубежа вдоль большака они были обстреляны ружейным и пулеметным огнем нашей пехоты. Оставив несколько убитых, гитлеровцы укрылись за ближайшими домами.

Начался минометный обстрел нашего переднего края, а потом фашисты пошли в атаку по обеим сторонам дороги. Их танки пока не появлялись.

Основной удар наносился по правому флангу, где более пересеченная местность и дома ближе к опушке. Вблизи от наших позиций немцы залегли. По ним

открыли огонь из крайних домов свои же пулеметы.

Наши пушки тоже обстреляли противника, но вскоре замолчали: осколочные снаряды кончились, а бронбойные требовалось приберечь — ведь в любой момент могли появиться танки.

И они появились. Их встретил огонь двух орудий справа и двух — под командой лейтенанта Борисова — с левого фланга. Но, видимо, танки вышли только «пощупать» оборону и быстро повернули в город. Возобновился сильнейший минометный обстрел. Разрывы возникали так плотно, что невозможно было высунуть голову из ячейки.

Едва наступило короткое затишье, Борисов приказал перекатить оба орудия на запасные позиции. Но только артиллеристы выскочили к первому орудью, как немцы повторили обстрел. Мина угодила прямо в окоп, в котором только что сидел лейтенант. Взрывной волной его отбросило в сторону. Не успел Борисов подняться, как вторая мина попала под щит орудия. Весь расчет вместе с командиром взвода снова разметало взрывом. Пушка осела — оба ее колеса отлетели, ствол уперся в землю.

Когда Борисов с трудом добрался до орудия, он увидел, что командир его курсант Картель, наводчик Катанов и замковый Люнов убиты. Светлый песок медленно впитывал свежую кровь. Теперь на позиции взвода оставались лишь лейтенант Борисов и единственное уцелевшее орудие...

И опять атака. С возвышенности мы хорошо видели, что фашистов много, что в бой снова введена свежая часть. Вдруг мы заметили впереди наступающих обнаженную по пояс женщину с развевающимися волосами. Это настолько ошеломило бойцов, что они на какое-то время прекратили стрельбу. Стало слышно, как женщина выкрикивает одно и то же:

— Не стреляйте!.. Перестаньте стрелять!..

Но потом, выбежав из передней цепи гитлеровцев на несколько шагов, женщина взметнула руки и закричала совершенно другое:

— Да бейте же их! Бейте палачей!..

Автоматные очереди ударили ей в спину. Мы поняли, что ее насильно гнали впереди вражеских цепей. В последний момент своей жизни она сказала нам то, что и должна была сказать защитникам своей земли настоящая русская женщина.

Это происходило в полтора-два метра от наших позиций.

С удесятенным гневом бойцы встретили наступающие цепи.

Полковник Копяк отдал приказ об общем контрударе всеми силами дивизии. Именно такой приказ лучше всего отвечал настроению бойцов, воодушевленных появлением наших самолетов. Вся уцелевшая артиллерия дивизии открыла интенсивный огонь по резервам, огневым точкам и подходящим к городу неприятельским частям. Вслед за этим поредевшие подразделения поднялись в контратаку. Они бились за каждый двор, за каждый дом, отбивали дом за домом, улицу за улицей. Я не могу не вспомнить здесь наших политработников. Они воодушевляли бойцов собственным примером, а когда выходили из строя командиры — заменяли их.

В контратаке погиб комиссар 416-го полка Гиният Хисманович Гизатулин. До последней минуты его жизни с ним был старший политрук Дедов. Гизатулина сразил осколок снаряда. Гавриил Иванович взял его партбилет и другие документы. Копать могилу было некогда. Комиссара похоронили в обыкновенном скопе. Салютовали в его память не холостыми выстрелами, а залпами по врагу.

Среди контратакующих бойцов находились батальонные комиссары Болонин, Козак, Гольянов, старшие политруки Присяжнюк, Кашинцев. Комиссар разведбата Михаил Петрович Кашинцев был ранен в голову навывлет. Без сознания его доставили в «хозяйство Коппа», и хирург Георгий Михайлович Зязин, под ожесточенным обстрелом сделавший сложнейшую операцию, сумел сохранить жизнь комиссару.

Трудно приходилось старшему политруку Гавриилу Ивановичу Дедову. Всего месяц назад он был сугубо гражданским человеком, лектором Пермского обкома партии. Солдатскую науку ему пришлось постигать в боях. Дедов был в эти дни в гуще бойцов и впоследствии рассказывал мне о таких деталях, которых я сам знать не мог.

Артиллерийскую дуэль обе стороны вели интенсивно. А вот рукопашной схватки фашисты опять не приняли. Наши бойцы на их плечах ворвались в город и углубились метров на двести—триста.

Красноармейцы вынуждены были действовать на разрушенных улицах небольшими группами, изолированными друг от друга. Дедов вместе с одной из таких групп под командованием молоденького лейтенанта оказался намного впереди других. Улицы в районе продвижения этой группы как бы проваливались в неглубокий лог. Этим обстоятельством и воспользовались бойцы. Вскоре у солидного, хотя и одноэтажного, каменного дома красноармейцев остановил огонь трех пулеметов. По огородным бороздам, прячась в картофельной ботве, бойцы подползли довольно близко к дому и из-за бетонного фундамента какой-то недоконченной постройки забросали гранатами две пулеметные точки.

Немцы ударили по группе из ротного миномета. От двух прямых попаданий погибли три бойца и трое

получили ранения. Лейтенант посоветовался с Дедовым и решил разделить оставшихся еще на две группы. Трое должны были уничтожить уцелевшее пулеметное гнездо, а сам лейтенант с шестью бойцами хотел попытаться ликвидировать минометный расчет.

Дедову с двумя красноармейцами удалось захватить пулемет. Во дворе они увидели страшную картину. В один ряд лежали около пятнадцати истерзанных наших бойцов. Новый прилив ненависти охватил красноармейцев. Они повернули пулемет в сторону врага, но в это время заметили, что к дому бежит немецкий офицер со связным и на чем свет стоит клянет своих «заснувших» пулеметчиков. Подбежав поближе, офицер увидел наших бойцов и рванул из-за пояса гранату. Дедов тоже изготовился к броску. Однако немецкая граната взлетела первой. Длинная, как городошная бита, она ударилась о бревно чердака и отскочила. В этот момент политрук швырнул свою гранату под ноги врагам. Два взрыва слились в один.

Кругом, очагами, по-прежнему шел бой. Через головы политрука и двух бойцов проносились снаряды с той и с другой стороны. На большой высоте висели немецкие самолеты-корректировщики.

Группа Дедова подготовилась для круговой обороны. Неподалеку послышался нарастающий гул танковых моторов. Надо было уходить, хотя и жаль покинуть выгодную огневую позицию. Однако, как оказалось, уходить было уже поздно. Группа оказалась в окружении, из которого вырвалась лишь много дней спустя.

Противник подтянул резервы и свежие танковые части для очередного мощного броска. На флангах дивизии тоже появились новые крупные части немцев. Возникла прямая угроза сильного флангового удара и окружения. В таких условиях Копяк полу-

чил приказ: дальнейшее наступление прекратить и с боями отходить в северо-восточном направлении. На рубеж реки Сарянка. Вечером сильно поредевший полк майора Буданова, а вслед за ним и вся дивизия, начали отход от Краславы.

Восемь суток 112-я дивизия сдерживала натиск превосходящих сил врага, перемалывая его живую силу и технику. Восемь суток непрерывных боев! Этим мы дали возможность развернуться на боевых рубежах главным силам 22-й армии уральцев.

В характеристике состояния и боевых качеств соединений 22-й армии, направленной 31 июля 1941 года командующему Западным фронтом, Военный совет армии дал высокую оценку действиям отдельных дивизий. В частности, были выделены заслуги 112-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник И. А. Копяк. На реке Западная Двина (Даугава) она сдерживала натиск трех немецких дивизий. В этих боях противнику нанесены значительные потери. Краслава трижды переходила из рук в руки. И в дальнейших боях 112-я дивизия проявила упорство и боеспособность, о чем и говорилось в документе Военного совета 22-й армии.

В ночь на четвертое под непрекращающимся огнем врага все части нашей дивизии с боем отходили на рубеж Сарянки. Отходили побатальонно под прикрытием огня приданных им артиллерийских дивизионов. В каждом полку батальоны, назначенные в аррьергарды, всю ночь вели тяжелые бои сседавшими передовыми частями противника.

Отходил на новый запасной командный пункт и штаб дивизии. Связь с полками начштадив майор Родионов мог поддерживать только с помощью офицеров связи, которые в кромешной тьме все же умудрялись разыскивать отходящие подразделения.

Командир дивизии Копяк, полковой комиссар Беляев и начарт полковник Лев с вечера находились в арьергардах полков, руководили их ночными действиями.

**Александр Иванович
Садов**

В вечернем бою, прикрывая отход 385-го полка Садова, умело маневрируя огнем и дерзко переходя в контратаки, особо отличился второй батальон под командованием старшего лейтенанта Соколова. В короткой ночной схватке, действуя из засад, роты Соколова разгромили колонну немецкого пехотного полка вместе с его штабом.

К рассвету, достигнув промежуточного рубежа, майор Родионов развернул работу оперативной группы штаба. Майор выглядел донельзя усталым,

после бессонных ночей и нервного перенапряжения обозначилась синева под глазами. Поэтому, как только на временный КП прибыл Копяк, он приказал майору отдыхать не менее двух часов.

Утром в дивизию прибыла группа московских кинооператоров во главе с Романом Карменом. К сожалению, мне не довелось видеть кинохронику о 112-й дивизии на экране. Но вот в 1972 году вышла книга мемуаров известного советского кинодокументалиста, лауреата Ленинской премии Р. Кармена «Но пасаран!», где есть страницы, относящиеся и к нашей дивизии. И мне очень хочется с гордостью за своих боевых друзей воспроизвести некоторые записи.

«Считанные, дорогие метры пленки.

Ночью был долгий разговор с полковником Копяком. Я не записал в дневнике этой беседы, но помню, он сбросил напускную ворчливость... Начал накрапывать дождь, мы влезли в «эмку», уселись на мягких сиденьях в кузове машины. Я услышал в тот вечер горькую исповедь мужественного, опытного командира. Не разочарованного, не растерянного, но глубоко потрясенного происходящим, чего только не переудавшего за эти дни и ночи. Такие, как он, вышествовали Красную Армию, годами готовили ее к войне. Копяк, полностью доверившись мне, выкладывал все, что накипело на сердце, на душе. «Где связь? Где авиация? Немцев мы разобьем, попомни, Кармен, слова мои, еще как разобьем. Но сколько крови, сколько жертв!..»

4 июля 1941 г. Тринадцатый день войны.

Связист из 385-го полка, молодой политрук с двумя «кубарями» в петлицах, пришел за нами, когда было еще темно. Нагрузившись пленкой, взяв камеры, мы пошли за ним. Идти пришлось недалеко. Копяк не из тех командиров, которые со своим штабом находятся на большой дистанции от переднего края. Километра два прошли, не более. И пожали руку командиру полка полковнику Садову. Он познакомил нас с обстановкой и по моей просьбе рассказал о тактике врага.

Там, где нет у немцев танковой поддержки и значительного перевеса в артиллерии, они, как правило, не выдерживают контратак, бегут, уклоняясь от штыкового удара нашей пехоты.

— Мы на ходу изучаем врага, — рассказывал Садов. — Вот пример. Командир батальона старший лейтенант Соколов, наблюдая за тактикой врага, изучил систему его сигналов. Белая ракета, пущенная с пе-

реднего края, указывает направление атаки. Красная ракета — сигнал к наступлению и команда открыть огонь. Зеленая ракета — приказ остановить военные действия. Соколов под самым носом противника запустил зеленую ракету. Сразу огонь прекратился, а Соколов, выждав некоторое время, повел батальон в атаку. Для немцев это было полной неожиданностью. Они уже настроились на отдых, вытащили еду, бутылки с вином. Наши ворвались прямо в расположение полевого штаба их полка, перебили штабных офицеров, захватили штабные машины и, продвинувшись дальше, закрепились в обороне. Это было вчера под вечер, а немцы до сих пор не контратакуют, однако этого можно ожидать с минуты на минуту...

Я чуть не задохнулся.

— Что же вы сразу нам не сказали? Где этот штаб? Можем мы его снять?

— Я об этом не подумал, — сказал Садов. — Действительно, неплохо бы его снять. Но очень уж рискованно, место-то — под самым носом у противника. Час назад туда направилась группа разведчиков дивизии, подождем их возвращения... — Тут он осекся, видя мое волнение и решимость. И сдался. Через несколько минут мы с Шером уже шли по лесной тропинке, нас провожали сержант с двумя бойцами...

— Здесь, — сказал сержант, приближаясь к опушке леса, за которой мы увидели тупорылые немецкие машины. С ходу мы приступили к съемке, дорога была каждая минута. Выразительное зрелище жестокого разгрома предстало перед нами. Мы снимали крупным планом немецкие штабные портфели в руках наших разведчиков, сняли полковую кассу-сейф, набитый пачками рейхсмарок. Мы залезли в штабную машину, где аккуратно висели на плечиках офицерские мундиры с орденами, один из них — полковничий с

железным крестом. Мы сняли эти мундиры, сняли лежавшие невдалеке два трупа, следы беззаботной офицерской трапезы, папки с документами. Разведчики нас торопили, хотя, видно, понимали важность съемки. Шутка сказать, в июле 1941 года мы снимаем захваченный, разгромленный нашими войсками штаб полка гитлеровского вермахта! Еще кадр, еще...

6 июля 1941 г. Пятнадцатый день войны. У деревни Волынцы сняли саперов, наводящих мост, услышали артиллерийскую стрельбу, по выстрелам нашли батарею тяжелых 152-миллиметровых орудий, сняли батарею, стреляющие пушки. А когда противник засек батарею и открыл по ней методический огонь, мы, закончив съемку, благополучно выбрались из зоны обстрела. На дороге подобрали обожженного летчика, бережно уложили его в кузове машины, подстелив шинели. Истребитель. Он вел бой с тремя «мессершмиттами», спрыгнул с парашютом из горящего самолета.

Долго плутая по дорогам, выспрашивая, нашли, наконец, полевой госпиталь, передали летчика врачам.

Кончался пятнадцатый день войны. Свинцовое небо на горизонте окрашено багрово-малиновым заревом. Оттуда, из этого зарева, подпрыгивая на ухабах, приковыляла полуторка с ранеными. Раненых выгружали с машины. Нам навстречу, положив руки на плечи товарищей, обнаженный по пояс, медленно шел, закинув голову, боец — парень богатырского роста. Его грудь была разворочена, наспех накинута на страшную рану бинты сползли, и я увидел, как колышется при вдохах розовое легкое. А парень жил, смотрел на нас упрямыми глазами, скрипел зубами. За его спиной было тяжелое небо и зловещий, оранжевый, словно кровью окрашенный, горизонт. Жут-

кий, неумолимый образ войны. На фоне вечернего, опаленного кровавым заревом неба умирал воин без стопа, стоя с запрокинутой головой, положив могучие руки на плечи товарищей.

Поздно вечером уже, как в родной дом, мы приехали на КП 385-го полка...

10 июля 1941 г. Девятнадцатый день войны.

Дивизия героически дерется, сдерживая противника. Не видим наших самолетов. Немецкий корректировщик летает целый день над головами совершенно безнаказанно. Жара невыносимая. Продолжаем работу в 385-м полку. Снимаем репортаж войны, не брезгуя «пустяшными» кадрами, когда-нибудь они будут ох как ценны. Беседую с командирами и бойцами, накапливаю материал для первой корреспонденции в «Известия». Трудно писать. Нужно писать правду, не хочется в этой трагической обстановке давать «бодрячка», но факты действительности говорят о потрясающем сопротивлении наших частей. Краткие записи этих бесед — в дневник. Главное, что наши начинают «привыкать» к немцу, узнают его слабые места, наносят чувствительные удары. Так, рота старшего лейтенанта Новоселова вклинилась в глубь противника, поползла в пшенице под огнем автоматов. В десяти-пятнадцати метрах передовая линия немцев. Немецкий офицер кричит: «Рус, сдавайся!» В ответ ударили гранатами, закричали «ура!» — и в штыки. Немцы — бежать. Рота вышла после этого боя из окружения без потерь. Только вечером выяснилось, что старший политрук Архипов был дважды ранен.

Командир третьего батальона Лукичев, прекрасно изучив врага, организовал наступление, оборону, огонь. Немцы специально охотились за ним... Дважды был ранен, не сказал об этом.

Так один наш 385-й полк держал на своем участке фронта две немецкие дивизии. Командир полка — полковник Садов, батальонный комиссар — Болонин, начштаба — капитан Люкшин.

Комсомолец младший сержант Г. А. Бабинов подал заявление о приеме его в партию. Мне показали это заявление: «Даю клятву перед партией, что буду драться смело и храбро до последнего биения сердца. Иду в бой за дело партий». Он был убит в Борковицах.

Мы с Борисом едем с капитаном-артиллеристом Волковым на его батарею на правый фланг. Машину оставили на КП полка. По дороге на батарею попали под ураганный минометный огонь. Войска отходят. Возвращаемся на КП полка. Сняли огонь тяжелой батареи — шестьдесят метров. Еле проскочили по месту, по которому немцы ведут огонь из минометов...

13 июля 1941 г. Двадцать второй день войны.

Этот день был трудным, но на редкость удачным. Мы сняли бой.

Передний край проходил по западной околице деревни, названия которой не помню. Там засели в дробных, умело сработанных окопах около двадцати бойцов со станковым пулеметом. Шел бой.

Все постигается, становится более значимым в перспективе прошедших лет. Тогда эта горсточка бойцов, выполняя свой солдатский долг, сдерживала наступление, быть может, целого полка гитлеровцев. А, по плану фельдмаршала Манштейна, полк должен был пройти через эту деревню как нож сквозь буханку хлеба.

Но был остановлен. Остановлен горсточкой советских солдат и огнем гаубичной батареи, той самой, которую мы на рассвете снимали в березовой роще».

Одиннадцать дней вели съемки Роман Кармен и

Борис Шер в боевых порядках нашей дивизии. Когда они вырвались с передовой, вид их был ужасен. Кармен вспоминает: «Сбившиеся в мокрую паклю волосы, вымазанные лица, кровавые ссадины на лбу, на руках. Гимнастерки в грязи, в крови. Да, это было настоящее боевое крещение».

Зато были вынесены и доставлены в Москву тысяча шестьсот шестьдесят бесценных метров пленки — материал, снятый в самой гуще войны. Эти кадры были для них самыми первыми в той большой войне. «Мы, кинохроникеры, состоявшие на переднем крае событий, понимали необходимость появления на экранах сурового, мужественного и правдивого образа войны. И были уверены, что именно этот образ войны отражен в наших кадрах».

Спустя десятилетия на экраны вышел фильм «Великая Отечественная», и наши дети и внуки воочию увидели в боях за Отечество своих отцов и дедов.

НА ТРЕТЬЕМ РУБЕЖЕ

К восходу солнца пятого июля дивизия закончила сосредоточение на новом рубеже. С начала боевых действий это был третий рубеж обороны. Теперь он проходил по восточному берегу сравнительно небольшой речки Сарянка и правым флангом упирался в озеро Освейское с низкими песчаными берегами.

Полки немедленно приступили к укреплению оборонительной полосы и созданию предполья. Были установлены минные заграждения в районе Освейского, разрушены и заминированы возможные пути подхода противника от Дагды на Освею и из Бегисово к Росице на случай прорыва с юга в районах Задежье и Кохиновичи. Тщательно отрывались окопы, траншеи, оборудовались огневые позиции батарей.

Подвижные разведывательные группы противника преследовали наши отходящие части до самой Сарянки, и удара его главных сил следовало ожидать с часу на час. Поэтому особое внимание в дивизии было обращено на организацию и ведение разведки. Все полки и отдельный разведбат вели боевую разведку в направлении на Росицу, Бегисово, Дагду и Осунь. Особую активность противник проявлял в направлении на Росицу. Враг готовился к новому сильному удару по нашей обороне. С утра в воздухе непрерывно висела разведывательная «рама», а окрестные населенные пункты подвергались усиленным бомбардировкам.

Во всех ротах и батареях политработники, политбойцы и командиры знакомили красноармейцев с приказом по дивизии от 5 июля, в котором говорилось, что Военный совет 22-й армии объявил благодарность всему личному составу и ряду частей дивизии за проявленные доблесть, мужество и отвагу в боях под Краславой, а благодарность Военного совета в первые дни войны говорила об очень многом.

Вот текст приказа по нашей дивизии.

ПРИКАЗ

по частям 112-й стрелковой дивизии

Громовка

5 июля 1941 года

С первого дня нападения фашистской Германии на нашу Родину бойцы и командиры показали высокое политико-моральное состояние, дисциплину и готовность бороться с врагом до победы. За эти дни войсковые части проделали огромную работу: выход в район сосредоточения и развертывания, первые бои с фашистами и переход на следующие позиции. В боях

с фашистами показано большое упорство, смелость и храбрость со стороны как отдельных лиц, так и целых частей и подразделений [156 ОАД, 196 ОРБ, 416 СП].

За выполнение долга перед Родиной в трудную минуту, в которой она находится сейчас, с доблестью и честью, Военный совет 22-й армии объявил благодарность всему личному составу наших частей.

Командир дивизии полковник К о п я к.
Начальник штаба дивизии майор Р о д и о н о в.

«В военное время награды откладываются на будущее», — заметил однажды Эрнест Хемингуэй. Тем более не ко времени были они летом сорок первого. В период отступления по всему фронту — не до наград. И все же столь явный и массовый героизм не мог оставаться не замеченным и не отмеченным нашей Родиной. Я тоже за бои под Краславой был представлен к своей первой награде — ордену Красного Знамени.

Одновременно с приказом о благодарности штабдив довел до сведения полков и подразделений приказ Копяка по итогам боевых действий за весь период боев. В нем обобщался опыт первых тяжелых сражений, особо отмечались отвага и стойкость бойцов передового отряда и авангардного 416-го полка в боях за Краславу.

В приказе приводились примеры тактического и огневого мастерства, говорилось и о недостатках в организации боя. Ставились задачи по дальнейшему укреплению морально-политической стойкости личного состава. Приказ призывал драться с врагом, как сражались лучшие бойцы, и за смерть каждого нашего товарища платить вдесятеро.

Политотдел регулярно выпускал боевые листки. Конечно, печатная площадь их была маловата, но де-

ло свое они делали неплохо — мы всегда знали обо всем важном, что происходило в дивизии.

Начала работать полевая почта. Во всех подразделениях выделили специальных письмоносцев — выносливых, расторопных, хорошо знающих службу бойцов. От их работы на войне очень многое зависит. Письмоносец всегда самый желанный, самый дорогой гость. В дождь, в зной, под градом пуль и осколков, то бегом, то ползком тащит он свою всегда переполненную сумку на станцию полевой почты, иногда за много километров. И немало их, этих скромнейших тружеников войны, погибло в огне боев.

Весточки домой писали в короткие паузы между схватками, потому что ночью не всегда выберешь место и время: то костров нет, то земляные работы, то поспать необходимо перед очередным боем. Но каждому хотелось сообщить о себе родным, близким, друзьям на такой, казалось теперь, далекий Урал, узнать, в свою очередь, что делается дома, на предприятии или в колхозе, где трудился до войны. Ответов на первые письма ждать было, конечно, рано. Они пришли позднее и многих уже не застали в живых.

Между тем противник срочно производил перегруппировку, подтягивал свежие части. С пятого июля наши боевые порядки вновь подвергались сильной бомбардировке. Немцы действовали знакомым методом: удар наносили группами самолетов по двадцать — тридцать. Отбомбившуюся группу тут же заменяла следующая. Огонь, осколки, в смерчи завихренная пыль от взрывных волн разных направлений — все это одновременно обрушивалось на нас при каждом налете.

С утра седьмого июля гитлеровцы установили четыре минометные батареи в районе оврагов южнее деревни Заборы. Сосредоточили до батальона пехоты

С танками и пытались переправиться через Сарянку возле устья. Одновременно было замечено скопление танков и пехоты близ деревни Синича и роци восточнее. Продолжая наносить бомбовые удары, противник предпринял разведку боем.

Беглым огнем гаубичный дивизион старшего лейтенанта Тарасова сорвал переправу и подавил минометные батареи. Батальон 385-го полка под командованием капитана Никитина, переправившись на правый берег Сарянки, решительно контратаковал противника и отбросил его от устья. Гитлеровцы, не успев подобрать убитых, в панике повернули назад.

На участке кунгурского полка фашисты также силами до батальона пехоты под прикрытием минометов, установленных на автомашинах, и при поддержке шестнадцати танков пытались вскрыть нашу оборону. Однако огнем дивизиона тяжелой артиллерии капитана Малика одиннадцать танков были уничтожены, а остальные поспешно ретировались. Горели и четыре машины с минометными установками.

Кунгуряки, помня клятву над телом погибшего под Краславой комиссара полка Гизатулина, не дали опомниться вражеской пехоте и контратаковали ее. Немногие гитлеровцы уцелели после этого броска. Четырнадцать велосипедистов были взяты в плен. Удрать им не помогли и велосипеды. Пленные показали, что они из состава 121-й пехотной дивизии, которая развертывалась в направлении Дагда — Росица.

Таким образом, настойчивые попытки противника прорвать оборону передовыми силами закончились полным крахом. Вместе с тем становилось очевидным, что немцы, готовя решительный удар по нашему рубежу, наметили основные направления на флангах дивизии, чтобы окружить и затем уничтожить нас.

В целом положение 22-й армии на 7 июля было таково. Она занимала крайний правый фланг Западного фронта. Против нее наступали два армейских корпуса 16-й армии и соединения 3-й танковой группы Гота, насчитывавшие в целом восемь пехотных, три моторизованные и три танковые дивизии. Кроме того, к Даугаве подходили две дивизии 9-й немецкой армии.

Противник стремился нанести концентрические удары: на правом фланге через Себеж на Идрицу силами 10-го армейского корпуса, в центре через Дисну и Борковичи на Невель силами 57-го моторизованного корпуса и на левом фланге — через Городок на Великие Луки частями 39-го моторизованного корпуса. В центре удар носил вспомогательный характер. Он должен был сковать нашу 22-ю армию с фронта, в то время как она, по плану немцев, будет окружена фланговыми ударами.

7 июля противник перешел в наступление. В этот день враг вошел в непосредственное соприкосновение с силами 22-й армии по всей полосе обороны. Перед фронтом нашей дивизии на рубеже Сарянки развертывались, кроме 121-й, еще 226-я пехотная и 18-я штурмовая дивизии, на подходе была 19-я мотострелковая дивизия.

Наше положение осложнялось с каждым днем. Росли потери в живой силе, технике. Никаких пополнений не поступало. Резервов дивизия также не имела. Командованию приходилось маневрировать только наличными сильно поредевшими полками и подразделениями.

Враг рвался вперед. Немецко-фашистскому командованию не терпелось поскорее расчистить путь к Великим Лукам, Калинин и далее к Москве. Желанная цель казалась им уже близкой.

В связи с угрозой повторной попытки противника переправиться через Сарянку в районе устья Копяк решил в ночь на восьмое июля сосредоточить первый батальон 524-го полка возле деревни Малиногрудки, расположенной ближе к устью, а второй батальон вывести к деревне Выгода для усиления правого фланга дивизии. Штадив оформил боевое распоряжение, и офицеры связи поскакали с ним в полки.

Наступала ночь. Бессонные, нечеловечески тяжелые дни и ночи складывались уже в недели. Шла третья неделя войны. Заканчивался ее шестнадцатый день.

Пришло восьмое июля. Авиация врага не давала ни часа передышки. Бомбардировке подвергалось все расположение дивизии — от переднего края до тылов. Пикировщики сбрасывали сотни бомб с истошно воющими сиренами. Для вящего устрашения гитлеровцы применяли и пустые металлические бочки из-под горячего с пробитыми в них отверстиями. Низвергаясь вниз, такие бочки издавали ни на что не похожие пронзительные звуки. Но никто уже не терял самообладания при появлении вражеских самолетов, и бойцы продолжали вести огонь.

День выдался опять жаркий, без ветерка. Опять мучила жажда, липкая испарина покрывала тело, и казалось, будто организм усыхает, не по часам, а по минутам теряет в весе.

Комдив Копяк с полковым комиссаром Беляевым находились на участке 385-го полка у Садова, когда им доложили, что в районе железнодорожного моста, севернее отметки 99,7 появилась группа легковых машин под усиленной охраной.

Пригибаясь из-за своего высокого роста, Копяк по узкой траншее пробрался поближе к переднему краю. Взглянув в стереотрубу, он насчитал шесть машин. Несомненно, это была командирская развед-

ка. Полковник приказал командиру легкого артполка Медведеву заградительным огнем отсечь отход машин, а Садову — попытаться захватить разведку.

Огненная завеса разрывов поднялась позади машин, но пять из них успели скрыться. У подбитой машины бойцы подобрали трупы водителя с погонями ефрейтора и гитлеровского майора. При офицере обнаружили командирский планшет и карту. На ней были нанесены обозначения огневых ударов по нашей оборонительной линии. Убитые оказались из состава 19-й мотодивизии противника — значит, она уже подросла на подмогу действовавшим против нас частям.

Предположения Копяка подтвердились: это действительно была командирская разведка — «первый звонок» перед решительным наступлением. Теперь стало точно известно, что против 112-й действуют четыре вражеские дивизии.

Пока работники штаба изучали захваченные документы и осматривали трупы убитых, доставленные разведчиками Садова, на правом фланге дивизии назревали новые события. Западнее озера Освейского разгорался жаркий бой. После очередной бомбардировки сорока самолетами противник при поддержке артогня бросил в атаку полк мотопехоты с танками. Все эти силы обрушились на один третий батальон 416-го полка.

Немцы обошли обороняющихся с северо-востока и потеснили к югу. Кунгуряки, неся большие потери, отчаянно сопротивлялись, но все же отходили.

Создалось крайне тяжелое положение. Противник, вклинившись в боевые порядки батальона, развивал наступление, пытаясь охватить весь правый фланг дивизии и выйти в ее тылы.

На участок боя спешно выехали Копяк и начарт Лев. Комдив немедленно ввел в бой два батальона 524-го полка, а полковник Лев приказал прикрывать их действия огнем всех трех дивизионов гаубичного полка.

Это была незабываемая картина. Смерч артиллерийского огня разметал цепи фашистов, а поднявшиеся в контратаку березниковцы окончательно опрокинули их.

Впереди, в боевых порядках контратакующих, под развернутым знаменем полка шли его командир Апокидзе и комиссар Козак. В самый напряженный момент яростной схватки осколок снаряда раздробил челюсть командиру. Санитары тотчас наложили повязку, но и сквозь бинты пробивалась кровь, стекая на грудь. Апокидзе остался на ногах, хотя и не мог произнести ни слова — захлебывался кровью. Направление атакующим он указывал жестами, а приказания отдавал записками на окровавленных листках бумаги.

Этим стремительным и внезапным ударом березниковцы наголову разгромили мотострелковый полк, а жалкие его остатки обратили в бегство.

Теряющего силы подполковника Апокидзе уложили на машину с зенитной установкой из счетверенных пулеметов. Командир роты противовоздушной обороны Николай Федорович Степанов, прикрываясь огнем от пикировщиков, повез его в медсанбат.

Впоследствии старший лейтенант Степанов рассказывал мне об этой поездке.

Медсанбат находился возле села Кохиновичи. Но дорога туда проходила мимо охватывавших нас с фланга немцев. Только с большим трудом, под ураганным огнем машине удалось проскочить по этой дороге. Медсанбат занимал несколько больших пала-

док. Степанов передал подполковника с рук на руки дежурной медсестре. Тут вышел из операционной палатки командир санбата майор Копп. Халат его весь был залит кровью. На белом фоне кровь выделялась особенно ярко, не то что на гимнастерке Апокидзе. Узнав, какое ранение у подполковника, Копп распорядился сейчас же готовить его к операции.

Командир полка молча попрощался со Степановым, грустно покивав головой, и передал ему свой автомат. Но с личным оружием расстаться не захотел. Майор Копп, который в это время менял халат, закричал на него, однако упрямый абхазец все равно не отдал пистолет. Санитары так и увели его в палатку — в нижнем белье и с оружием в руках.

Александр Феликсович Копп успокоительно потрепал Степанова по рукаву.

— Ничего, не беспокойтесь и передайте в полку: вы сегодня победили, а раны у победителей заживают быстрее, чем у побежденных. Это не мое наблюдение, это еще доктор Ларрей заметил — личный хирург Наполеона.

Степанов последний раз посмотрел на операционную палатку, изрешеченную осколками и пулями за эти две недели боев. И поехал за горючим для двух других автомашин с зенитными установками. Пробриться к своему полку оказалось не так-то просто. Это удалось только через много часов. Никого из старших командиров к тому времени в полку уже не оставалось. И командир дивизии полковник Копяк приказал старшему лейтенанту Степанову принять командование над остатками березниковского 524-го полка.

Да, в те дни не было ничего необычного, когда лейтенант становился командиром полка, а сержант командовал батальоном...

Потерпев неудачу, авангардный полк противника в этот день никаких попыток наступления больше не предпринимал. Но теперь следовало ожидать действий основных сил врага.

К концу дня наши потери составляли четверть штатного состава. В гаубичном полку бомбежки превратили одну из батарей капитана Малика в груды металла. Особенно велики оказались потери в конском составе. Некоторые орудия остались вовсе без запряжек.

С наступлением сумерек командир дивизии, лично проверив систему обороны, сосредоточил ближе к правому флангу все, что можно было выделить из резерва. Туда же переместился и саперный батальон, наименее пострадавший в боях.

Позиции некоторых батарей в течение дня были обнаружены противником и сильно обстреливались. Ночью им пришлось менять расположение. В легких дивизионах Копытова и Микрюкова, в гаубичном дивизионе Волкова из строя вышли практически все кони. Здесь в построениях пришлось впрягаться самим бойцам.

Это был изнурительный труд. Иной раз трехтонные махины, по втулки колес утопавшие в зыбучем песке, артиллеристы тянули бурлацким способом многие километры, в кровь сбивая плечи. Был лишь один подсобный инструмент — тут же вырубленные березовые ваги.

Изнемогавшие от непосильной работы, от многоточного недосыпания, давно перешагнувшие все мыслимые пределы человеческих возможностей, вконец обессиленные на долгом пути, бойцы падали. Но, отдышавшись, снова поднимались и снова тянули и толкали вперед свои пушки.

И это тоже было подвигом.

В эти дни, пропахшие порохом, в схватках с жестоким врагом проявили высокое мужество, отвагу, стойкость и несгибаемую солдатскую волю к победе тысячи воинов дивизии.

...И СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

Если в первые дни войны гитлеровцы вели боевые действия на нашем участке главным образом днем, то теперь они активизировались и по ночам.

Около двух часов ночи с восьмого на девятое июля противник пытался атаковать левый фланг дивизии. Но здесь начеку оказалась пулеметная рота 385-го полка под командованием старшего лейтенанта Буткина.

Особенно отличился в этом ночном бою пулеметный взвод младшего лейтенанта Чеснокова. В прошлом Петр Чесноков был рабочим-нефтяником в Полазне, что близ Перми. Он выделялся большой физической силой, его признавали одним из лучших пулеметчиков в дивизии, и заслуженная слава шла за ним, как говорится, по пятам с первых дней войны. Не раз Садов направлял его на самые трудные, самые опасные участки боя.

О потерях, понесенных нашей дивизией в многодневных непрерывных боях, и в корпусе, и в армии знали хорошо. Но усилить ее и пополнить пока было нечем и некем. Враг вел ожесточенное наступление по всему фронту, везде требовались силы и резервы. Страна спешно готовила их, и до подхода подкреплений надо было устоять. Приковывая к себе четыре вражеские дивизии, сто двенадцатая изматывала и перемалывала их.

Медленно наступало утро 9 июля. Утренний туман стлался над берегами Сарянки, до блеска протирая

влажной ватой зелень трав и кустарников. Ах, как все это напоминало рыбацкий рассвет на какой-нибудь петлястой прикамской речушке!.. Было спокойно. Только одиночные орудийные выстрелы гулко допались в тишине. Над вершинами сосен показалось солнце. Однако здесь никто не радовался его восходу: теперь жди неприятельских самолетов, которые действовали как по расписанию.

Не запоздали они и в это памятное утро. Эскадрильи бомбардировщиков нахлынули волнами, одна за другой, наполняя воздух тяжелым гулом. С ожесточением набросились они на позиции полков. Было несколько попаданий в траншеи. Вспыхнули окружавшие нас иссушенные зноем хлеба. В районе закрытых артиллерийских позиций загорелся сосновый бор. Удушливый пороховой дым, стлавшийся над землей, мешался с горьким дымом пожарищ.

На смену отбомбившимся группам появлялись следующие и продолжали бомбить горящую землю, где, казалось, уже и гореть нечему. Клубы дыма и пыли давно скрыли солнце.

Бомбардировка продолжалась необычайно долго. Это был один из самых ожесточенных налетов авиации, какой мы только испытали с начала войны. И последствия оказались как никогда тяжелые: прямые попадания во многие окопы, связь штадива с полками нарушена, пострадали обозы тылов, непомерно велик урон среди конского состава. В первом дивизионе погибли последние запряжки.

Сразу же за авиационным ударом последовала полторачасовая артиллерийская подготовка. Но вот кончилась артподготовка, и на позициях вновь появились люди. Бойцы стряхивали землю с гимнастеров, отплевывались песком, охлопывали друг друга пилотками.

Вскоре на всю нашу оборонительную полосу, от края и до края, противник пошел в наступление силами 121-й пехотной и 18-й эсэсовской дивизий. Пехоту поддерживала большая танковая группа. С серьезными потерями преодолев наше предполье, враг пытался танковыми ударами расчленить дивизию.

Основные усилия противник направлял на левый фланг, где оборонялся 385-й полк Садова. Танковая группа устремилась к центру обороны на участке 416-го полка Буданова. Оба полка, несмотря на тяжелые потери, поистине героическими усилиями удерживали рубеж.

Противник нес исключительно большие потери, но совершенно не считался с ними. На рукавах атакующих можно было рассмотреть черепа и кости. Эсэсовцы. Плотная стена заградительного артиллерийского и отсекающего пулеметного огня пока преграждала им путь.

На участке 416-го полка противник атаковал 60 танками. Вслед за ними плотными цепями двигались автоматчики. Танки, то полускрываясь в выемках, то снова вырастая на взгорбках, надвигались на позиции.

Полк Буданова поддерживал тяжелый дивизион капитана Малика. Гаубичные снаряды рвались в гуще наползавших танков, превратили в чадающие факелы более десятка вражеских машин, однако другие рассредоточились под огнем и стремились охватить полк с флангов. Поддержанные сильным огнем немецких батарей, стальные коробки все же сумели вклиниться в передний край обороны кунгуряков. Еще шесть машин было подбито связками гранат, но остальные устремились в образовавшуюся брешь и двинулись к позициям первого дивизиона 449-го гаубичного полка.

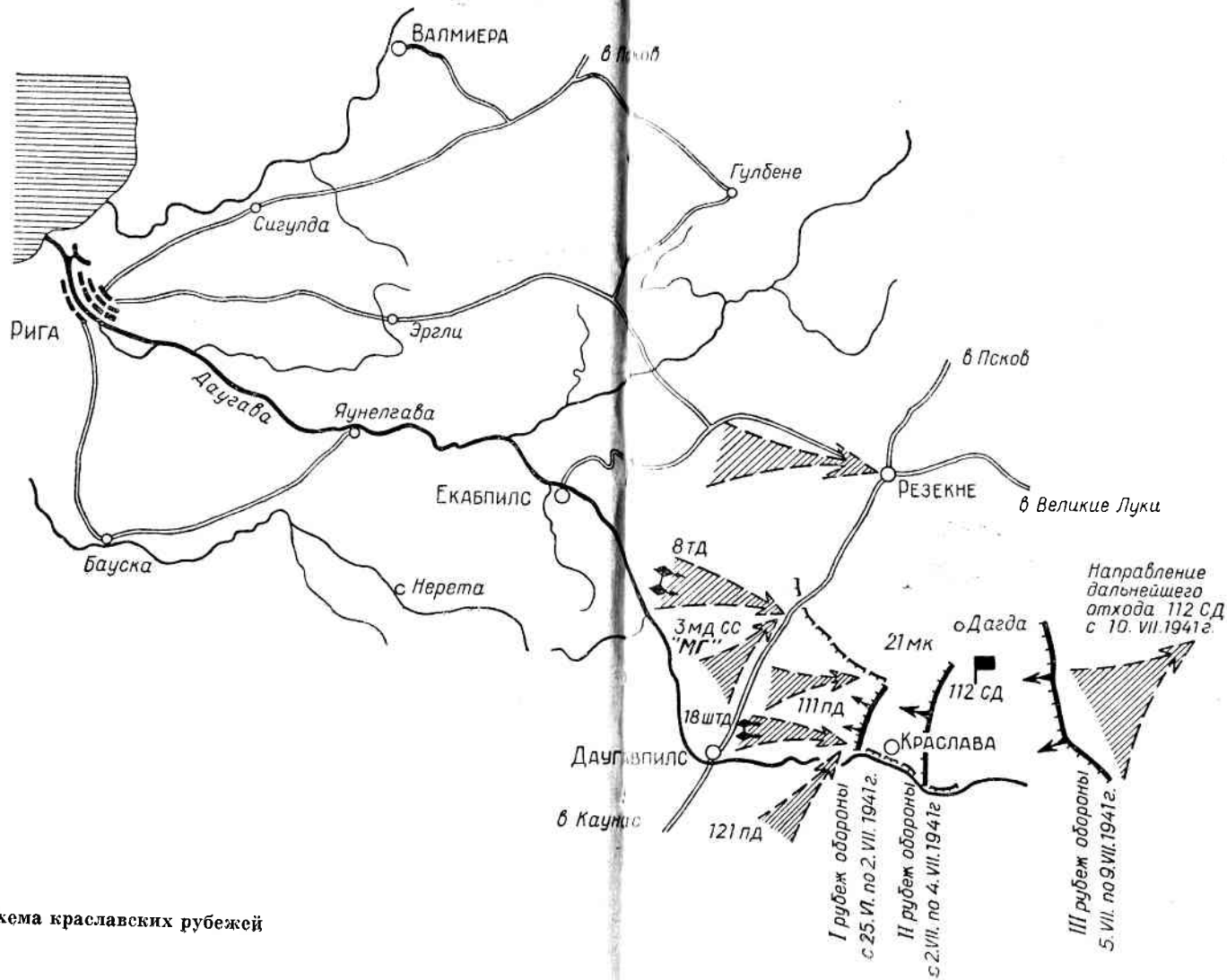

Схема краสลавских рубежей

Командир полка майор Збаразский со своего наблюдательного пункта уже невооруженным глазом видел сквозь разрывы прорвавшиеся группы танков. Майор ясно представлял, какой смертельной опасностью они угрожают батареям первого дивизиона капитана Волкова, поддерживающим полк Садова огнем с закрытых позиций.

**Иван Гаврилович
Збаразский**

Телефонист, весь серый от пыли и давно не бритый, закрутил ручку аппарата, потом зачем-то подул в телефонную трубку и несколько раз охрипшим голосом прокричал:

— Сылва! Сылва!.. Сылва!..

«Сылва» молчала.

Тогда Збаразский выскочил из окна НП, бросился к соседней траншее, к радистам, и по радиации связался с командным пунктом дивизии. Стараясь экономить каждое мгновение, он коротко сообщил начарту Льву, перемешивая открытый текст с шифром:

— В направлении Сылвы большая группа танков. Связи с Сылвой не имею. Прошу через Садова немедленно передать приказ Волкову: все трубы на открытую!

Полковник ответил так же кратко:

— Положение знаю. Приказ уже отдан лейтенанту Кучинскому.

Молодой, с энергией, бьющей через край, один из способнейших командиров в дивизии, Кучинский, миная промежуточные должностные ступени, в свои двадцать лет уже был назначен начальником штаба первого дивизиона.

Лейтенант, получив распоряжения начарта и схватив автомат, уже сам мчался к орудиям через высокую и густую пшеницу — у него не было свободных связных. Жесткие кусты разрывов вздымались то впереди, то по сторонам. Стараясь держаться вдоль телефонного кабеля, он достиг позиции первой батареи.

Кучинский приказал перекачивать батарею на заранее подготовленные площадки. Артиллеристы в прокопченных и взмокших от пота гимнастерках вручную стали тянуть и толкать тяжелые 122-миллиметровые гаубицы.

Не задерживаясь, лейтенант побежал ко второй батарее. Здесь орудия уже стояли на спешно выровненных площадках, и расчеты, готовясь к бою, бегом подтаскивали снаряды. Здесь же находился командир дивизиона. О появлении танков ему доложили передовые наблюдательные пункты, и он прибежал сюда и приказал занять открытые огневые позиции.

Увидев запыхавшегося лейтенанта, Волков махнул рукой в направлении третьей батареи:

— Выводи Мошанова!

Пока орудия готовились к бою, капитан обшаривал биноклем поле предстоящего сражения. Виднелась всхолмленная, местами почерневшая земля с выгоревшими проплешинами посевов. Далеко справа громыхал тяжелый дивизион Малика. Было около

четыре часов дня. Багровое солнце еще продолжало калить и без того прокаленную землю. Среди всеобщего грохота уже различался лязг гусениц и надсадный рев моторов. А вот показались и сами танки. Они шли клином, хищно припадая на выемках и вмывая в песок противопехотные заграждения. Острие клина нацеливалось на позиции первого дивизиона.

Капитан уронил на грудь бинокль и вытянул из кармана кожаные перчатки. Он всегда надевал их перед открытием огня — ярко-черная кожа отчетливо видна на фоне зелени и неба. Эта привычная манипуляция с перчатками вернула капитану душевное равновесие. Он спокойно приказал орудийным расчетам изготовиться к отражению танковой атаки, затем протяжным, звенящим голосом скомандовал:

— По танкам, бронебойным, угломер тридцать ноль-ноль, наводить в основание, прицел двенадцать!..

И замер на миг. Танки прибавили скорость, открыли огонь на ходу, но при движении не могли стрелять метко. До них оставалось не более четырехсот метров. Капитан поднял руку в черной перчатке, подержал, чтобы увидели кому надо, и, резко опустив, прокричал:

— Огонь!

Грянул залп. На соседних березах взметнулась листва, облако огня и дыма окутало передние танки.

Когда дым несколько рассеялся и поосела пыль, стало видно, что три горящих танка остановились. Три попадания из четырех орудий! Но остальные машины неслись на позиции, по-прежнему стреляя на ходу. По ним, залп за залпом, открыли огонь первая и третья батареи. Снаряды рвали гусеницы, таранили броню, истекающие горячим стальными машинами оставались и вспыхивали.

Танки спешно рассредоточивались по сторонам и,

прикрываясь огнем, пытались обойти артиллеристов с флангов. Показались и серо-зеленые цепи автоматчиков. По ним, попеременно с бронебойными, открыли огонь осколочными снарядами.

В воздухе появился немецкий корректировщик. Сделав круг над позициями дивизиона, как бы очертив их, самолет покачал крыльями. Через несколько минут на дивизион и ближайшие роци обрушился шквал артиллерийского огня.

Вслед за артналетом танки ринулись в новую атаку. И это был самый решительный момент схватки, ее наивысший накал. Тут все решали мужество, стойкость. Мужество и стойкость советских артиллеристов снова победили.

Гибли бойцы, одно за другим выходили из строя орудия. Позиции были буквально залиты кровью. Раненые пытались хоть чем-то помочь товарищам. Они знали, что их некогда и некому перевязывать или эвакуировать в тыл. У гаубиц оставалось по два-три бойца. Они совершенно почернели от копоти, и даже обильный пот не мог смыть этот нагар.

Единоборство с танками длилось до сумерек, более пяти часов непрерывно.

Когда оставалась лишь одна-единственная гаубица, к ней встали капитан Волков и лейтенант Кучинский. Они вдвоем продолжали удерживать позицию.

И полегли они вместе — молодой лейтенант Кучинский и капитан Валентин Волков.

Они стояли насмерть.

Ценой гибели всех двенадцати орудий и всех двенадцати расчетов дивизион выполнил задачу: истощив силы, фашистские части вынуждены были приостановить наступление на рубеже небольшой речушки Сарянка в ожидании подхода новых резервов.

БОЙ ПОД ВОЛЫНЦАМИ

В эту ночь одновременно с главными силами 98-й дивизии нашего корпуса начал ночной марш на рубеж Волынцы — Борковичи 385-й полк Садова, чтобы прикрыть отход соседа. Шли рассредоточенно, поротно. Артиллерия полка и приданный ей под командованием старшего лейтенанта Тарасова второй дивизион 449-го гаубичного полка двигались побатарейно за ротами.

Дивизион Тарасова в течение всех боев показал себя с наилучшей стороны. Искусно маневрируя, своевременно поддерживая пехотные подразделения, нанося врагу мощные огневые удары, дивизион в то же время сумел сохранить личный состав и материальную часть. К той поре это было, пожалуй, единственное боевое подразделение, имеющее штатный состав бойцов и техники.

Ночь окутывала длинные колонны бойцов. Безмерно уставшие, люди шагали молча. Пояса оттягивали гранаты и подсумки с патронами. Ротные минометы, стволы станковых пулеметов и тяжелые плиты батальонных минометов приходилось нести на себе.

Порой над колоннами в темном небе пролетали вражеские самолеты. Они «подвешивали» осветительные ракеты, которые, покачиваясь, мертвенным светом озаряли окрестность. Тогда роты бросались на землю, застывали в неподвижности батареи: занять рубеж нужно было по возможности скрытно. Впереди головного батальона с ручным пулеметом на плече шагал комиссар полка Болонин. Высокий, худой, с обветренным и пропеченным лицом, такой же уставший, как все, но неизменно подтянутый, бодрый.

К рассвету вышли к речке Вилейка километрах в полутора от местечка Волынцы. Предутренний туман

клубился над заболоченными берегами. Бойцам, по пояс вымоченным росой, разрешили короткий отдых. Командиры батальонов и других подразделений во главе с полковником Садовым, тщательно маскируясь, выбрались к самой реке на рекогносцировку.

Рубеж обороны предстояло занять по левому берегу Вилейки. Местность оказалась выгодной, с хорошим просмотром подходов, однако для одного полка слишком уж велика была полоса обороны. Протяженность ее по фронту достигала двенадцати километров. К пяти утра командирская разведка закончилась. Садов на местности поставил задачи батальонам, артиллеристам и пулеметчикам. Маскируясь, роты и батареи занимали свои участки и сразу же начинали окапываться.

К рубежу обороны подходило шоссе на Волынцы. Крепкий деревянный мост через Вилейку был единственной переправой на много километров окрест, если судить по карте. После переправы отходящих частей 98-й дивизии саперам предстояло заминировать мост. А подходы к нему с запада должна была прикрыть пулеметами рота Буткина. Вперед, ближе к переднему краю, для стрельбы прямой наводкой выдвинулась батарея младшего лейтенанта Александра Наумова. Это был крепко сбитый коренастый крепыш, ни при каких обстоятельствах не унывающий, любимец всей части.

Красноармейцы полка Садова, в большинстве молодые рабочие прикамских заводов и фабрик, многое повидали, многое испытали за дни боев. И вот характерное и весьма показательное явление: понимая особую ответственность, возложенную на полк, сейчас, незадолго перед боем, многие красноармейцы и младшие командиры подавали Болонину заявления с просьбой о приеме в партию. Они знали: быть ком-

мунистом сегодня — значит биться с фашистами впереди всех, мужественнее и бесстрашнее всех.

К шести утра к мосту начали подходить разрозненные подразделения 98-й дивизии. Более половины красноармейцев были ранены. Тяжелораненых несли на руках. С рубежа речки Сарянка, откуда ночью отошли главные силы дивизии, все еще доносились орудийные раскаты. Звуки канонады постепенно приближались к Вилейке.

Полк готовился к бою. Первым батальоном командовал старший лейтенант Лукичев, вторым — старший лейтенант Соколов, отличившийся на Сарянке, а третьим — капитан Устинов.

Едва бойцы успели окопаться, как в восемь утра началась сорокапятиминутная вражеская артподготовка, потом четырехкратная бомбардировка на всю глубину обороны группами по тридцать-сорок «юнкеров». Затем сразу показались около трех десятков танков и бронетранспортеры с пехотой. За танками плотными шеренгами двигались автоматчики. Это была 14-я моторизованная дивизия противника.

Удар следовал в двух направлениях: левым крылом вдоль шоссе на Волынцы и правым вдоль железной дороги на станцию Борковичи. По уже знакомому нам методу танки пытались охватить фланги и взять нас в кольцо. Видимо, немцы не рассчитывали встретить здесь организованного сопротивления от наспех окопавшихся подразделений 98-й дивизии и в предвкушении легкого успеха продвигались довольно безбоязненно.

Однако ровно в 9.30 по танкам ударила вся наличная артиллерия полка, а по пехоте — минометы и пулеметы. После первых же залпов загорелись четыре танка. Остальные увеличили скорость и, ведя беспорядочный огонь, устремились на позиции первого

батальона. Старший лейтенант Лукичев приказал приготовить связки гранат, истребителям танков выдвигнуться вперед на пятьдесят метров, а пулеметчикам и снайперам — отсекают пехоту.

Артиллерия поработала на славу. Только в первой атаке были сожжены двенадцать танков и шесть бронетранспортеров врага. Не выдержав плотного огня наших подразделений, противник откатился и вновь начал обрабатывать оборону авиацией.

Девять раз в течение дня фашисты безуспешно бросались в атаки.

Но не везде враг был отражен так успешно. К двум часам дня противник сумел потеснить роты третьего батальона и по железнодорожному мосту прорвался на станцию Борковичи. Мотоциклисты и автоматчики захватили два крайних дома поселка. Полковник Садов приказал командиру первого батальона Лукичеву лично возглавить одну из рот и помочь батальону Устинова ликвидировать вражеский прорыв. Два часа длился бой, то и дело переходя в рукопашные схватки. В конце концов противник был выбит из Борковичей и отброшен за Вилейку.

Старший лейтенант Лукичев в этом бою был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Пали командир третьего батальона капитан Устинов, командир роты старший лейтенант Николаев. В минуты наибольшей опасности лично управляя огнем полка, героически погиб начальник штаба полка капитан Штрекер.

В этот день противник, потеряв множество людей и техники, не продвинулся ни на шаг. Но и полк Садова понес чрезвычайно тяжелый урон. В строю не оставалось и половины бойцов, большая убыль была среди командного состава. В первом батальоне, например, выбыли все кадровые командиры. В батальоне Лукичева насчитывалось не более ста боеспособных

красноармейцев. Комбата заменил старший лейтенант Шерстобитов, оставив свою роту на попечение командира отделения старшего сержанта Ивана Александровича Волкова, — однофамильца героического капитана-артиллериста.

Иван Александрович в свои тридцать с небольшим лет считался в батальоне весьма пожилым человеком. Кадровый пермский рабочий, Волков и в роте все свободное время что-нибудь мастерил, устраивал, приспособлял. Он отлично знал все системы стрелкового оружия и такого же знания требовал от подчиненных. У бойцов он пользовался авторитетом не только как старший по званию и возрасту, но и как опытный воин.

В тот день не один Волков получил неожиданное назначение. Становились командирами отделений, взводов рядовые бывалые бойцы.

Когда на топком берегу Вилейки упал сраженный автоматной очередью старший лейтенант Шерстобитов, никому не показалось противоестественным, что в командование батальоном вступил старший сержант Иван Волков, вчерашний командир отделения.

Он подобрал автомат погибшего Шерстобитова и прокричал так, чтобы слышали все:

— Теперь выполняй мои команды! Подразделение принял! Ожидай дальнейших распоряжений!

Что это будут за распоряжения, он пока и сам не знал, но уже чувствовал всю полноту ответственности за судьбы оставшихся в живых товарищей.

И бойцы без колебаний повиновались ему — они знали его, они доверяли ему.

Особенно отличились в этот день снайперы Терешко и Стрелков. На счету каждого из них было не менее трех десятков уничтоженных гитлеровцев, в том числе и несколько офицеров. Отлично действовали

командир полковой батареи младший лейтенант Нау-мов, командир гаубичного дивизиона старший лейте-нант Тарасов, пулеметчики Петр Чесноков, Владимир Подшивалкин, Андрей Плешков.

На исходе дня стала остро ощущаться нехватка снарядов и патронов, а гранат вовсе не оставалось. Но к 21.00, выполнив боевую задачу — задержать врага для обеспечения отхода 98-й дивизии, полк получил приказ оторваться от противника и выходить на соединение с главными силами своей 112-й дивизи-и.

Вновь предстоял ночной марш. Теперь — в направ-лении совхоза Репище. Для прикрытия отхода полка остались две роты. Им надлежало покинуть рубеж с окончательным наступлением темноты. Зенитно-пуле-метная рота старшего лейтенанта Буткина имела при-каз оставаться у моста до той поры, пока к переправе не подойдут фашисты, а затем взрывать мост и дого-нять полк. С ротой находилось отделение саперов-подрывников.

Ночью пулеметчики благополучно проводили обе роты прикрытия и оказались у Вилейки уже совер-шенно одни. Фашисты, зализывая дневные раны, по-ка не особенно тревожили. Лишь изредка темноту ночи вспарывали ракеты да раздавалась одна-другая пулеметная очередь.

Лишь наутро над линией обороны появился само-лет-разведчик. Пулеметчики были хорошо замаскиро-ваны, а остальные окопы пусты. Это, видимо, усыпи-ло бдительность фашистского стервятника. Минут че-рез сорок на противоположном берегу показался аван-гард какой-то моторизованной части с легкими тан-ками впереди. Вначале враги осторожничали, с опас-кой выезжали на открытое место. Однако с нашей стороны не раздавалось ни звука.

Должно быть, не доверяя прочности моста для танков или подозревая, что он заминирован, немцы пустили вперед несколько своих саперов. Но ведь и наши саперы не лыком шиты: мины были надежно замаскированы, а провода к ним притоплены в воде — наспех обнаружить не так-то просто. И вот

**Алексей Павлович
Буткин**

**Михаил Тимофеевич
Носков**

головной танк уже въехал на бревенчатый настил. Когда он благополучно достиг середины, вступил на мост и следующий.

Еще чуточку выждав, Буткин подал знак саперам. Мост тотчас в пламени, грохоте и фонтанах брызг взлетел на воздух. Обе вражеские машины рухнули в воду. В то же время заговорили счетверенные зенитные установки. Среди гитлеровцев поднялась паника. Видно, все-таки не ожидали засады. Через несколько минут всех врагов с берега как ветром сдуло, но до

этого от бронебойно-зажигательных пуль успели вспыхнуть еще несколько машин на той стороне.

Задача была полностью выполнена и задерживаться на Вилейке больше не следовало. Буткин приказал отходить. Лес начинался километрах в двух от реки. Перед ним лежало открытое место, но пока фашисты опомнились, машин Буткина уже и след простыл. Часа через три пулеметчики обнимались с батарейцами младшего лейтенанта Наумова...

Тем временем основные силы дивизии под давлением превосходящих сил противника и постоянной угрозой полного окружения, ведя исключительно тяжелые бои на промежуточных рубежах и контратакуя, медленно отходили на восток. Неприятель силами двух пехотных и двух мотострелковых дивизий с большой группой приданных им танков неотступно преследовал нас, наносил удары как по арьергардным, так и по фланговым нашим частям. Пытаясь перехватить пути отхода группами танков и посаженных на машины автоматчиков, оставляя в стороне наши подразделения, гитлеровцы занимали узлы дорог и отдельные населенные пункты по маршруту нашего движения. Короткими, но сильными контрударами нам удавалось задерживать противника, но он по-прежнему не отказывался от все новых и новых попыток окружения дивизии.

Для борьбы с прорывающимися группами противника полковник Копяк приказал создать в полках и отдельных подразделениях специальные подвижные отряды. Им надлежало, используя лесные массивы, нащупывать наиболее вероятные пути продвижения противника, наносить неожиданные удары, дезорганизовывать управление войсками, захватывать пленных и устанавливать численность фашистских частей. Подвижные отряды опирались на поддержку местной

го населения. В каждый отряд входило до роты стрелков, отделение саперов и конная разведка. Выделить машины не было возможности — их почти не оставалось. Кроме вооружения, каждый отряд имел радию. Формировались отряды исключительно из добровольцев и состояли главным образом из коммунистов и комсомольцев. Дерзкие действия летучих отрядов приносили очень заметную пользу. Особенно смело проводили свои рейды отряды разведбата и 385-го полка, соединившегося с нами после подвига под Волинцами.

Медленно продвигаясь в северо-восточном направлении на рубеж совхоза Репище, полки вели бои за каждую высотку, за каждый населенный пункт, за каждый метр родной земли. Бои не прекращались ни днем, ни ночью. Дивизия была обескровлена, и силы ее продолжали таять. Мы едва успевали хоронить погибших товарищей. Не хватало транспорта для перевозки раненых, и многие из них продолжали горестный путь отступления в своих подразделениях. С рассвета до полной темноты над нами кружили в воздухе «фокке-вульфы». Они вели разведку и вызывали бомбардировочную авиацию. Группы самолетов с остервенением бомбили отходящие части.

Боевая обстановка с каждым днем становилась напряженней. Враг нес большие потери и непрерывно подтягивал свежие силы. К десятому июля наша дивизия потеряла убитыми и ранеными до сорока процентов личного состава, погиб почти весь конный транспорт. Но это не сломило боевого духа пермяков. Сошлюсь на два документа тех дней. Это боевые донесения 436-го ЛАП, подписанные военкомом полка Федором Савельевичем Кочетковым.

Двенадцатого июля он доносил: «Перед фронтом полка появились 11 бронемашин, 9 автомашин с ав-

томатчиками, подразделения мотоциклистов и до 20 орудий. На подходе колонна вражеских войск, длиной до 5 километров».

Кочетков заверил командование дивизии, что личный состав полка «будет драться до последнего снаряда и патрона». Из другого донесения, датированного тринадцатым июля, узнаем, что воины 436-го ЛАП нанесли серьезный удар по врагу и только после этого организованно отошли в район сосредоточения.

А события разворачивались, как впоследствии рассказывал мне сам Кочетков, следующим образом.

Полк получил боевой приказ оседлать автостраду, идущую на Ленинград, и не допустить выхода противника в тылы дивизии. Выполнять приказ пришлось в дневное время, под непрерывным огнем вражеской авиации. Движение прикрывали сильно поредевшие в боях роты 416-го кунгурского полка. К тому времени артиллеристы имели всего по два-три человека орудийной прислуги на орудие и по четыре лошади в упряжках. Приходилось всем расчетом впрягаться в постромки и тянуть орудия. Колонну вел комиссар полка Ф. С. Кочетков; командир полка майор С. А. Медведев был со вторым дивизионом. В колонне находились также начальник штаба полка капитан Генералов и командир первого дивизиона капитан Микрюков.

День стоял жаркий, раскаленный воздух дрожал над землей, не было воды, и бойцов изнуряла жажда. Солдатские рубахи покрылись от пота налетом соли, многие бойцы тянули за постромки орудия, сняв гимнастерки. Когда до автострады, которую должен был оседлать полк, оставалось не более километра, слева от дороги показалось озеро. С северо-запада к нему подходила вторая дорога, по которой сплошной лентой двигались вражеские войска. У озера в три-четы-

ре ряда стояли более сотни автомашин, десятки бронемашин, бензозаправщики и мотоциклы. Там же на привал остановилась фашистская пехота численностью до батальона.

Захватчики отдыхали беспечно.

На принятие решения ушли секунды, и Кочетков отдал приказ — артиллерийским огнем с открытых позиций разгромить врага, атаковать приближающуюся колонну.

Шестнадцать орудий поставили на опушке леса на прямую наводку, командиры батарей и взводов заняли места наводчиков, весь личный состав встал к орудиям. По команде комиссара открыли беглый огонь. С машины била счетверенная пулеметная установка младшего лейтенанта Роганова. Снаряды рвались в гуще вражеских машин; те, которые оказались с боеприпасами, начали взрываться, пылало горючее, космы огня и дыма обволокли стан гитлеровцев. Захватчики заметались в панике, некоторые бросались в воду, но и там не было спасения, их нестигали пулеметные очереди.

Разгромив скопление техники и пехоты у озера, перенесли огонь на движущуюся колонну противника, артиллерийский шквал разметал и ее.

Солнце склонялось к горизонту, потянуло вечерней прохладой, и утомленный полк возобновил движение. Всю ночь медленно тянули орудия; на коротких привалах солдаты валялись на землю и ненадолго забывались тяжелым сном. Кочетков, Генералов и Микрюков не сомкнули глаз, прислушивались к звукам ночи — ждали преследования.

Оно настигло полк к рассвету, близ цели, у автострады. Немцы подбросили на автомашинах до батальона автоматчиков, они замыслили окружить остатки полка и захватить орудия. Весь личный со-

став полка и две роты стрелков 416-го полка спешно заняли оборону.

Когда первые цепи фашистов подошли метров на триста, заработала счетверенная установка лейтенанта Роганова. Открыли огонь и остальные бойцы. Враг залег в посевах. Когда уже казалось, что оставшиеся в живых гитлеровцы побегут, раздался оглушительный взрыв. Немецкий снаряд разметал пулеметную установку. Фашисты выскочили из посевов и, стреляя на ходу, бросились вперед. Завязалась рукопашная схватка. В ход пошли штыки, а у артиллеристов — кирки-мотыги, лопаты и приклады карабинов.

Полк отбил атаку, но тяжелы были потери, пали смертью героев лейтенанты Роганов, Павлов, комсорг полка старший сержант Головатюк, пропали без вести политрук старший лейтенант Верещагин, лейтенант Катаев. Батальонный комиссар Кочетков, капитан Генералов были ранены, но не отошли от орудий. Исключительное мужество и высокое воинское мастерство показали командиры батарей — лейтенанты Синельников, Чанцев, Бычков, командиры взводов — лейтенанты Аристов, Баусин, Бадейко, Данилов, Комаровский, Голанцев, Роганов, сержанты Бородулин, Машканцев, солдаты Носков и Курсанин.

Но полк вышел к автостраде и соединился с главными силами дивизии.

СЛОВО О МЕДИКАХ

Рассказывая о горьких, насквозь прокаленных огнем и кровью днях отступления, нельзя обойти молчанием героические дела медиков. С первых дней боев на Замковой горе, на рубеже Сарянки раненые прежде всего поступали в медсанбат. Он последовательно располагался в районах населенных пунктов Индра,

Бегисово, Россоны и с 17 июля — близ совхоза Репище.

Для транспортировки раненых не хватало не только специальных санитарных машин, но и автомашин вообще. Срочная эвакуация тяжелораненых в тыл требовала использования санитарной авиации, которую могло выделить только санитарное управление армии. Однако несколько попыток вылетов к нам санитарных самолетов кончились трагически — фашистские истребители расстреляли их в воздухе.

Эвакуация раненых после первичной их обработки в медсанбате была постоянной и неотступной заботой всего командования дивизии и особенно начальника санитарной службы майора Николая Ивановича Ложкина — человека весьма энергичного, волевого и заботливого. Сутками он не ложился спать, организовывал в полках специальные команды по сбору раненых, проверял отправку их в медсанбат, формировал санлетучки и лично сопровождал их.

Еще под Краславой бойцы видели Ложкина и командира медсанбата Коппа с группой санитаров непосредственно на поле боя. Они рассказывали среди воронок в полный рост, пренебрегая всякими правилами маскировки. Не только из личной храбрости, конечно. Чувство великой ответственности двигало ими, тревога за жизнь солдат и офицеров, стремление как можно быстрее вернуть в строй раненых воинов. Не спеша осматривали они каждого бойца, лежавшего без движения, — а вдруг еще есть признаки жизни. Врачи, медсестры, санитары вытаскивали раненых бойцов на себе под пулями и осколками. Они перевязывали и оперировали бойцов под вой и грохот бомбежек и артобстрелов. А сколько медиков погибло, прикрывая собою раненых.

Погибшим на фронтах Великой Отечественной

войны воздвигнуты монументы, обелиски. Но почему нет памятников медикам, которые спасли и вернули в строй сотни тысяч бойцов? Наш медсанбат работал поистине героически. Слабо прикрытый с воздуха, он подвергался бомбежке почти так же часто, как и передний край. Брезент палаток был изрешечен, иссечен осколками бомб и снарядов и пулеметными очередями с самолетов. Сквозь дырявый полог в дождливую погоду хлестал дождь, в зной там клубились дым и гарь. Зачастую оперировали и перевязывали прямо под открытым небом — все равно палатки ни от чего не защищали. Работали днем и ночью. Ночью — при свете автомобильных фар.

Пока хирурги Александр Феликсович Копп, Георгий Михайлович Зязин, Дмитрий Иванович Пехлецкий оперировали одних, другие лежали неподалеку на земле, ожидая очереди. Среди них хозяйничали медсестры Наташа Григорьева, Нина Аврамова, Клава Булычева, Лариса Усова, Катя Гритчина, Наташа Голдобина и многие другие. Не отходил от раненых и комиссар медсанбата политрук Садыков. Исключительное мужество проявили врач З. В. Ширинкина и ее однофамилица медсестра В. Н. Ширинкина.

В тех тяжелейших условиях особо много значила эвакуация раненых по железной дороге. Хотя станции и составы всегда находились под прицелом авиации противника, ночами дороги можно было все же использовать. Поэтому, начиная еще с 30 июня, на станциях Скайская, затем Индра и Бегисово из товарных вагонов формировались санлетучки.

С наступлением полной темноты санлетучки под охраной небольших подразделений отправлялись в сторону Бегисово и дальше до станции Новосокольники, где формировались санитарные поезда.

После 9 июля, когда дивизия с кровопролитными боями отходила с Сарянки от рубежа к рубежу на северо-восток, все удаляясь от железной дороги, положение с эвакуацией еще более осложнилось. Медсанбат развевывался поочередно близ населенных пунктов Россоны, Кохиновичи, Камень, Репище. Отдельные участки железной дороги были полностью разрушены, движение совершенно прекратилось. В этот период раненых можно было отправлять только санитарным автотранспортом через Невель. Но и грунтовые и шоссейные дороги круглосуточно контролировались противником с воздуха.

Через тридцать лет после описываемых событий я встретился с бывшей медсестрой медсанбата Натальей Васильевной Нецерет, которая тогда была Наташей Голдобиной. И теперь мне хочется рассказать о ней подробнее.

На фронт она ушла из Чернушки восемнадцатилетней девушкой. Грузились в эшелон в Перми. В вагоне было двадцать девять медицинских сестер, Наташа Голдобина — моложе всех, да и на вид худенькая и хрупкая, как подросток. Им говорили, что они едут к землякам в 112-ю дивизию в Латвию.

С трудом доехали до Невеля и были вынуждены выгружаться прямо в лесу. Оттуда в расположение полуокруженной дивизии добирались на машинах. Отыскали свой 198-й отдельный медсанбат. А немцы все туже затягивали петлю на горловине прохода, который соединял дивизию с Большой землей.

Медсестры не успели даже получить обмундирование, щеголяли кто в чем был — в крепдешиновых платицах, в туфельках на каблучке, в шелковых косынках. Но сразу после прибытия они включились в работу: перевязывали, накладывали жгуты, ши-

ны... Да разве перечислить всю ту работу, которую пришлось переделать девчоночьим рукам?

Уже на другой день четыре девушки были убиты. Через неделю или около того из двадцати девяти приехавших вместе с Наташей медсестер в живых оставались лишь девять.

Передняя линия менялась так часто и так внезапно, что медсанбат зачастую находился всего в нескольких сотнях метров от боя. А то, случалось, они и вовсе оказывались на ничейной земле между своими и немцами.

В местечке Лопатинка, например, произошел такой случай.

Шесть вражеских танков прорвались в глубь нашей обороны и вторглись в расположение медсанбата. Танки били прямой наводкой, строчили из пулеметов. И все же ни один врач, ни одна сестра не оставили беззащитных раненых. Можно представить их положение. Наши артиллеристы стрелять по танкам не могли — разнесли бы весь медсанбат. Противостояли вражеским машинам только бойцы со связками гранат. Но медики покинули Лопатинку только тогда, когда вынесли последних раненых.

За те бои почти все медсестры были награждены медалями «За отвагу». О них писала армейская газета. Там же упоминались старшина медсанбата Комаров и плотник Бочкарев — пожилые, расторопные люди. На любом новом месте у них всегда бывало подготовлено и помещение для приема раненых, и все самое необходимое. Сами они делали нары, сооружали бани, строили дезинфекционные камеры.

Днем и ночью медсанбат принимал раненых. Работа по несколько суток кряду почти без отдыха и совсем без сна стала обычным явлением. При этом мало было каждого только перевязать или подгото-

вить к операции, хотелось каждого приободрить, вселить веру в скорое выздоровление. К себе домой два слова черкнуть некогда, а уж раненому не откажешь в самом обстоятельном письме под его диктовку.

Наталя Васильевна работала операционной сестрой, госпитальной, сортировочной, санинструктором — все это почти одновременно. А когда не хватало консервированной крови для переливания, зачастую сама ложилась на нары рядом с операционным столом. Четырнадцать бойцам отдала она свою кровь.

Потом было общее построение, которого она никогда не забудет. Комиссар медсанбата Садыков объяснял обстановку. Оказалось, что дивизия сражается во вражеском кольце. Через два часа медики участвовали в прорыве окружения.

Только к утру бой стих. Часть медсанбата с группой раненых оказалась на опушке леса. Невдалеке — какое-то селение. Как потом узнали — Репище. Точнее — то, что осталось от Репища.

Так как обмундирования на девчатах не было, они вышли на дорогу, оставив раненых в лесу. Этот шаг подсказал им, что можно, пользуясь своим штатским видом, узнавать обстановку, доставать для раненых продукты у местного населения. Так день за днем они все вместе медленно продвигались на восток. Хуже всего было с медикаментами. Кроме разных трав, разжиться ничем не удавалось. На бинты ушло все белье. Эти самодельные бинты стирали в холодной воде без мыла, сушили и снова использовали для перевязок.

Линию фронта перешли дней через восемь или десять в районе станции Новосокольники. С собой вывели более сотни раненых бойцов и командиров.

После месяца оборонительных боев местного значения часть, где была Наташа, оказалась в окруже-

нии. Выбирались на этот раз намного дольше и труднее, чем из первого кольца. Не раз попадали в облавы, бывали на допросах в немецких штабах, рвали связь, снимали, когда случалась возможность, вражеских регулировщиков. Шли лесами по несколько суток голодными. Шли дорогами, болотами. Наташа была ранена, контужена.

Встреча ветеранов 112-й дивизии. Сидят (слева направо): А. П. Буткин, Г. И. Дедов, П. В. Зороастров, А. П. Буткина, И. Г. Збаразский. Стоят: Н. Ф. Степанов, А. Ф. Копи, М. Г. Айзенштадт, П. Ф. Бычков, В. П. Борисев. Снимок 1969 года.

Позднес воевала она на многих фронтах, участвовала в Орловско-Курской битве, в освобождении Украины, Польши. Пришлось проделать путь с севера на юг — от Выборга до Тернополя и с востока на запад — от Калинина до Бреслау. Память об этом пути — орден Красной Звезды и три медали.

Сейчас у Натальи Васильевны Нещерет самая мирная из всех мирных профессий: она работает в Осинском родильном доме...

Вот такие у нас были медики.

На встрече ветеранов нашей дивизии их присутствовало шестеро: хирург второй клинической больницы А. Ф. Копп, старшая акушерка Осинского роддома Н. В. Нещерет, пенсионеры Н. И. Ложкин, Н. В. Аврамова, К. М. Булычева, врач Г. М. Зязин.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Я прошел войну с первого дня до завершающего залпа. На этом пути довелось много повидать и пережить, особенно в первые месяцы фашистского нашествия.

Фронтной день узаконен, как день, равный трем мирным. Тем, кто дожил до победы, войну засчитали как жизнь за двенадцать лет. Но бывали часы и дни, равные целой жизни.

К рассвету 16 июля полки вышли на рубеж совхоза Репище.

524-м полком, сведенным к тому времени в батальон, командовал после старшего лейтенанта Степанова заместитель командира полка по хозяйственной части подполковник Букирев. Этот полк-батальон с двумя батареями легкого арtpолка составлял арьергард дивизии. Отражая непрерывные атаки неприятеля, он прикрывал отход главных сил.

416-й полк майора Буданова, находясь на правом фланге рубежа, вел бой с превосходящими силами противника, наступавшего вдоль Ленинградского шоссе. Полк имел около тысячи активных штыков и полковую артиллерию.

385-й полк Садова, совершив с боями тяжелый марш от рубежа Волинцы — Борковичи, теперь занимал оборону вдоль шоссе, идущего с северо-запада на Невель. Связь с третьим батальоном капитана Никитина была потеряна. Батальон, ведя упорные бои на марше, оторвался от полка, и ко времени выхода дивизии в район Репище никаких сведений о батальоне капитана Никитина не имелось.

Приняв на себя основную тяжесть отражения танковых атак и постоянно подвергаясь ударам вражеской авиации, особенно большие потери понесла артиллерия. От 436-го легкого артиллерийского полка сохранились две батареи. В 449-м гаубичном полку оставался только дивизион старшего лейтенанта Тарасова. В боях под Репищем он был подчинен полку Буданова. У всех ощущался острый недостаток боеприпасов, но опять-таки особенно мало их было у артиллеристов.

Возрастали трудности с питанием. Бывалый солдат знает, как несладко приходится без горячего варева. А ведь варево это нужно не только из чего-то приготовить, его надо еще сохранить и зачастую под огнем доставить в окоп.

Ни на Сарянке, ни позднее на Вилейке, ни тем более под Репище никаких походных кухонь у нас уже не оставалось. Вместо них повара использовали обыкновенные банные котлы, которые раздобывали в разрушенных деревнях. По балкам и перелескам вблизи ручьев вездесущие старшины рот и повара устраивали свои пищеблоки.

Помню одну ночь после трудного боя, изнурительной жары. Устроили большой привал в перелеске. Сергей Афанасьевич Медведев, Володя Копытов и я ужинали. Наш полковой начпрод лейтенант Ричмедин, поразительно находчивый и расторопный хозяй-

ственник, днем раздобыл на довольствие живого бычка. Освеживали его и приготовили в трех котлах щи на весь полк.

При свете двух тусклых фонарей мы сидели под соснами на пополах, и перед каждым стоял полнехонек котелок наваристых щей. Копытов, даже в жару ухитрившийся схватить ангину, крошил в варево хлебный мякиш.

Володя был мрачен. Никогда раньше я не видел его таким подавленным. Дело в том, что как ни берег он свою Жальму, а все же лишился ее. Осколок снаряда перебил ей обе передние ноги. Володе самому пришлось и пристрелить ее, и самому выкопать глубокую могилу для любимой лошади. Теперь он остался, как у нас обычно говорили, конный по-пешему.

Медведев, покончив со щами, заметил на правом сапоге Копытова шпору: на левом шпоры не было.

— Ты что же, другую шпорину потерял или вместе с Жальмой зарыл? — спросил Медведев.

— И не терял, и не закапывал, — сумрачно пробурчал Володя. — Сознательно устранил. Подгонять теперь некого, а пешему и одной шпоры хватает.

— В некотором роде траур, значит?

Но Володя сегодня не принимал шуток.

— Никакой не траур, а память.

Не желая продолжать разговор, он поднялся и официально спросил:

— Разрешите идти?

И через некоторое время слышались его команды: «Шире шаг! Не растягиваться!»

Медведев помолчал, прислушиваясь к приглушенным шумам начавших движение колонн, и, не говоря головы, каким-то погрустневшим голосом проговорил:

— Петр Венедиктович, а ведь тебя полковник Лев спрашивал. Говорил, какое-то новое назначение тебя ожидает.

Я направился в голову колонны искать полковника Льва...

В течение 16 и 17 июля полки непрерывно отражали атаки танков и пехоты противника. Дни и ночи не утихал гул артиллерийской канонады. Эти бои на рубеже совхоза Репище были для нас самыми кровопролитными, самыми жестокими за всю трехнедельную военную страду.

Обстановка все более осложнялась. Противник предпринимал яростные попытки во что бы то ни стало нас окружить.

И все же боевой дух пермяков не был сломлен. Скорее наоборот — чем меньше нас оставалось, тем ожесточеннее мы дрались.

Хочу поведать еще об одном подвиге нашего земляка на том последнем рубеже.

385-й полк Садова в составе двух батальонов, одной полковой батареи, взвода связи и управления и санслужбы 17 июля занял оборону неподалеку от совхоза Репище, километрах в двадцати северо-западнее Невеля. Часам к трем остатки полка рассредоточились вдоль шоссе. В первом эшелоне обороны и в боевом охранении находилась пулеметная рота лейтенанта В. А. Подшивалкина. Одним из взводов этой роты командовал уроженец Полазны коммунист Петр Чесноков. Его подразделение в составе 36 человек с четырьмя станковыми пулеметами и неполным боекомплектom патронов и гранат занимало высоту 202,4.

Высотка эта прикрывала подходы к совхозу Репище и господствовала над местностью. Фашисты не ожидали встретить здесь сколько-нибудь серьезного со-

противления, и их передовые части на машинах довольно беззаботно катили по шоссе. Даже воздушный разведчик, все время барражировавший впереди наступающих войск, не смог обнаружить столь малочисленных защитников высоты. Пулеметы Чеснокова ударили по колонне немцев внезапно с трехсот метров. На дороге возникло столпотворение. А это было только на руку пулеметчикам. Они всаживали очереди в самую гущу гитлеровцев.

Чуть придя в себя, фашисты открыли огонь из минометов. Но с перепугу они не могли определить, откуда их так неожиданно обстреляли. Огонь велся не прицельно, а по площади, и мины не приносили большого ущерба взводу.

Тогда противник предпринял усиленную разведку боем. Развернувшись в цепь, уперев автоматы в животы, фашисты пошли в атаку. Едва они приблизились метров на 120—150, пулеметы Чеснокова заговорили снова. Враг не продержался под огнем и десяти минут. Густо усеяв подступы к высоте трупами, он откатился назад. Через некоторое время немцы двинулись уже несколькими цепями за валом минометного огня.

Петр Чесноков, вероятно, видел, что фашисты скапливаются перед левым флангом высоты, где оборона была особенно жидкой — один ручной пулемет да один станковый. Командир зенитно-пулеметной роты Буткин, обосновавшийся неподалеку, хорошо видел, как Петр побежал по кустарнику на левый фланг. Пока он бежал, оба пулемета смолкли. Чесноков сам бросился за пулемет и открыл огонь по атакующим цепям уже с расстояния меньше ста метров. Гитлеровцы вначале залегли, но укрыться им было негде — ни кустика, ни бугорка, — и они снова отступили.

Противник подтянул легкую артиллерию и стал бить по высотке, а заодно и по всей нашей обороне прямой наводкой.

Петр был ранен, и, видимо, уже тогда не первый раз. Он оставался на этом участке совершенно один против множества врагов. Фашисты, собравшись с духом, снова двинулись на приступ. Но пулемет Чеснокова молчал.

Старший лейтенант Буткин неоднократно просил разрешения помочь взводу земляка огнем своих зенитных установок. Разрешения не последовало, потому что огонь обнаружил бы зенитчиков, которые являлись единственным резервом полка.

А фашисты уже в сотне шагов от Чеснокова, вот уже в полусотне. Зенитчикам хорошо видны пуговицы на мундирах и знаки различия, слышны сквозь треск автоматов выкрики: «Рус, сдавайс!»

И вдруг пулемет ожил. Чесноков расстреливал атакующих в упор, с расстояния одного броска гранатой. Но бил он в одно место, сжимая, видимо, ручки затыльника из последних сил.

И вот пулемет снова смолк.

Торжествующие фашисты бросились на высоту, беспорядочно швыряя гранаты.

Тогда Буткин получил разрешение Садова полоснуть по врагу в упор. Расчеты маневрировали так, что врагу, видно, чудилось, будто стрельбу ведет не один десяток пулеметов. Этого гитлеровцы вовсе не ожидали. Они заметались в панике, а потом побежали, наугад отстреливаясь через плечо.

Когда пулеметчики отбили высоту, они увидели Петра Чеснокова. Он был весь изранен, но убит, видимо, той пулей, которая угодила сквозь прорезь щитка в переносицу. Фашисты вынули его партийный билет и штыком прикололи к сердцу.

А вот еще одно свидетельство участника того боя. По моей просьбе день за днем Андрей Сергеевич Плешков припоминал события первых дней войны и записывал то, что казалось ему самым значительным. Он — старый солдат, командовал отделением станковых пулеметов еще на Халхин-Голе в 1939 году, потом воевал с белофиннами.

Вот только одна запись из тех далеких воспоминаний. «К вечеру противник совершенно обнаглел. Озлился, что не удалось прорвать оборону, стал чаще бросаться в атаки.

Я лично выполнял работу первого номера и командовал отделением и в этот день уничтожил своим пулеметным огнем более 50 человек. Противник заметил, что эта пулеметная точка точна и устойчива, и каким-то способом сумел вечером забросить к нам в окоп связку гранат. Было уже темно. Я понял, что заброшены гранаты, стал искать их, но нащупать не сумел и решил из окопа выскочить, но уже не успел, и гранаты разорвались, и оторвало напрочь одну ногу. Прибегает комвзвода Чесноков Петр и спрашивает: «Плешков, почему пулемет не работает?» Увидел меня и говорит: «Ну, до свидания, Плешков. Я пойду к пулемету, а вынести тебя сейчас кого-нибудь пришлю». Чесноков сам был тоже за первого номера, и сам вел стрельбу.

Меня унесли с поля боя Санников Петр из Югокамска, а другого солдата не помню.

Потом в госпиталях перенес три ампутации, потому что осколком нога была поражена высоко.

За все вышеуказанное и пройденное награжден орденом Красной Звезды и 4 медалями.

Сержант Плешков А. С.
с. Рождественское Пермского р-на».

Противник силами армейского корпуса 18 июля нанес удар в направлении Невеля. Во второй половине дня пехотная дивизия гитлеровцев, посаженная на машины и усиленная танками, обошла соседа слева и ворвалась в Невель. Крупные части танков и мотопехоты зашли в тыл нашей дивизии. Одновременно немцы подтягивали не менее крупные силы с запада.

Так 112-я дивизия оказалась в плотном вражеском окружении. Отрезанная от главных сил армии, дивизия превратилась как бы в остров, остров живой, остров сражающийся.

Полковник Копяк принял единственно верное решение: не давая противнику закрепиться, атаковать его, разорвать кольцо окружения на участке шоссе Ленинград — Невель северо-восточнее Репище и вывести в прорыв оставшиеся силы. Зная по опыту, что немцы неохотно воюют ночью и избегают столкновений в темноте, Копяк решил нанести удар именно в ночь с 18 на 19 июля.

С наступлением сумерек остатки полков подтянулись ближе к шоссе и расположились клином. В острие его стоял наиболее сильный 416-й кунгурский полк майора Буданова. Вперед была выдвинута вся наличная противотанковая артиллерия, для которой собрали подчистую все до последнего снаряда. Их должно было хватить минут на десять-пятнадцать интенсивного огня. Дивизион Тарасова приготовился поддержать атаку. Вся остальная техника, посеченная осколками, без боеприпасов, без горючего и транспорта была уничтожена или приведена бойцами в полную негодность.

В полночь загрохотали залпы орудий 416-го полка. Разрывы озарили шоссе, высветили силуэты танков и бронетранспортеров. Даже небо побагровело. Кунгуряки обрушились на захватчиков.

Первые цепи атакующих, забрасывая танки гранатами, сумели прорваться за шоссе. Пулеметным огнем они пытались расширить прорыв, но были встречены сильным танковым огнем с флангов. Почти вся эта героическая передовая группа прорвавшихся погибла.

Полк залег перед шоссеиной насыпью. Снова ударили противотанковые орудия, и через минуту кунгуряки вновь атаковали простреливаемый насквозь участок прорыва. Гитлеровцы ввели в бой новые танки, перебросив их со стороны Невеля и Себежа. Ночная схватка все более разгоралась и принимала затяжной характер. Враг имел многократный перевес сил. Танки гитлеровцев, врезавшись в цепи атакующих, расчленили полк Буданова на две неравные части и плотным огнем закрыли участок прорыва. Полоса шоссе длиной в полкилометра вся была охвачена пламенем. Горели подбитые танки и бронетранспортеры, трассирующие пули прошивали ночную темь, сквозь которую проносились трассирующие же снаряды, ни на минуту не гасли осветительные ракеты.

Кунгуряки понесли тяжелейшие потери. Не было уже ни одного орудия, ни одного исправного пулемета.

Майор Буданов был ранен, и озверевшие фашисты схватили его.

Но еще до четырех часов утра не стихал этот беспримерный бой.

Фашистам казалось, что с дивизией пермяков, для оттеснения которой на сто километров потребовалось двадцать шесть дней, теперь покончено. Гитлеровцы буквально задыхались от злобы и вымещали ее на тяжелораненых, захваченных на участке прорыва.

И все-таки дивизия еще жила. И она продолжала бороться.

К четырем утра, когда бой на участке кунгуряков пошел на убыль, 385-й полк Садова скрытно сосредоточился по левому флангу участка прорыва. Весь полк не насчитывал в строю и трехсот бойцов, зато был обременен обозами раненых. Артиллерии у Садова совсем не было, но оставалась зенитно-пулеметная группа из лучших пулеметных расчетов дивизии. Эта группа под командованием бесстрашного пермяка Алексея Буткина располагала всего четырьмя счетверенными пулеметными установками.

Когда бой на участке полка Буданова окончательно затих, слева от него заговорили пулеметы Буткина и снова расчистили путь на другую сторону шоссе. Под прикрытием пулеметов бойцы 385-го полка внезапно атаковали шоссе. Гитлеровцы, занятые боем с остатками 416-го полка, никак не ожидали такой дерзости и опять были захвачены врасплох.

И это в то время, когда немцы были убеждены, что дивизии больше не существует!

Кольцо окружения ненадолго было разорвано, и в прорыв немедленно устремились остатки полка с командами раненых.

Пулеметчики вместе со своим командиром успели в это время осмотреть участок, где дрался 416-й полк. Догорали десятки вражеских танков, бронетранспортеров, по обочинам дороги пылали автомашины. Казалось, даже сама земля горела.

Пулеметчики искали раненых и не находили.

И вдруг несколько в стороне от шоссе они обнаружили три трупа, распятых на стволах сосен. Перед тем, как зверски казнить, этих людей подвергли чудовищным пыткам. На груди у каждого вырезаны звезды. В глаза вбиты патроны. Под обуглившимися

ногами еще чадили головешки затухающих костров.

Это были секретарь парторганизации полка, уполномоченный особого отдела дивизии и командир полка майор Александр Антонович Буданов...

Участок прорыва — узенький, как самые узкие пермские улочки, — не мог продержаться долго. Его попросту нечем было удерживать.

Оставшиеся в кольце еще долгие дни мелкими группами просачивались из окружения. «Нашелся» и батальон капитана Никитина, отрезанный немцами от полка. Он воевал самостоятельно и с большими потерями вышел из огненного кольца.

Так, 19 июля, через четыре недели после начала войны, 112-я стрелковая дивизия перестала существовать как войсковая единица.

Теперь, спустя почти треть века, когда оглядываешься назад, невольно думаешь: какими же исполнинскими силами обладает наш народ, выстоявший в 1941 году!

Советские воины явили миру небывалый массовый героизм с первого часа войны. Идеи защиты Родины, воспитанные в народе Коммунистической партией, воплотились в подвигах наших бойцов.

План молниеносной войны провалился еще летом 1941 года. Гитлеровская армия пришла под Москву, потеряв в лесах и на переправах, при штурме городов и безымянных высоток сотни тысяч своих солдат.

Мы дрались, отлично понимая, что в этих боях надо любой ценой сдержать врага, надо выиграть время, необходимое Верховному Главнокомандованию для стратегических маневров.

И мы выполнили свою задачу. Героическая борьба советских войск в июле — сентябре позволила Ставке проделать гигантскую работу: на рубеже Днепра был

создан Резервный фронт в составе шести армий, создавались стратегические резервы, строились оборонительные полосы. А с Урала, из Сибири, с Дальнего Востока, из Средней Азии подходили к фронту новые дивизии.

И грянул бой!

Еще никто не бил Гитлера так, как сделала это под Москвой Красная Армия. Разгром ударной группировки немецко-фашистских войск положил начало решительному повороту не только в ходе Великой Отечественной войны, но и во всей второй мировой войне. Разгром гитлеровцев под Москвой стал началом крушения нацистской Германии.

Но сначала были сотни Красслав.

...Из тех бойцов дивизии, кто в июле и августе вышел из окружения, был сформирован 112-й полк. Боевое Красное знамя дивизии было спасено, а потому со временем она возродилась и продолжала воевать как моторизованное соединение. Разумеется, ее личный состав сменился почти полностью. Однако еще многие ветераны оставались в строю.

А ВОЙНА ПРОДОЛЖАЛАСЬ

Теперь мне хотелось бы рассказать о том, как развернулись события начала войны для всей нашей уральской 22-й армии. Сделать это тем легче потому, что после боев на реке Сарянке я был отозван на работу в штаб армии. Из дивизии меня отпускали неохотно — ведь каждый командир находился в те дни на особом счету. Да и, кроме того, я был, как-никак, старожилом дивизии, служил в ней с самого начала формирования.

Разумеется, самому мне еще тяжелее было оставлять родное соединение, притом в очень трудном

положении. Все, кто прошел фронт, поймут меня. Ведь недаром же раненые после скитаний по госпитальям хотят во что бы то ни стало вернуться в свою часть. В минуты расставания с боевыми товарищами всегда кажется, что таких уж никогда и нигде больше не встретишь.

Но приказ есть приказ. Майор Родионов вручил мне наспех отпечатанное предписание, полковники Копяк и Лев пожелали успехов, и днем 10 июля я отправился к месту нового назначения.

Ехали на грузовой машине вдвоем с водителем. Экономя время и сокращая путь, пробирались проселочными дорогами. До места в этот день не добрались, до штаарма было все же около ста километров. Ночевали в расположении штаба нашего 51-го корпуса.

На другой день доехали до Невеля.

Измученный бессонницей, издерганный тревогами и тысячами неотложных дел, военный комендант города указал нам район расположения штаарма. КП штаба мы нашли в лесу северо-западнее Невеля. Вся территория была опутана кабелем — и стелющимся по земле, и подвешенным на шестах.

Должность, которую мне предстояло исполнять, именовалась так: старший помощник начальника оперативного отдела штаба артиллерии армии. Начальником штаба артиллерии был полковник Чудинов, который в свою очередь подчинялся начарту армии генерал-майору Петру Никитичу Ничкову. Обоих я знал еще по мирному времени. Они имели большой опыт работы в штабах, а полковник Чудинов к тому же и опыт первой мировой войны.

У меня почти не было времени оглядеться, ознакомиться с обстановкой, я сразу же включился в круг своих обязанностей. Предстояли частые поезд-

ки в войска, сбор оперативных данных, составление всевозможных сводок для штаба фронта и масса всяких других больших и малых дел.

22-я армия входила в состав Западного фронта и состояла из двух стрелковых корпусов и ряда армейских частей и подразделений. 51-й корпус имел в своем составе 112-ю и 98-ю стрелковые дивизии, прибывали также еще одна стрелковая дивизия и гарнизон Полоцкого укрепленного района. Командовал корпусом генерал-майор А. М. Марков.

В состав 62-го корпуса входили 126-я, 153-я, 186-я стрелковые дивизии, гарнизон Себежского укрепрайона и на подходе была дивизия из резерва. Командовал корпусом генерал-майор И. П. Карманов. Его я тоже знал хорошо еще по службе в 65-й дивизии, которой он одно время командовал.

112-я дивизия находилась на правом фланге армии, являясь в то же время авангардным ее соединением.

К сожалению, ни в специальной военно-исторической, ни в массовой литературе нет более или менее подробного освещения боевых действий нашей уральской армии. Некоторое исключение составляет только «История Уральского военного округа», вышедшая в Воениздате в 1970 году. «Опираясь на сооружения укрепрайонов, — отмечается в этом труде, — 22-я армия сдерживала натиск 3-й танковой группы противника и создала угрозу флангам групп армий «Север» и «Центр». Уральцы нанесли серьезные потери 57-му моторизованному и 23-му армейскому корпусам и на несколько дней задержали продвижение фашистов».

Роль артиллерии повышалась с каждой неделей, с каждым месяцем войны; несмотря на потери, ее становилось все больше и больше, и до конца войны

она оставалась главной ударной силой. Конечно, танки — тоже сила немалая. Но много ли их было в 1941 году? На этот вопрос отвечает маршал А. И. Еременко, который некоторое время командовал Западным фронтом. В своих воспоминаниях он сообщает: «В июне 22-я армия имела немногим более сотни танков, из них наиболее эффективных Т-34 — лишь пятнадцать. В то время как артиллерийских стволов мы уже тогда имели 698 единиц».

Артиллерия армии состояла из батальонной, полковой, дивизионной, корпусной и армейской. Кроме того, при проведении крупных операций придавалась еще артиллерия усиления из резервов. Во главе ее стоял начарт со своим штабом и отделами и большим артснабжением.

Штаб артиллерии работал круглые сутки. Всегда где-то велись бои, атаки и контратаки. Шло пополнение, шли эшелоны со снарядами, их надо было принимать, направить в войска. Когда мы спали и ели? Трудно ответить. Все на ходу.

Для меня время проходило так: «Капитан, к начарту!», «Капитан, к командиру!», «Капитан, поедете со мной!», «Почему не готовы сводки на 1.00 ночи? Готовьте дополнительно на 3.30 утра», «Встречайте начальника артиллерии фронта», «Вас на Бодо — разговор с фронтом». И так сутки за сутками. Выручали молодость, здоровье, хорошая подготовка мирного времени, сознание долга и ответственности. Я хотел в строй, на передовую. Однако грозные события развивались своим чередом и от каждого бойца и командира требовали безостаточной отдачи всех духовных, умственных, физических сил.

Противник нещадно бомбил Невель, Новосокольники, Витебск, Великие Луки. Особенно донимали танки. У противника их были многие сотни. Ослож-

нилось положение на левом крыле, в районе Витебска, на стыке нашей армии с 20-й армией. Здесь крупные силы противника перешли в наступление. Наша 98-я дивизия была потеснена и сосредоточивалась в лесах северо-западнее Городка. Создалась прямая угроза захвата Невеля, важнейшего для нашей обороны города.

В памяти встает жаркий день. Это было 14 или, быть может, 15 июля. Горит Невель. Несколько часов кряду его жестоко бомбили. С запада и юго-запада к городу приближаются танки. Уже в полосе обстрела и штаб армии. Положение крайне тяжелое.

Мы пытаемся прикрыть танкоопасные направления. Резервов больше нет. Особенно беспокоит юго-западное направление, где пути подхода прикрыты совсем слабо. Мы наблюдаем из района городского кладбища и чувствуем, что надо бы прикрыть эту брешь хотя бы одним дивизионом. Только до конца дня, до подхода резерва. Он уже на марше к Невелю.

В мучительных поисках принимается решение: прикрыть направление 85-миллиметровыми орудиями зенитной батареи. Иного выхода нет.

И вот зенитная батарея на позициях противотанковой обороны. Я ставлю ей боевую задачу и приказываю принять самые энергичные меры для маскировки. Высокий сухощавый старший лейтенант повторяет приказание и бежит к орудиям. Зной. Космы дымов стелются над разрушенными улицами. Воды поблизости нет. Зенитчики, взмокшие от пота, долбят кремнистую землю, чтобы укрыть батарею. Ясно слышится приближающийся гул боя.

Около четырех часов дня танковые подразделения противника атаковали рубеж батареи. Орудия вели беглый прицельный огонь, редкие цепи нашей пехоты прикрывали их.

Рубеж был удержан еще на одну ночь.

Штаб армии в эти же дни вынужден был сменить место своего пребывания. Теперь он располагался в лесу северо-восточнее Великих Лук.

18 июля противник ворвался в Невель. 112-я дивизия оказалась окруженной. Для полков настали самые тягостные, самые трагические дни. Штаб и Военный совет армии делали все возможное для вывода частей из вражеского кольца. Отдельные подразделения и группы с боями продолжали выходить из окружения до конца июля и весь август. Вышли с остатками своих подразделений майор Медведев, капитаны Никитин, Копытов, Микрюков и некоторые другие.

Иные из тех, кто прорваться не смог, воевали в партизанских отрядах. Так, группа кунгуряков под командованием начальника штаба 416-го полка К. П. Марсова присоединилась к Куньинскому партизанскому отряду. Сам Марсов стал начальником штаба, а затем командиром этого отряда.

Вышел с группой бойцов и полковник Копяк. Он был ранен и довольно продолжительное время находился при штабе армии. Я часто встречался с ним в это время, и мы подробнейшим образом обсуждали все перипетии событий и судьбы людей. Копяк в те дни был мрачен, очень тяжело переживал потери. Несколько дней он готовил обстоятельный доклад Военсовету о боевых действиях дивизии.

Вот что рассказывает о том периоде действий нашей армии «История Уральского военного округа»: «В результате отхода 27-й армии Северо-Западного фронта правый фланг 22-й армии 11 июля оказался открытым, левый фланг был глубоко охвачен противником, прорвавшимся к Витебску. Однако соединения, оборонявшиеся в центре, продолжали вести

упорные бои. Враг сосредоточил против 6 дивизий армии 16 своих. Растянутые на фронте в 280 км, наши дивизии не смогли организовать плотную оборону, а резервов у командования армии больше не было. Располагая огромным превосходством в силах и средствах, гитлеровцы прорвали оборону наших войск севернее Полоцка и 18 июля овладели Невелем. 22-й армии пришлось оставить Полоцкий укрепрайон и отходить на северо-восток. Вражеская танковая дивизия прорвалась в тылы и 20 июля захватила Великие Луки. Создавалось критическое положение, однако на помощь пришли резервные войска, которые нанесли контрудар по прорвавшейся группировке и освободили Великие Луки... Они упорно удерживали рубеж до конца августа, сковывая крупные силы противника».

Своих однополчан я видел в последний раз около 20 августа. По приказу генерала Ничкова я проверял готовность к боям именно артиллеристов 112-го полка, хотя артиллеристы действовали как стрелки или пулеметчики.

На позиции команды артиллеристов я приехал на рассвете. Володя Копытов очень обрадовался нашей встрече. Первые минуты, как водится, ушли на обмен новостями, на воспоминания о доме, о друзьях, живых и погибших. Потом взялись за работу. Я проверил, знают ли бойцы боевую задачу, состояние оружия, наличие боеприпасов, готовность к боевым действиям.

Все оказалось по-копытовски в норме. Даже в такой, совсем необычной для пушкарей, обстановке, чувствовалась подтянутость, чувствовалась четкая дисциплина.

На прощанье Володя только попросил, чтобы как можно быстрее «народ пристроили к стволам».

Не мог я знать тогда, что вижу его, говорю с ним в последний раз...

Произведя перегруппировку, враг 22 августа нанес новый мощный удар в стыке 22-й и 29-й армий с целью выхода в тыл наших войск, оборонявших Великие Луки.

24 августа дивизии, повернув фронт на северо-восток и одновременно сдерживая наступление противника с запада, пытались разорвать кольцо окружения. К концу дня перешли к обороне. Кольцо сжималось. Враг спешно подтягивал резервы, закапывал в землю танки. Наутро следовало ожидать его решительных действий. Цель фашистов была предельно ясна: уничтожив армию в кольце, расчистить себе путь к Торопцу, Ржеву и двинуться далее на Москву.

В этот день генерал Ершаков и члены Военсовета решили атаковать в ночь на 25-е в северо-восточном направлении, где враг еще не успел как следует укрепиться, разорвать танковый заслон и соединиться со спешащими на помощь частями 39-й армии генерала Масленникова.

Колонна штаарма и Военсовета начала движение на северо-восток около десяти часов вечера. В центре в пешем порядке шло командование. Со всех сторон колонну окружали автоматчики из команды охраны штаба. Впереди, на расстоянии полутора-двух километров, двигались штурмовые колонны дивизий. Мы следовали за левой.

Штурмующим после двадцатикилометрового перехода предстояло преодолеть минные поля, которые поспешно создал противник, ринуться навстречу пулеметам, пробить проход сквозь полосу огня из танков, закопанных в землю. И все это без всякой поддержки артиллерии, и обязательно до наступления

рассвета. В светлое время суток такой прорыв был бы заранее обречен на неудачу.

Шли без привалов, несли оружие, несли раненых, вели под руки тех, кто мог хотя бы стоять, но не мог самостоятельно двигаться.

Передовые дозоры, пробиравшиеся впереди всех на ощупь, напоролись на немецкие пикеты. Началась перестрелка. Открыли огонь вражеские пулеметы, минометы, а затем и артиллерия — с запада, почти нам в спину.

Мы разделились на две группы и пошли разными направлениями. В нашей группе находились десятка два автоматчиков, офицеры штаба, начарт генерал Ничков, начальник особого отдела армии генерал Прищепа. Серьезно заболевший командарм находился в другой группе.

Около пяти утра мы пересекли дорогу от Великих Лук на Торопец и двинулись далее на северо-восток. Едва взобрались на гребень какой-то высотки, как по нам полоснули из пулеметов. Мы залегли. Потом автоматчики выдвинулись вперед. Их возглавил я. Остальные, обтекая высотку под прикрытием нашего огня, отходили к лесу.

Меня оглушил удар в голову. Совершенно отчетливо помню, как в горячке боя, под пулями, я снял каску и внимательно осмотрел. Борозда от пули шла по лобовой части и от виска — пуля срикошетировала. Каска, сработанная лысьвенскими мастерами, спасла мне жизнь.

Внимательно осмотревшись, мы убедились, что у противника есть снайперы — они били на выбор. Было уже несколько раненых.

Отход группы мы обеспечили, и я подал команду:

— Перебежками к лесу! Раненых выносить на платках!

В этот момент острая боль пронзила плечо и левую руку. Рукав сразу промок от крови. Перевязываться было некогда. Оставив за себя сержанта, я отполз назад. Уже не оставалось сил, чтобы сделать перевязку, — сразу потерял много крови, перед глазами плавали радужные круги, кружило голову.

С трудом я все же поднялся и побрел к лесу. Пошатывало. Быстро уходили силы.

Я не верю в чудеса, но в жизни случаются моменты, очень похожие на них. На гребень высоты выскочил боец на лошади без седла. Я ему прокричал: — Подъезжай сюда! — и замахал здоровой рукой.

Красноармеец сразу смекнул, в чем дело, и помог мне взобраться на лошадь.

Уже совсем обессилевший, я догнал свою группу. Генерал Прищепа мастерски наложил мне повязку на плечо.

Еще сутки пробирались мы лесом, заболоченными низинами, нас обстреливали «кукушки», самолеты с бреющего полета. Но мы вышли к своим.

Большая часть войск 22-й армии вырвалась из окружения. Уральцы вновь закрыли грудью дорогу на Москву.

И хотя отступить пришлось еще немало, 22-я Уральская армия сохранила боеспособность и в решающих сражениях вместе с другими соединениями, вместе со всем советским народом сокрушила немецко-фашистских захватчиков.

ПЕРМЬ ВОЕННАЯ

Я был эвакуирован на лечение в Пермь.

Урал во время войны называли арсеналом армии, но в то же время он был и кузницей боевых кадров. Прикамье, находившееся на значительном удалении

от фронта и располагавшее большими людскими ресурсами, вооружением и техникой, сыграло немало важную роль в создании резервов для фронта.

Все предприятия Перми и области работали очень напряженно, давая Советской Армии большое количество военной продукции. Например, Мотовилихинский завод, старейший на Урале, в кратчайший срок освоил новые образцы артиллерийских систем, Лысьвенский металлургический завод был поставщиком стальных касок для воинов армии. Патриоты города и области уходили с работы только после выполнения установленной нормы. Труженики села, отправив своих лучших людей на фронт, сумели поднять производительность труда; на полях области работали тысячи звеньев высокого урожая.

Трудовым успехам пермяков содействовала их неразрывная связь с фронтом. Она зародилась еще в период формирования воинских частей и соединений и окрепла после их выезда на передовые позиции. Прибыв на фронт и вступив в бой с захватчиками, солдаты считали своим долгом докладывать землякам о бсевых делах. В июльские дни 1941 года в Пермь пришло письмо, в котором воины нашей 112-й стрелковой дивизии сообщали о своих первых победах над врагом. Когда письмо читалось на заводах, обескровленные полки дивизии вели ожесточенные бои с врагом у населенного пункта Репище, северо-западнее города Невель.

Госпиталь, в котором я лечился, размещался в главном корпусе педагогического института по улице Карла Маркса. Он был хорошо оборудован и оснащен. Исключительно заботливо относился к раненым воинам медицинский персонал. Таких эвакогоспиталей было много как в самой Перми, так и в районах области. Большую заботу о раненых проявляли тру-

женики. Так, пермские железнодорожники помогали разгружать санитарные поезда, горняки Кизела снабжали подшефные госпитали топливом, а колхозы — продуктами. Повсюду в сельской местности лучшие участки земли отдавались под «госпитальные гектары».

Всенародный размах приобрело донорство. Матери, жены и невесты воинов сдали в годы войны 24 тысячи литров своей крови, которая спасла от смерти и вернула в строй многие тысячи раненых воинов.

Такой была родная Пермь в те суровые дни.

Здесь мне еще раз довелось встретиться с незабвенным комбригом Адамсоном. Он был все такой же — неторопливый, подтянутый, «военная косточка». С конца июля он командовал 22-й запасной стрелковой бригадой.

Я с большим интересом знакомился с работой комбрига Адамсона. Вначале в бригаде было лишь четыре полка, один батальон выздоравливающих, пришедших из госпиталей, и курсы младших лейтенантов. Совсем немного времени спустя полков уже стало семь. Готовилась бригада к боям очень четко. На подготовку рядового бойца полагался лишь месяц, младшего командира — два, три месяца отводилось на обучение младшего лейтенанта. Правда, необходимо отметить, что молодежь в бригаду приходила уже в какой-то степени подготовленной. Большинство знали военные специальности, имели значки ПВХО первой или второй ступени, прошли обязательную 110-часовую программу всеобщего военного обучения.

Особенно хорошими бойцами и командирами становились те, кто приходил из батальона выздоравливающих. Многие из них после курсов младших лейтенантов утверждались сразу лейтенантами.

Артиллеристы бригады обучались стрельбе на полигонах. Саперы практиковались в подрывном деле на отмелях Камы.

Очень большую помощь в ту осень оказывали красноармейцы колхозам в уборке хлебов.

Спустя десятилетия, уже незадолго перед смертью, Ян Семенович Адамсон в письме ко мне вспоминал о той поре и о временах более поздних: «Многие, многие тысячи бойцов и командиров в составе маршевых рот и батальонов, отдельные части и соединения были отправлены на фронт из Прикамья.

Помню случай, когда одному из маршевых батальонов была указана для высадки станция, которая оказалась к моменту прибытия занятой противником. Начальник эшелона был человеком решительным и храбрым. Он приказал людей высаживать. Построил их в боевой порядок, перешел в наступление и отбил у врага пункт назначения.

Готовили мы и отдельные лыжные батальоны. Всего их было сформировано 43. Первым из них отправлялся на фронт 34-й отдельный лыжбат, которым командовал старший лейтенант комсомолец Юшкевич.

В феврале 1942 года в Пермский обком партии пришло сообщение, что за героические действия в тылу врага, в районе деревни Чернь на Орловщине, комбат Юшкевич удостоен звания Героя Советского Союза.

Интересное совпадение. 3 ноября 1919 года на узком участке мы рвали фронт деникинцев. Вверенному мне 3-му латышскому полку пришлось прорывать оборону противника как раз у той самой деревни Чернь. После нас через эту деревню в тыл белым устремилась бригада червонных казаков и кавполк латышской дивизии под общим командо-

ванием героя гражданской войны Примакова. И фронт был прорван, деникинцы бежали...

В общем, в Перми жилось трудно, напряженно, но и интересно. И, кажется, именно тогда сложили на Урале эту песню:

Уральцы бьются здорово,
Им сил своих не жаль —
Еще в штыках Суворова
Горела наша сталь.

Всегда с отрадой вспоминаю Пермь и пермяков».

СНОВА НА ФРОНТЕ

В конце сентября 1941 года закончилось мое лечение. Оформив необходимые документы, я отбыл на фронт с одним из эшелонов, которые через Пермь шли непрерывно с пополнением и техникой.

Штаб нашей Уральской 22-й армии находился уже в Калининской области в районе населенного пункта Кувшиново. Тяжелые упорные бои войска армии вели на рубеже Волги в районе Селижарово. В начале ноября оккупантам удалось захватить Селижарово, но дальше продвинуться они не смогли. С этого рубежа армия и начала в декабре контрнаступление.

Армией теперь командовал генерал-майор В. А. Юшкевич, а член Военного совета корпусной комиссар Д. С. Леонов был назначен членом Военного совета Калининского фронта, который был создан 17 октября. Уральская армия вошла в его состав. В ходе тяжелых боев постоянно менялся и состав армии. Уральские дивизии передавались в соседние армии, а в 22-ю вливались новые. Прибывали и сибирские соединения.

В ноябре мне было присвоено очередное воинское звание — майор, и я был назначен командиром артиллерийского полка одной из сибирских дивизий.

Были напряженные дни боев под Ржевом, бои на огненной Курской дуге, освобождение Белгорода и Харькова, форсирование Вислы, яростные атаки у озера Балатон, штурм Вены. Много было.

Грозный вихрь событий разбросал оставшихся в живых воинов 112-й дивизии по разным армиям и фронтам. Но еще не раз на рубежах войны мне доводилось встречать их. Короткие были эти встречи, а порой и последние.

В декабре 1941 года я несколько часов провел в боевых порядках артиллерийского дивизиона Николая Федоровича Микрюкова, к тому времени он за образцовое выполнение боевых приказов командования был произведен в майоры и успешно командовал артдивизионом 186-й уральской дивизии.

Микрюков был бодр, полон сил и энергии. Сгустились холодные декабрьские сумерки, и, попрощавшись с Николаем Федоровичем, я уехал. На рассвете следующего дня фашисты атаковали рубеж обороны Николая, и в яростной контратаке он был убит.

В марте — апреле 1942 года несколько недель мы держали оборону по левому берегу Волги у деревни Анциферово. На этом же участке по соседству с моим артполком были огневые позиции армейского артполка, которым командовал Сергей Афанасьевич Медведев. Мы часто с ним встречались и помогали друг другу в боевых делах.

В июле того же года шло наступление на Ржев. Я находился на КП дивизии, командуя огнем артиллерии дивизии. На несколько минут близ КП остановилась грузовая машина с офицерами. Взглянув в сторону машины, я увидел Сергея Афанасьевича, он,

узнав меня, приветливо помахал рукой, показывая то на грудь, то на петлицы гимнастерки. Я успел рассмотреть на груди его орден Красного Знамени, а на петлицах три прямоугольника. «Произведен в подполковники и награжден», — сообразил я. Он что-то кричал, но за шумом работающего мотора слышно было плохо, едва я разобрал его слова: «В армии был! Тебе тоже есть и то и другое!»

Машина рванулась вперед и скрылась в клубах пыли. Это была наша последняя встреча. Медведев ехал командовать артиллерией 40-го стрелкового корпуса и погиб в сражении.

В боях при освобождении Харькова доводилось встречать Г. В. Тарасова, бывшего командира дивизиона гаубичного артполка. Уже в звании подполковника он отлично командовал полком. Под Балатоном, в деревне Цеце, где мне пришлось командовать артибригадой прорыва, был я у Михаила Яковлевича Льва, произведенного в генерал-майоры и командовавшего артиллерией Донского казачьего корпуса. Нет в живых и его.

Дважды в боевой обстановке судьба сводила меня с Иваном Петровичем Беляевым. В первый раз встреча состоялась в лютые морозы в декабре 1941 года на позициях 186-й дивизии, где Иван Петрович продолжал служить комиссаром дивизии, ее полки вели упорные бои южнее Кувшиново. Вторая встреча была в конце июля 1943 года, накануне Курской битвы. В то время он командовал дивизией, был по-прежнему очень энергичен и активно готовил войска к предстоящим боям. Мы сидели в его блиндаже, вспоминали пережитые события под Краславой, а рядом гремела война.

Неувядаемой славой покрыла себя моя родная пермская дивизия. Приказом Верховного Главно-

командования в декабре 1941 года вновь развернулась 112-я стрелковая дивизия. Формирование и обучение проходило в Новосибирской области. На ее комплектование прибыли сибиряки, и совсем немного оставалось солдат и офицеров из первого состава, и среди них — лейтенант Николай Алексеевич Косач, участник боев под Краславой.

Дивизия участвовала в битве с ордами фашистов в Сталинграде, обороняла знаменитый Мамаев курган, заводские районы «Красного Октября», «Баррикады» и Сталинградский тракторный завод. В этих боях личный состав дивизии проявил исключительное упорство, самоотверженность и героизм. Вот что писал в газете «Правда» 30 января 1963 года об этих днях Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков: «Пятьдесят семь человек из 112-й стрелковой дивизии Сологуба девять дней обороняли сборочный цех, затем кручу в районе нижнего поселка тракторного завода. Вражеские танки, пехота, специальные штурмовые батальоны атаковали их по пять-шесть раз в день, но безрезультатно. Даже тогда, когда в группе осталось шесть человек, гитлеровские генералы считали, что кручу обороняет чуть ли не целая дивизия».

Так дрались приемники боевой славы пермяков. Далее дивизия участвовала в боях на Курской дуге, освобождала левобережную Украину, форсировала реку Вислу и удерживала Сандомирский плацдарм.

На земле поверженной фашистской Германии завершила дивизия свой боевой путь. В грозных сражениях ей было присвоено наименование Рыльско-Коростеньской. А на боевом знамени, развевавшемся на краславских рубежах и вынесенном из окружения, засияли ордена Красного Знамени, Суворова и Кутузова.

А 22-я Уральская армия в конце 1941 года наступала на Оленино, позднее действовала в районе Нелидово и города Белый.

После ликвидации вражеского ржевско-вяземского плацдарма в 1943 году армия держала оборону на Ловати, в 1944 году освобождала Хол, Новоржев, участвовала в Мадонской и Рижской наступательных операциях. В конце войны действовала в Румынии.

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

1418 дней и ночей длилась война. Каждый из этих дней, солнечных или туманных, буранных или дождливых, каждая из ночей, озаренных всполохами пожарами или фитильком блиндажной коптилки, огненными дугами снарядов или фейерверком салютов, — навечно врезаны в память. Но среди этих бесконечно долгих 1418 суток особое место в сердце занимают четыре недели героической борьбы нашей 112-й дивизии. Особое, потому что те 28 дней были самыми первыми.

Давно запаханы окопы, и на земле, обильно политой кровью пермяков, колосится золотая краславская пшеница. Давно поселили головы немногих оставшихся в живых ветеранов первых боев, и дети и внуки их относятся к ним, как к живым свидетелям самой истории.

Есть в Перми школа № 93. Она расположена как раз по соседству с Красными казармами. Нас издавна связывают с этой школой самые тесные отношения. Ведь еще до войны здесь учились дети наших краскомов. И моя дочь Татьяна училась. А сейчас там же преподает. И внучка моя здесь училась.

А у бывшего командира взвода Валерия Борисова учился внук.

Конечно же, здесь открыта комната боевой славы — школьники хотят знать, хотят помнить своих дедов, не вернувшихся из-под Краславы. И красные следопыты сами отправляются на места боев. По картам и без карт находят они боевые рубежи, находят дорогие могилы. Пусть не на всех плитах высечены имена. Иной раз просто: «Неизвестных — 102 воина». Ребята все равно знают — это их родные деды. Они высыпают на могилу по горсточке прикамской земли, и древняя латвийская земля, смешиваясь с нею, отныне тоже становится им родной. Большой материал о дивизии собран и в пермском техническом училище № 34.

Я долгие годы мечтал побывать на рубежах, в памяти моей все еще огненных. И вот в дни 25-летия освобождения Советской Латвии от немецко-фашистских захватчиков мы с Валерием Павловичем Борисовым собрались.

Надо ли говорить, да и возможно ли высказать, что мы почувствовали, когда впервые вышли на бывшие огневые позиции полков на Замковой горе. Все-все восстанавливалось в памяти.

Потом мы несколько дней ходили от позиции к позиции, от рубежа Замковой к рубежу восточнее города. «Вот здесь был КП Буданова, Марсов и Наумов допрашивали пленного», — узнавал я. «Вот здесь, здесь убило моих последних ребят», — вспоминал Борисов.

А вот Краслава, сам город стал неузнаваемым. Не было пепелищ и руин. Были новые фабричные корпуса, новый кинотеатр «Заря», поодаль — целый массив многоэтажных жилых домов. Все отстроилось, все снова зазеленело.

Однажды, гуляя в прекрасном дендрологическом парке у подножия Замковой, мы встретили старого солдата Василия Кирилловича Якимова. Того самого Якимова, который таскал нам на передний край мешки с хлебом собственной выпечки. Он узнал, что мы приехали, и искал нас. И принарядился ради встречи в старую-престарую солдатскую фуражку, бог весть откуда извлеченную. Скромнейший человек, он хоть этим хотел показать: солдат встречает солдата.

Из парка на вершину холма ведет лестница в сотню ступеней. А дальше аллея, обсаженная туйей. Аллея подходит прямо к старинному замку графа Платера. К тому самому замку, по имени которого названа гора и который некогда занимали наши штабы. Только теперь здесь — краславская 1-я средняя школа. И в той школе — музей боевой славы, созданный и пестуемый преподавательницей Яниной Станиславовной Гекиш.

Юные патриоты разыскивают безвестные братские могилы, адреса родственников погибших. Многие поседевшие в ожидании матери и вдовы приезжают сюда из городов и деревень Прикамья. Отдали и мы свой последний поклон праху наших однополчан, которые защищали родные камские берега здесь, на берегах Даугавы...

Вот уже несколько лет кряду, в майские дни Победы, собираемся мы, ветераны 112-й дивизии, на свои традиционные встречи в Перми. Те, кто не может приехать, пишут нам.

Из Владимира шлет письма бывший комиссар дивизии, впоследствии военком и командир одной из дивизий, ныне генерал-майор в отставке Иван Петрович Беляев.

Из Москвы мы получали весточки от бывшего начальника артиллерии дивизии, ныне покойного генерал-майора Михаила Яковлевича Льва.

Вначале нас было семеро. Потом двенадцать, позже девятнадцать человек. Сейчас установлены связи более чем с пятьюдесятью ветеранами.

В этой книжке я попытался рассказать лишь о самом характерном из того, что знаю, что удалось разыскать в архивах и о чем поведали мои оставшиеся в живых боевые товарищи.

Я буду безмерно счастлив, если книга поможет читателю хоть в какой-то мере представить атмосферу высокого героизма и несокрушимой воли к победе, которые так ярко проявились на краславских рубежах.

СОДЕРЖАНИЕ

7 Красные казармы	91 Контрудар
10 Рождение 112-й
стрелковой	106 На третьем рубе-
же
17 Накануне	117 ...И стояли на-
смерть
23 Тревога	126 Бой под Волын-
цами
29 То воскресное ут-
ро	137 Слово о медиках
37 Передовой отряд	144 Последние дни
47 На Замковой горе	155 А война продол-
жалась
59 Встречи и раста-
вания	164 Пермь военная
73 Краслава в огне	168 Снова на фронте
85 Черный снег вой-
ны	172 Много лет спустя

**Петр Венедиктович
Зороастров**

**ЭТО БЫЛО
ПОД КРАСЛАВОЙ**

Зав. редакцией М. Первов, редактор Т. Ключарева, художник В. Аверкиев, художественный редактор М. Курушин, технический редактор Л. Тренева, корректоры Л. Крамаренко, И. Пархомовская.

ИБ № 890

Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл.-печ. л. 6,43. Усл. кр.-отт. 6,649. Сдано в набор 02.06.82. Подписано в печать 05.10.82. ЛБ06528. Уч.-изд. л. 7,177. Тираж 5000 экз. Заказ № 606.

Цена 30 к.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.

Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Зороастров П. В.

**386 Это было под Краславой. — Пермь:
Кн. изд-во, 1983. — 175 с.**

Книга рассказывает о славном боевом пути 112-й стрелковой дивизии уральцев в первые недели Великой Отечественной войны.

3 $\frac{11202-60}{M152(03)-83}$ 09—83

9(с)27

